ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Под редакцией:
С.М.Орешникова, Т.Б.Поповой, В.М.Раушенбах,
А.П.Смирнова, М.В.Фехнер

Научная библиотека
Удмуртского
госуниверситета
г. Ижевск

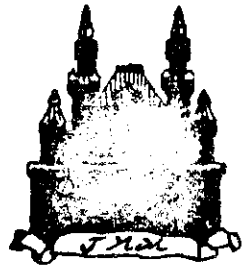
Библиотека УдГУ
1000822057

582969

Издательство "Советская Россия"

Москва – 1971

Предлагаемый сборник содержит статьи коллектива археологов Государственного Исторического музея, освещающие ряд вопросов истории и культуры племен и народов Восточной Европы от эпохи палеолита до средневековья. Включенные в сборник статьи являются результатом полевых исследований авторов и обработки музейных коллекций, большей частью еще нигде не издававшихся.



Л.В.ГРЕХОВА

КРЕМНЕВЫЙ КОМПЛЕКС СТОЯНКИ ТИМОНОВКА II И ОДНОТИПНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДЕСНИНСКОГО БАССЕЙНА

Проблемы изучения этнической истории племен Русской равнины в связи с исследованием отдельных памятников, выделением и определением границ археологических культур позднего палеолита постоянно ставились и ставятся в работах советских исследователей[1].

Сложность определения этнической принадлежности древнейшего населения по культурным остаткам палеолитических стоянок заключается в специфике материала, его фрагментарности. Наиболее полным источником в данном случае является кремневый инвентарь, анализ которого может дать представление об изменении, развитии форм орудий. Орудия труда являются самой подвижной, наиболее быстро изменяющейся частью производительных сил общества. К.Маркс подчеркивал, что связь в человеческой истории образуется благодаря тому, что каждое последующее поколе-

---

1/ В.П.Городцов. Археология. т.I. Каменный период. М-Пг. 1923 г.

С.Н.Замятнин. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Труды института этнографии им.Н.Н.Миклухо-Маклая. Новая серия, т.XVI, 1951 г.

А.Н.Рогачев. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культур эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. МИА.59. М-Л. 1957 г.

А.А.Формозов. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М., 1958 г.

ние берет как основу производительные силы уже полученные предыдущим поколением[2].

В силу относительной замкнутости общин позднепалеолитического времени, передача и закрепление производственных традиций, выраженных в типах орудий и технике их получения, имеют специфические особенности. Эти особенности и могут указывать на этническую принадлежность населения, оставившего стоянку. Сходство всех типов орудий в нескольких стоянках свидетельствует о принадлежности их к данной культуре, одной общности.

Анализ кремневого комплекса Тимоновки II и сопоставление его с другими позднепалеолитическими комплексами деснинского бассейна позволяет выделить здесь группу однотипных и одновременных стоянок, имеющих свои специфические черты.

Стоянка Тимоновка II находится в пос. Тимоновка в 2,5-3 км к югу от г. Брянска и представляет собой долговременное поселение с четко выраженным культурным слоем мощностью до 20 см, который залегает в четких стратиграфических условиях, соответствующих верхней части опорного лессового разреза у г. Брянска. По геологическим данным время поселения здесь человека относится к позднеледниковью и связано с концом формирования водораздельных лессов до начала прогрессивного потепления /аллеред/.

На стоянке было вскрыто основание наземной конструкции из крупных костей мамонта, которая по методу использования кости в качестве строительного материала не отличается от известных бытовых комплексов на позднепалеолитических стоянках Русской равнины[3].

2/ К. Маркс. Письмо П.В. Анненкову, 28 декабря 1846 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Изд. 2-ое, т. 27, стр. 402.

3/ П.И. Борисковский. Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе. СА, 1958, № 1, стр. 3-19. И.Г. Пидопличко. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1969 г.

Кремневый комплекс стоянки состоит из 13932 предметов. Для изготовления орудий население Тимоновки использовало в основном деснинский меловой кремень черного цвета или дымчатый полупрозрачный. Кремень использовался как плиточный, так и желвачный. Выходы желвачного кремня имеются в долине речки Супоневки /14 км. к западу от Тимоновки/ и в районе сел Голяжье и Хотылево /18-19 км к северо-западу от Тимоновки/. Плиточный кремень встречается в меловых отложениях в окрестностях стоянки.

Из всего собранного материала вторичную обработку имеют только 819 предметов, что составляет 5,86% к расщепленному кремню. Собственно орудий и их определимых обломков 632 экземпляра /4,53%/. Основную массу материала представляют мелкие отщепы и чешуйки, а кроме того крупные отщепы и пластины с галечной коркой /207 экз./. Группа предметов, связанных с первичной обработкой кремня - нуклеусы, сколы площадок нуклеусов, ребристые пластины, бесформенные куски со сколами - незначительна /402 экз. - 2,88%/.

Относительно небольшой процент этой категории предметов, несмотря на обилие отбросов производства, позволяет рассматривать весь комплекс кремневой индустрии Тимоновки II не как специализированную мастерскую по первичной обработки кремня, а как различные стадии получения орудий на стоянке, близкой к источникам сырья.

При всем многообразии позднепалеолитических нуклеусов на Тимоновке II можно выделить несколько типов: призматические /одноплощадочные, двуплощадочные/, клиновидные и конусовидные.

Всего целых определимых форм нуклеусов 70 экземпляров. Из них основную массу составляют призматические /45 экз./. Одноплощадочные нуклеусы /27 экз./ имеют слегка наклонную к тыльной стороне площадку. Двуплощадочные

нуклеусы /18 экз./ имеют ударные площадки, скошенные к тыльной стороне ядрища и таким образом расположенные под углом друг к другу. Сколы снимались так же только с одной, наиболее длинной стороны. В основном все призматические нуклеусы сильно сработаны. Некоторые экземпляры двуплощадочных нуклеусов сработаны настолько, что приближаются по пропорциям к массивным отщепам. Ширина нуклеусов колеблется в пределах от 40 до 20 мм., а высота 48-36 мм. Только несколько двухплощадочных ядрищ /9 экз./ имеют высоту 55-50 мм.

Небольшая группа конусовидных с приостренным концом нуклеусов /7 экз./ имеет те же пропорции, что и призматические. Как правило тыльная сторона этих ядрищ плоская за счет сохранения галечной корки или уплощена поперечным сколом.

О более крупных первоначальных размерах ядрищ свидетельствуют массивные пластины со следами галечной корки от 75 до 96 мм длины, продольные сколы нуклеусов /11 экз./ 60-80 мм длины и крупные ребристые пластины /25 экз./ длиной 55-82 м.

Группа клиновидных нуклеусов /17 экз./ представляет собой плитки кремня толщиной 15-25 мм, где пластины скалывались с одной узкой стороны. Уплощение этих нуклеусов с боков является естественным за счет сохранения галечной корки, а тыльная сторона слегка подправлена поперечными сколами для более удобного закрепления в твердой основе.

Они менее сработаны, чем призматические, очевидно плитчатый кремень давал пластины худшего качества. Высота плоскости скола в основном в пределах 55-50 мм. Наиболее крупный экземпляр достигает 86 мм, а наиболее мелкий - 45 мм.

тах называемых полиэдрических резцов, одной из разновидностей клиновидных нуклеусов на отщепах для скалывания микро-пластин.

Кроме определимых целых форм нуклеусов имеются обломки нуклеусов /66 экз./, куски, с которых снято несколько отщепов /69 экз./, а типичные формы /15 экз./. Сильно сработанные одноплощадочные нуклеусы /10 экз./ использовались в качестве отбойников. Все выступающие края ударной площадки этих нуклеусов, а также и некоторые грани сильно смяты от ударов и имеют характерную звездчатую забитость.

Среди отбросов производства преобладают мелкие отщепы до 20 мм. в поперечнике и чешуйки /6079 экз./, а также отщепы средних размеров от 40-35 мм до 20 мм в поперечнике /4813 экз./. Несмотря на такое огромное количество отщепов только небольшой процент их использовался для изготовления скребков. Как правило все орудия делались на пластинах. Пластин и их обломков 1406 экземпляров, из них небольшое количество имеет выщербины, заполированность или случайного характера ретушь по краю /6,8%/. Крупные пластины представлены единицами /20 экз. - длина 75-96 мм/ меньшие размеры /55-75 мм/ большим количеством - 102 экз. В основном /545 экз./ размеры их достигают 55 мм длины при ширине 8-15 мм[4]. Около 15% пластин сохраняет на спинке остатки галечной корки.

Орудия Тимоновки II в основном сделаны на пластинах (86,21%) и поэтому резко выделяются среди отбросов производства уже при расчистке слоя. Вместе с обломками общее количество орудий 632 экземпляра. Основная заготовка для орудий пластина размером от 40 до 55 мм длины. Более

4/ Цифры соответствуют количеству целых экземпляров.

крупные, а также более мелкие экземпляры встречаются реже.

Набор орудий Тимоновки II является характерным для памятников позднего палеолита деснинского бассейна, связанных со временем конца формирования верхнего лесса на плато. Особенностью этих комплексов является бедность форм кремневой индустрии и почти одинаковый подбор типов орудий:резцы /в основном боковые/, концевые скребки на укороченных пластинах и отщепах, пластины и острия с притупленным краем, небольшое количество проверток, проколок, Все орудия некрупных размеров.

Ведущее место в кремневой индустрии Тимоновки II занимают резцы /328 экз. - 51,9% среди всех орудий/. Все они, за исключением двенадцати экземпляров более крупных размеров, сделаны на пластинах 46-56 мм длины и 14-18 мм ширины.

Среди резцов Тимоновки II нет форм с малым углом заострения /до 40°/, небольшой процент составляют резцы с углом заострения от 40 до 50° и основную массу орудий /57,7%/ представляют резцы с углом от 60 до 80°. Если к этому прибавить резцы, угол которых более 80° и резцы на углу сломанной пластины, угол которых ок. 90°, то становится ясным назначение этого инструмента для резания твердого материала /кости/.

Боковые резцы являются ведущей формой среди других типов резцов /255 экз. - 78%/. У резцов этого типа ретушь снимает конец пластины в основном под углом 60-80° /рис. 1/1 -8/.

Резцовый скол бывает различной длины, но он идет параллельно оси пластины, узкий, ровный по самому краю с левой стороны и только в редких случаях заходит на брюшко. Правильному сколу могла способствовать легкая притупляющая ретушь по краю, предназначенному для сколов. Она от-

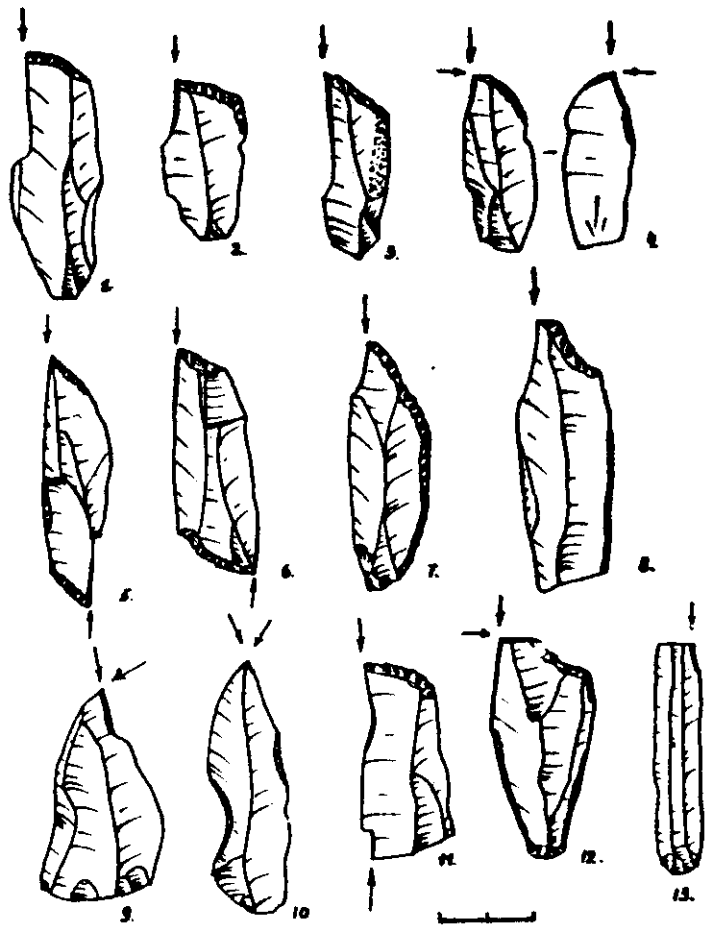


Рис.1. РЕЗЦЫ ТИМОНОВКИ II.

мечена не только на самих резцах, но и на резцовых отщепках.

Двойные резцы в основном боковые /25 экз. - 8,5%/ или смешанные боковые и на углу пластины /7 экз. - 2%/.

Среди резцов выделяется группа орудий /2%/, режущая кромка которых подживляется не продольным, а поперечным сколом. /рис.1, 4,12/. Крупные формы боковых резцов /11 экз./ сделаны на пластинах 58-80 мм длины и 18-30 мм ширины.

Угловых резцов 28 экземпляров /8,5%/ /рис.1, 9,10/. Они сделаны на более грубых пластинах и не представляют собой четкой серии. Резцы на углу сломанной пластины /31 экз. - 9,4%/ сделаны на правильных тонких пластинах до 4 мм толщины. Заготовок для боковых резцов всего 16 экз., следов использования на них обнаружено не было.

Вторую по численности категорию орудий представляют скребки /180 экз. - 28,5%/ /рис.2/.

Скребки Тимоновки II разнообразны по пропорциям и по способу оформления рабочего края. Среди скребков большой процент составляют обломанные орудия /75 экз. - 41,8%/. Судя по целым формам, скребки изготовлялись в основном на укороченных пластинах, т.е. заготовки имеют параллельные края, двух или трехскатную спинку, вытянутые пропорции, но ширина их /2-3 см/ несколько больше половины длины пластины, потому они получают укороченный формат /35 экз./. Такую же группу составляют скребки на отщепах /34 экз./. По сравнению с ними концевые скребки на пластинах остаются в меньшинстве /26 экз./.

Для всей группы концевых скребков, независимо от их размеров, характерным является скребковая ретушь только на конце пластины, не заходящая на ее края. Исключение составляют 8 экземпляров, у которых ретушь спускается по одному /правому/ краю /рис.2, 7/. Рабочее лезвие скребков

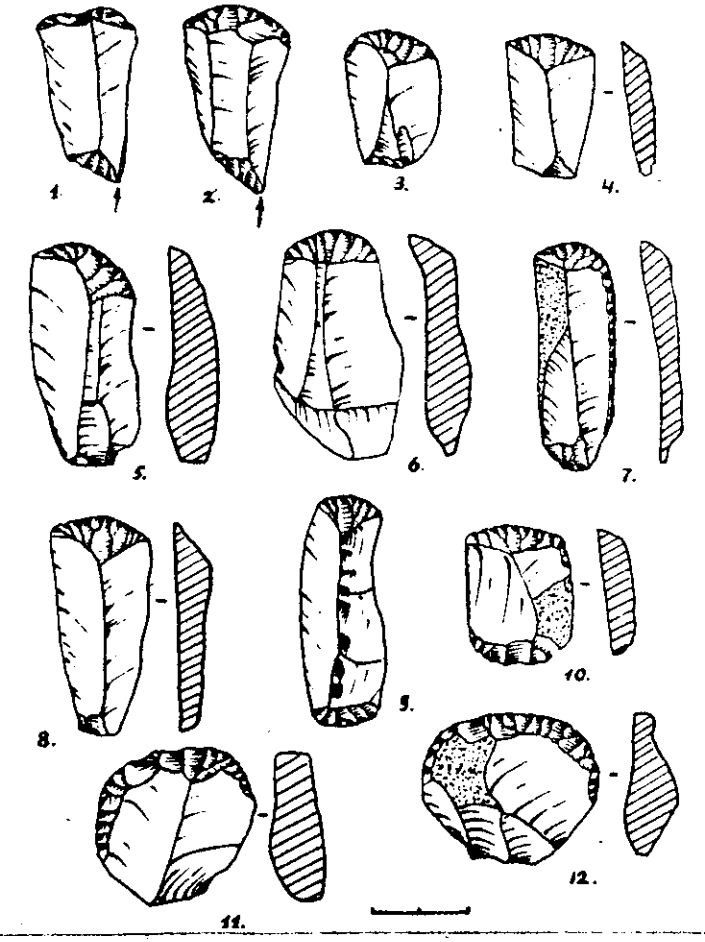


Рис.2. СКРЕБКИ ТИМОНОВКИ II.

выпуклое, ровное, у некоторых сильно сработанных орудий имеет скошенность в правую сторону.

Форм двойных скребков в коллекции мало /10 экз./ /рис. 2, 9, 10/. В основном они на ребристых пластинах и массивных отщепах. Рабочий угол этих скребков приближается к 90^{0} и не менее 80^{0}. Два из них представляют собой скребочки на отщепах почти квадратной формы, но ретушь локализуется только по рабочему лезвию, не заходя на край. Круглых небольших скребков или приближающихся к ним форм в коллекции нет. Во всей группе скребков имеются два орудия на отщепах с широким рабочим краем, ретушь широкой дугой охватывает почти половину окружности отщепа /рис. 2, 12/. Рабочий угол их равен 90^{0}.

Небольшим количеством экземпляров в коллекции Тимоновки II представлены комбинированные орудия и в частности резцы - скребки /10 экз. - 1,58% к общему количеству орудий/ /рис.2, 1,2/. У некоторых экземпляров имеется ретушь по одному или даже двум краям, но эта притупляющая ретушь по краю не скребкового характера, а связана с боковым резцом, с оформлением и его подправкой.

Большую группу орудий /49 экз. - 7,7%/ составляют пластины с притупленным краем и их обломки /рис.3, 1-6/.

Подобного типа орудия сделаны на небольших пластиночках: длина целых форм 22-29 мм, ширина 5-7 мм, толщина 2-3 мм. Ретушь в большинстве случаев притупляющая, высокая, глубоко заходит в тело пластины. Противоположный край не обработан. У некоторых обломанных пластин /9 экз./ наблюдается неровная, меняющаяся по характеру ретушь - у основания более мелкая, к средней части - более высокая, но и в том и в другом случае притупляющая.

К категории орудий с притупленным краем непосредственно примыкают орудия с выемкой на одном или двух краях /3 целых + 4 обломка/ /рис.3. 11/. Они сделаны на более

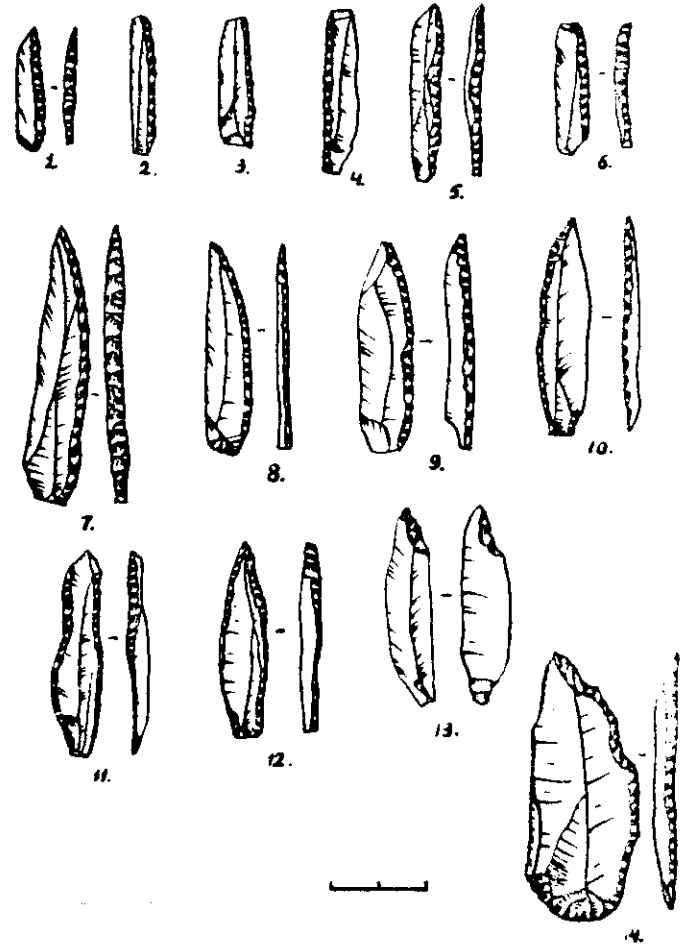


Рис.3. КРЕМНЕВЫЙ ИНВЕНТАРЬ ТИМОНОВКИ II.

крупных пластинах 41-42 мм длины и 9-11 мм ширины. Выемка с боков очень неглубокая, оформлена притупляющей ретушью, очень высокой, глубоко заходящей в тело пластины. Высокой притупляющей ретушью обработаны концы симметричных проверток /6 экз./ на пластинах 39-40,5 мм длины, 9-10 мм ширины и 4 мм толщины /рис. 3, 12/. Имеются еще две провертки на пластинах 40 мм и 53 мм длины, рабочий конец которых оформлен противолежащей ретушью с двух сторон /рис. 3-13/.

Небольшую, но интересную группу орудий составляют острия на пластинах, которые называют вариациями шательперронов[5/], остриями коттес[6/], федермессер[7/].

В нашем комплексе этот тип орудий представлен 4 целыми предметами, 3 - с обломанным основанием и 2 - обломка концов - всего 9 экземпляров /рис. 3. 7-10/. Заготовками для этих орудий явились правильные пластины длиной 55-43мм, шириной 9-10 мм и толщиной 3-4 мм. Притупляющая ретушь, идущая по краю пластины, формирует аркообразный, подобный шательперрону, изгиб спинки пластины. Высота фасеток ретуши 2-4 мм т.е. в толщину пластины. У некоторых орудий характер ретуши по краю в средней части пластины меняется, она становится менее высокой и притупляет край, не поднимаясь до спинки. Микро-острия типа шательперрон отличаются от шательперронов более мелким размерами, они уже более

5/ Denise de Sonneville-Bordes. Le Paléolithique supérieur en Périgord. t.I, Bordeaux, 1960,p.18
6/ L.Pradel, Le Périgordien II de la grotte des Cottés. Bulletin de la Sosiété Prehistorique Francaise, t.LVI, 7-8, Paris, 1959,p.423
7/ Schwabedissen, Die Federmesser-Gruppen das nordwesteuropäichen Flachlandes. Neimrinster, 1954.

вытянутой формы и, самое главное, характером ретуши,оформляющей край и конец пластины. Ретушь по своему характеру ближе к граветтской. Однако форма этих острий резко отличается от острий граветт. Выделенная категория орудий представляет как бы переходную форму между шательперроном и остриями граветт.

Кроме кремневых орудий в инвентаре стоянки имеется несколько кварцитовых отщепов и одно скребло на кварцитовой плитке 98 мм длины, 61 мм ширины и 10 мм толщины. Плитка сохраняет с двух сторон галечную корку, слегка окрашенную суриком.

Рассмотрев кремневую индустрию стоянки Тимоновка II, мы видим, что она относится к той группе позднепалеолитических стоянок среднеднепровского района, для которых характерна общая бедность форм кремневой индустрии, преобладание боковых резцов в комплексе, отсутствие серий орудий с двусторонней обработкой и подтеской концов. Несмотря на небольшие размеры орудий, в кремневом комплексе Тимоновки II мы не прослеживаем четкой тенденции к микролитизации и геометрическим формам. Для техники выделки орудий Тимоновка II характерна высокая притупляющая ретушь, а среди форм наблюдается очень небольшое количество комбинированных орудий и двойных типов.

Ближайшие аналогии кремневой индустрии Тимоновки II мы находит в комплексе Тимоновки I. Основную массу материала здесь также составляют отщепы /80,3%/, но заготовкой для орудий в основном является пластина. Пластины небольшие с неровными краями длиной 20-50 мм, более крупные экземпляры единичны. Состав орудий стандартен: резцы, скребки, косые острия /заготовки боковых резцов/, пластины с притупленным краем, резцы-скребки, провертки - всего 6433 экз. Ведущей формой орудий являются резцы /4714/ с преобладанием среди них формы бокового резца

/4088 экз. - 86,72%/. Небольшим количеством представлены угловые /324 экз. - 6,88%/ и резцы на углу сломанной пластины /191 экз. - 4,05%/, а также не типичные формы /111 экз. - 2,35%/.

Скребки в основном на отщепах и укороченных пластинах /1098 экз./, двойные составляют только 6,3%.

Проколки, провертки Тимоновки 1 сделаны на узких длинных пластинах /35-40 мм длины, 8 мм ширины/, симметричны, жальце оформлено высокой притупляющей ретушью /16 экз. - 0,25%/.

Среди пластин с притупленным краем отмечается более широкое использование легкой, притупляющей только край ретуши.

Кремневый инвентарь Тимоновки 1 собран, зафиксирован и опубликован по отдельным комплексам[8]. К трем комплексам, выделенным В.А.Городцовым, необходимо добавить четвертый комплекс /материал землянок I и II с прилегающей территорией/, который обозначен при музейной фиксации отдельной группой, но почему-то не отразился в публикациях как отдельный комплекс.

Самым большим и интересным является первый комплекс /41546 предметов - 2158 орудий/. Основной формой орудия являются резцы /1231 экз. - 57,14%/ с преобладанием бокового типа /1114 экз. - 90,5%/. Отличительной чертой этих резцов является то, что у 44% из них ретушь спускается на край пластины. Угловые /42 экз. - 3,4%/ и на углу сломанной пластины /27 экз. - 2,19/ занимают подчиненное положение. В этом комплексе имеется четкая серия скребков-резцов /99 экз. - 4,58%/ на довольно крупных пластинах 50 мм и более длины.

8/ В.А.Городцов. Тимоновская палеолитическая стоянка. „Вестник АН СССР", М-Л, 1934, № 1, стр.61-64.

В.А.Городцов. Тимоновская палеолитическая стоянка. Труды института антропологии, этнографии, археологии, вып. 3, М-Л, 1935 г.

Скребки первого комплекса /625 экз. - 28,96%/ представлены различными формами, но в основном на укороченных пластинах. Среди концевых скребков на пластинах /50 экз./ 20 сделаны на более крупной заготовке 50-70 мм. У скребков на пластинах ретушь, формирующая рабочее лезвие, не заходит на края заготовки. Двойные скребки /23 экз. - 3,69%/ сделаны на отщепах и среди них имеются почти квадратные формы. Во всей группе скребков есть 6 орудий на крупных отщепах с широким рабочим краем, захватывающим половину окружности отщепа.

Среди пластин с притупленным краем выделяются две группы: одна с высокой притупляющей ретушью /55 экз./ и вторая с легкой - по самому краю пластины /24 экз./. В первом комплексе есть 8 экземпляров /7 целых, 1 облом./ острий типа микрошательперрон и 2 острия типа микрограветт.

Суммируя все характерные черты техники изготовления орудий первого комплекса, можно сказать, что здесь имеется достаточное количество крупных форм /заготовка более 50 мм/, четко представлена техника притупления края пластин высокой, глубоко заходящей ретушью и менее четко выражена техника легкой притупляющей ретуши.

Особенностью второго комплекса /2801 орудий/ является значительное преобладание резцов /2627 экз. - 93,78%/ над всеми другими типами орудий. Заготовки боковых резцов присутствуют только в небольшом количестве /92 экз. - 3,2%/, скребки единичны /26 экз. - 0,92%/. Такая специфика процентного отношения орудий второго комплекса позволяет видеть здесь место выделки резцов. Подобного рода специализированные комплексы известны на некоторых стоянках Русской равнины. Примером может являться нижний слой Борщево II на Дону[9], и местонахождение Карачиж в 2,5 км к СЗ от Тимоновки[10].

9/ П.И.Борисковский. Палеолитическая стоянка Борщево II. МИА, 2, М-Л, 1941 г., стр.57-60

10/ Г.Е.Грехова. [illegible] палеолитическая стоянка [illegible] Труды ГИМ, вып.40, М, 1966 г.

582969

Научная библиотека Удмуртского госуниверситета г. Ижевск

Третий комплекс представлен небольшим числом орудий - 856 экземплярами. Особенностью этого комплекса является то, что боковые резцы /372 экз. из 523 экз. - 71,13%/, по сравнению с другими комплексами, уступают значительное место угловым резцам /76 экз. - 14,5%/ и резцам на углу сломанной пластины /71 экз. - 13,57%/.

Скребки составляют в этом комплексе значительную группу орудий /244 экз. - 28,5%/, из них более половины на отщепах /132 экз./ и много двойных форм, но круглых скребков нет. Пластин с притупленным краем всего 4 экз. К особенностям третьего комплекса нужно отнести большое количество пластин с мягкой, приостряющей частично край ретушью. В этом комплексе нет проколок, проверток.

Четвертый комплекс по процентному соотношению типов орудий не отличается особенно от третьего: резцов 334 экз. - 54%, /боковые преобладают/, скребков 203 экз. - 33%, пластины с притупленным краем (всего 3 экз.), проколок нет.

Четыре рассмотренных комплекса Тимоновки I не равнозначны. Вопрос заключается не только в некотором различии процентного соотношения типов орудий или специфике второго комплекса, но в различии типологических характеристик. Наиболее богатым и разнообразным по формам орудий является первый комплекс. Однако другие три комплекса содержат признаки не характерные для первого. Это прежде всего касается серии мелких боковых резцов до 30 мм длины, которые четко представлены во втором комплексе /38 экз. 9 заготовок/, в третьем комплексе /16 экземпляров - 2 заготовки/, в четвертом [illegible] - 1 заготовка/, в третьем [illegible] серии мелких скребков на [illegible] формы. Кроме того, [illegible] техника легкой, притупляющей [illegible]

и частичной приостряющей, мелкой по самому краю ретуши. Несмотря на различие в процентном соотношении типов орудий, третий и четвертый комплексы типологически ближе второму комплексу, чем первому. Эти различия могут иметь хронологический характер, но геологическая датировка всех комплексов одинакова.

Сравнивая кремневые комплексы Тимоновки I и Тимоновки II, нельзя сказать, что они идентичны. Ближе всего по кремневому инвентарю к Тимоновке II первый комплекс Тимоновки I. Несмотря на некоторое различие в процентном соотношении типов орудий, их объединяет преобладание [illegible] ники высокой притупляющей ретуши на пластинах, [illegible] острий типа микрошательперрон, серия резцов-скребков [illegible] шой процент боковых резцов со спускающейся с конца пластины на край ретушью и отсутствие серий мелких форм резцов и скребков.

В настоящее время трудно сказать, в каком взаимоотношении находились однотипные стоянки Тимоновка I и Тимоновка II. По геолого-геоморфологическим условиям эти памятники близки. Был ли это крупный розовой поселок с несколькими комплексами или последовательное освоение одним населением различных участков площади - вопрос пока не может быть решен. Подобные гнезда однотипных памятников в одинаковых стратиграфических условиях исследуются в Костенковско-Борщевском районе на Дону[11].

Из всех позднепалеолитических стоянок десненского бассейна ближе всего по материальной культуре Тимоновским стоянкам Юдиново I на р. Судости. Геологически эти памят-

---

11/ А.Н. [illegible] "Наука", [illegible] 1969 [illegible]

ники одновременны[12]. Различия в материальной культуре их не более велики, чем между комплексами Тимоновки I и Тимоновки II. В Юдиново I основной формой орудий являются резцы бокового типа, процент скребков и их типы аналогичны Тимоновским[13]. Формы боковых резцов со спускающейся на край пластины ретушью, большое количество орудий с высокой притупляющей ретушью, единичные экземпляры острий типа микрошательперрон стоянки Юдиново I аналогичны подобным орудиям Тимоновки II и первого комплекса Тимоновки I. Отдельные экземпляры острий микрошательперрон из этих памятников имеют аналогии в комплексах культур федермессер[14]. Но во-первых, группы этих культур относятся к более позднему времени, во-вторых, подобные острия составляют в них значительную группу орудий, которая очевидно в дальнейшем будет типологически подразделена, и в третьих, подобные острия мы можем найти в и более ранних культурах[15].

Кроме этих соображений, общий состав кремневых комплексов, процентного соотношения типов орудий тимоновско-юдиновских памятников не позволяет отнести их к группе культур федермессер. Несмотря на то, что Тимоновские стоянки и Юдиново I находятся на расстоянии около 90 км, материальная культура их настолько близка, что их с полным основанием можно объединить в группу однотипных памятников. Тождество орнаментальных мотивов[16] и композиций в ис-

12/ А.А.Величко. Геологический возраст верхнего палеолита центральных районов Русской равнины. М, 1961 г. стр. 182-184

13/ В.Л.Будько, Р.А.Сорокина. Поздний палеолит северо-запада Русской равнины. Природа и развитие первобытного общества "Наука". М., 1969 г., стр.134.

14/ K.Schwabedissen. ykas. cor.

15/ L. Pradel. ykas. cor.
Dede-Sonneville-Bordes. ykas.cor.

16/ В.Д.Будько. Указ. соч.

кусстве этих стоянок свидетельствует о близости не только материальной, но и духовной культуры древнего населения.

Памятники тимоновско-юдиновского типа относятся к заключительным этапам формирования водораздельных лессов. Население, оставившее эти стоянки, жило в условиях сурового климата, сохранявшего вечную мерзлоту.

Стоянки этой культурной группы представляют долговременные поселения /Тимоновские стоянки, Юдиново/ с мощными кострищами, местами обработки кремня, с наземными конструкциями из крупных костей мамонта[17], наземными жилищами определенной формы и размеров из кости[18], хозяйственными ямами.

Кремневый инвентарь характеризуется ограниченным набором типов орудий, ведущей ролью бокового резца в индустрии при сохранении четких серий других типов резцов, значительным количеством скребков, использованием высокой притупляющей ретуши и меньшим применением легкой притупляющей ретуши, отсутствием серий орудий с двусторонней обработкой и приема подработки заготовки с нижней поверхности /исключения единичны/.

В кремневом комплексе этих памятников не прослеживается тенденция к микролитизации орудий и геометризированным формам, несмотря на отдельные экземпляры квадратных скребков; комбинированные орудия и двойные формы представлены слабо, рубящие орудия отсутствуют.

К стоянкам тимоновско-юдиновского типа на Десне относится стоянка Бугорок[19] и кратковременное, сезонное

17/ Л.В.Грехова. Результаты раскопок позднепалеолитической стоянки Тимоновка II в 1966-1968 гг. Экспедиции Гос. Историч. музея. М, 1969 г.

18/ К.М.Поликарпович. Палеолит верхнего Поднепровья. Минск, 1968 г.

поселение Рабочий ров,[20], а также кремневый инвентарь Карачижа.

Выделенная группа различных по характеру поселений, долговременных и кратковременных, принадлежит одной культуре, непосредственные истоки которой пока точно не установлены.

Типологически мы не можем пока проследить непосредственные генетические связи этой группы стоянок с наиболее ранними памятниками позднего палеолита Десны-Погон, Пушкари I[21], Клюссы[22]. Резкое отличие кремневых комплексов стоянок тимоновско-юдиновского типа от кремневой индустрии близко расположенных, также позднепалеолитических поселений Сунгирь и Елисеевичи и более далекой стоянки Гонцы подчеркивает специфику и однокультурность памятников выделенной группы.

Разнообразная и самобытная материальная культура некоторых долговременных поселений и групп стоянок в десняном бассейне свидетельствует о сложности процесса образования родо-племенных и этнических объединений в среднеднепровском районе в позднем палеолите.

19/ М.В.Воеводский. Стоянка "Бугорок". Учен.записки МГУ, вып. 158, М, 1952 г.

20/ Он же. Палеолитическая стоянка Рабочий ров. /Чулатово/. Учен. записки МГУ, вып.158, М, 1952 г.

21/ П.И.Борисковский. Палеолит Украины. МИА, 40. М-Л, 1953.

22/ И.Г.Шовкоплас. Палеолитическая экспедиция в 1965-1966гг. Археологические исследования на Украине в 1965-1966 гг. вып.1. Наукова думка, Киев, 1967 г.

С.В.СТУДЗИЦКАЯ.

ОТРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В МЕЛКОЙ ПЛАСТИКЕ ДРЕВНЕЙШЕГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

Центральное место в работах советских археологов по-прежнему продолжают занимать проблемы, связанные с изучением древнейших этнических образований на территории нашей страны. Накопленные новые археологические материалы позволяют глубже подойти к их разрешению. При этом исследователи все чаще обращаются к памятникам искусства, как к одному из источников, отражающему именно этническую специфику отдельных больших племенных образований в силу устойчивости традиций 1/.

Разработанные в этнографии понятия хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей позволили А.П.Окладникову говорить о двух "ярусах" или о двух "этажах" этнических признаков при использовании петроглифов, как материалов по этнической истории 2/. К признакам, которые прямо не зависят от естественно географической среды и уровня хозяйственного развития,он относит в первую очередь, искусство, мотивы и общий характер орнаментики, художественный стиль, хотя и здесь, конечно, можно увидеть отражение образа жизни и хозяйства.

1/ З.А. Абрамова. Роль и значение палеолитического искусства в выявлении местных особенностей верхне-палеолитической культуры Восточной Европы. СА, 1960, № 3, стр. 3–17.

2/ А.П.Окладников. Петроглифы Сибири и Дальнего Востока как источник по этнической истории Северной Азии. Сб. "Этногенез народов Северной Азии." Новосибирск, 1969, стр. 12.

Именно под этим углом зрения мы будем рассматривать памятники искусства, оставленные племенами охотников-рыболовов, обитавших в конце III – II тыс. до н.э. в лесной и лесостепной полосах Восточной Европы, ограничиваясь при этом только материалами мелкой пластики (изделия из кремня, кости и глины), развитие которых протекало по несколько иным законам, чем развитие монументального искусства. Семантический же анализ этой категории памятников позволяет расширить наши представления об идеологии древних людей, оставивших их.

В археологической литературе неоднократно рассматривался вопрос об этнических истоках финно-угорских племен лесной полосы Восточной Европы. Их было принято искать в среде неолитического населения III–II тыс. до н.э., оставившего памятники культуры ямочно-гребенчатой керамики 3/. Исследования, проведенные в 40–60-х годах на территории СССР и Финляндии, показали сложность этнических процессов, протекавших в далеком прошлом в лесной полосе Восточной Европы и опровергли тезис Ю.Айлио, утверждавшего, что неолитическое население с ямочно-гребенчатой керамикой являлось искони единым этнокультурным массивом. М.Е.Фосс, рассматривая орнаментику керамики, как основной этнический признак, разделила данную территорию на три самостоятельные культурные области.

Это деление было поддержано рядом других исследователей 4/.

3/ См. подробную библиографию по этому вопросу в статье П.Н.Третьякова: У истоков этнической истории финно-угорских племен. СЭ, 1961, № 2, стр. 76.

4/ М.Е.Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА СССР, 29, 1952, стр. 153-193; Х.Л.Моора. Вопросы сложения эстонского и некоторых соседних народов в свете данных археологии. Сб. "Вопросы этнической истории эстонского народа". Таллин, 1956, стр. 161; А.А.Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М, 1959, стр. 97-106.

П.Н.Третьяков в настоящее время выделяет четыре этно-культурные области, разделяя западную область, границы которой расположены западнее линии Ладожского озера, верховья Волги – верховья Десны, на две: Восточно-Балтийскую и Балтийско-Днепровскую 5/. Однако, как подчеркивают исследователи, границы этих областей далеко не всегда и везде были стабильны. Начиная с эпохи мезолита или раннего неолита, а главным образом в течение II тыс. до н.э. неоднократно происходили значительные передвижения населения из Приуралья и Прикамья в западном направлении, вплоть до Прибалтики. Результатом этих передвижений явилась значительная перестройка этнических границ к концу II тыс. до н.э.

Почти всеми исследователями Зауралье, Урал и Прикамье рассматриваются как основная база этнической истории протофинно-угров 6/. Поэтому особый интерес вызывают конкретные проявления связей между неолитическим населением современной территории Прибалтики, Карелии, Ленинградской области и Финляндии с племенами Урала и Зауралья. Вопрос о них поднимался неоднократно и, в частности, при выяснении территории распространения волосовской культуры, так как ряд элемен-

---

5/ П.Н.Третьяков. У истоков этнической истории . . . , стр. 77. Последнюю область он [illegible] на две локальные группы: а) Неманскую и б) [illegible]. П.Н.Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.–Л. 1966, стр. 31.

6/ П.Н.Третьяков. У истоков . . . , стр. [illegible]; [illegible] К вопросу о месте и времени формирования [illegible] [illegible] тористорию. М. [illegible]

тов последней был обнаружен на позднеолитической керамике в Прибалтике [7].

Отмечая определенную общность в орнаментации ямочно-гребенчатой керамики "геометрического стиля" на северо-западе СССР и Финляндии и керамики культур Предуралья и Зауралья, В.П.Третьяков высказывает предположение о значительной роли волосовской или близких ей типов культур в процессе привнесения восточных элементов в керамику западных областей.

Волосовская культура, выделенная В.А.Городцовым и тщательно изученная И.К.Цветковой [8], характеризуется прежде всего керамикой, резко отличной от керамики остальных культур Волго-Окского бассейна, высокой техникой изготовления каменных орудий и своеобразными изображениями людей и животных из кремня и кости. Выделенная первоначально И.К.Цветковой территория распространения волосовских племен (район нижнего течения Оки от г.Мурома на юго-западе до устья Клязьмы на северо-востоке), позднее ее же, а также работами Н.Н.Гуриной, Д.А.Крайнова, О.Н.Бадера, А.Х.Халикова и других была значительно расширена в северном направлении.

По вопросу о происхождении волосовской культуры единого мнения до сих пор нет. Некоторые исследователи полагают, что формирование волосовских племен происходило на базе местных волго-окских неолитических племен [9]. Согласно другой точке зрения, племена, которые в на-

7/ В.П.Третьяков. Об уральских элементах на ямочно-гребенчатой керамике "геометрического" стиля. КСИА, вып.Ш, 1967, стр. 67, 72.

8/ В.А.Городцов. Панфиловская палеометаллическая стоянка. Труды Владимирского обл. музея, вып. Ш. Владимир, 1926.
И.К.Цветкова. Волосовские неолитические племена. Труды ГИМ, вып. XXП, М, 1953; Она же. Волосовский клад. Сб. "Памятники культуры", вып. XXШ, М, 1957; Она же. Новый памятник волосовской культуры близ г.Переяславля-Залесского. Труды ГИМ, вып.37. М, 1960.

9/ И.К.Цветкова. Указ.соч. Д.А.Крайнов и О.Н.Бадерская. Исследования в Верхнем Поволжье. Археологические открытия 1967 г. М, 1968.

чале II тыс. до н.э. появились в восточной и северной частях Волго-Окской неолитической области, в районах Верхнего Поволжья, а затем в нижнем течении Оки и Клязьмы и на Валдайской возвышенности, сформировались на основе волго-камской неолитической культуры. Основанием для этого послужили материалы, полученные за последние десятилетия в Прикамье и Среднем Поволжье [10].

Работы Марийской археологической экспедиции в Среднем Поволжье и в особенности тщательное изучение Майданской стоянки на левом берегу Волги, а также сходных с ней памятников, позволили А.Х.Халикову высказать мнение о том, что ранний этап северной группы волосовских племен вырастает на базе культуры западной группы племен позднего волго-камского неолита [11]. При этом он подчеркивает, что процесс формирования волосовского населения протекал, вероятно, на значительно более широкой территории, но повсеместно основой сложения этого населения служили племена волго-камской неолитической культуры, на которую однако, оказали некоторое влияние другие культуры: балахнинская, рязанская и, возможно, более южные, типа поздней днепродонецкой. Более сильным это влияние было в западных районах распространения волосовских племен, в частности, в районах Средней Оки.

10/ О.Н.Бадер. Очерк шестилетних работ Камской арх. экспедиции. УЗ ПГУТ 1Х, вып. 3, Харьков, 1953 . . ., стр. 56–57. О.Н.Бадер и В.А.Оборин. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958, стр. 71; О.Н.Бадер. У истоков финно-угорской культуры в Восточной и Северной Европе. . ., стр. 86.
По мнению О.Н.Бадера, памятники волосовского типа, встречающиеся на значительной территории, куда входит Волго-Окский край, Калининская, Псковская области, Карелия, Новгородская, Вологодская области, Восточная Прибалтика, свидетельствуют о распространении древнефинского населения с востока.

11/ А.Х.Халиков. Древняя история Среднего Поволжья. М, 1969, стр. 143, 144.

Точки зрения волго-камского происхождения волосовской культуры придерживается и П.Н. Третьяков, который считает скульптуру, в [illegible]ности, фигурки из кремня, так же, как и изображения водоплавающих птиц на глиняных сосудах, признаками, присущими культурам волосовского или близкого им типа. А это, в свою очередь, по его мнению – [illegible]фическая черта культуры уральско-камских племен, 12/. В качестве [illegible]зательств уральско-камской основы он приводит такие характерные для волосовской культуры признаки, как прямоугольные жилища с [illegible]ходами, вертикальными столбами и очагом с одной стороны. Присоединяясь к существующей точке зрения о прародине финно-угорской общности в районе Среднего Урала и прилегающих к нему Прикамья и Заурал[illegible] считает, что основная волна распространения финно-угорских племен [illegible]пад (в Поволжье и Прибалтику) связана с движением волосовских племен 13/.

Не останавливаясь подробно на разборе аргументов обеих гипотез [illegible] происхождении волосовской культуры, отметим только, что связь ее с Уралом прослеживается по целому ряду признаков.

Исследователями, занимающимися вопросами волосовской культуры [illegible]делены несколько этапов ее существования. В этой статье мы рассматриваем памятники искусства, относящиеся к периоду существования волосовской культуры в целом и [illegible] локальных вариантах. Именно в [illegible] категории памятников [illegible] сохраняются традиции и в наименьшей степени сказываются посторонние влияния.

[illegible] П.Н.Третьяков, [illegible]
[illegible] Финно-угор[illegible]
[illegible] изображениями [illegible]
[illegible] и С.Н.Замятнин, [illegible]
[illegible] Миниатюрные кр[illegible]
[illegible] П.Н.Третьяков. Указ. соч., стр. [illegible]

Кремневые изображения, представляющие людей, животных и птиц, известны еще с конца 70-х годов XIX века, но не исследовались подробно в трудах археологов того времени. Впервые очень скрупулезный анализ кремневых фигурок дал С.Н.Замятнин, посвятив этому вопросу специальную работу, сыгравшую большую роль в изучении изобразительного искусства эпохи неолита 14.

Собрав все известные ему в то время материалы по фигурным кремням, С.Н.Замятнин очертил их ареал, классифицировал изображения по сюжетам и определил хронологические рамки их бытования, [illegible] при этом, что эти любопытнейшие памятники северного неолита [illegible]ют рассматривать их, как ценнейшие источники для изучения верова[illegible] искусства неолитического населения северо-восточной Европы.

Определяя время бытования этих скульптурок II-м тыс. до н.э., С.Н.Замятнин связывал их с поздненеолитическим и ранне-бронзовым этапом существования племен с ямочно-гребенчатой керамикой, не отн[illegible] их конкретно ни к какой локальной культуре. С волго-окскими племенами связывает кремневые фигурки и А.А.Формозов 15/.

Нам представляется возможным, что в результате новых данных [illegible] можем уже определенно говорить о принадлежности кремневых изображений именно волосовской и близким к ней культурам.

Все стоянки с фигурными кремнями, о которых говорит С.Н.Замятнин, входят в область распространения волосовской культуры. Часть их позднее была подвергнута более тщательному исследованию. И потому, несмотря на то, что большинство кремневых фигурок происходит из слу-

---

14/ С.Н.Замятнин. Миниатюрные кремневые статуэтки. СА, 194[illegible], № 10.

15. А.А.Формозов. Этнокультурные области . . ., стр. 103.

чайных сборов, можно совершенно определенно связывать их только с волосовской культурой. Раскопки последних лет на волосовских памятниках полностью подтверждают это предположение [16/].

Распределяя кремневые фигурки по сюжетам, исследователи отмечали преобладание антропоморфных изображений [17/], что, вероятно, связано с изменениями, произошедшими в идеологии древних охотников-рыболовов. А наличие значительного количества так называемых мифологических и символических изображений позволяет предположить, что возможно в это время начинают формироваться представления об антропоморфном культе природы и стихий, усложняются космогонические представления [18/]. С другой стороны, фигурки животных, пресмыкающихся и птиц говорят об определенно существовавшем культе животных и птиц.

16/ Д.А.Крайнов. Результаты работ Верхневолжской экспедиции. Археологические открытия 1968 г. М, 1969, стр. 27–28.
Ю.Н.Урбан. Работы на севере Калининской области . . ., там же стр. 30–32; В.М.Раушенбах. Стоянка Николо-Перевоз II на р.Дубне в Московской области. В сб. "Экспедиции Государственного исторического музея", М, 1969, стр. 84, рис.2 (2, 3, 4).
А.Х.Халиков. Древняя история Среднего Поволжья. . ., стр. 140, рис. 37 (5, 6).
Н.Н.Гурина. Результаты работы неолитического отряда Прибалтийской экспедиции. Сб. "Вопросы этнической истории народов Прибалтики". Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. М, 1959, стр. 95, табл. УШ, рис. 7 и табл. ХШ, рис. 16.

17/ С.Н.Замятнин. Указ. соч., стр. 102; А.А.Формозов. Волшебные фигурки первобытного человека. "Вопросы истории", 1969, № 4, стр. 218.

18/ Отражение этих процессов мы находим и в наскальных рисунках, своеобразным аналогом которых С.Н.Замятнин считал кремневые фигурки. С.Н.Замятнин. Указ. соч., стр. 113; В.И.Равдоникас. Элементы космических представлений в образах наскальных изображений. СА, 1У, 1937. А.Я.Брюсов. История древней Карелии. М, 1940.

Устойчивость стиля, выработанного волосовскими резчиками в оформлении антропоморфного изображения и скульптур животных обусловливалась, очевидно, с одной стороны, характером материала, а с другой – существованием определенной традиции, передаваемой из поколения в поколение. Многие стилистические приемы, примененные в камне, прослеживаются в изделиях из кости, а также и глиняных фигурках. Выделенные С.Н.Замятниным группы антропоморфных изображений наиболее полно представлены находками из Волосовской стоянки, где они были встречены вместе с большим количеством скульптурных изображений из кости, некоторые из которых полностью повторяли кремневые фигурки (в частности, изображения водоплавающей птицы).

В трактовке человеческого образа прослеживается каноничность. Общим для всей группы антропоморфных фигурок является фронтальность изображения, схематичность в трактовке образа, а также передача рук (там, где они обозначены) небольшими выступами и разделение ног параболоидной кривой. Отличия между ними прослеживаются в отдельных деталях, которые и позволяют условно разделить их на типы. Наиболее многочисленная группа – это фигурки с хорошо выделенной округлой головой и обозначенными руками и ногами (стоянки Волосово, Мстино, Алексеевское, Пирос, Ибердус 1, Иловец, Николо-Перевоз II, ст. Дубровичи) [19/] (рис. 1, 1). Условно к этой же группе можно присоединить фигурку из Чаронды, где несколько схематично переданы ноги, а также изображения из Бологого и Уницы, которые С.Н.Замятнин по трактовке го-

---

19/ С.Н.Замятнин. Ук. соч., стр. 102-104, рис.2 (1, 2, 3, 4, 7, 13, 14, 20, 21, 25) и рис. 3 (5, 7); Ю.Н.Урбан. Указ. соч., рис.1; В.М.Раушенбах. Ук.соч., рис. 2 (2,3); В.И.Зубков. Антропоморфные и зооморфные изображения из окских неолитических стоянок. КСИА, 75, стр. Ш, рис. 40 (1).

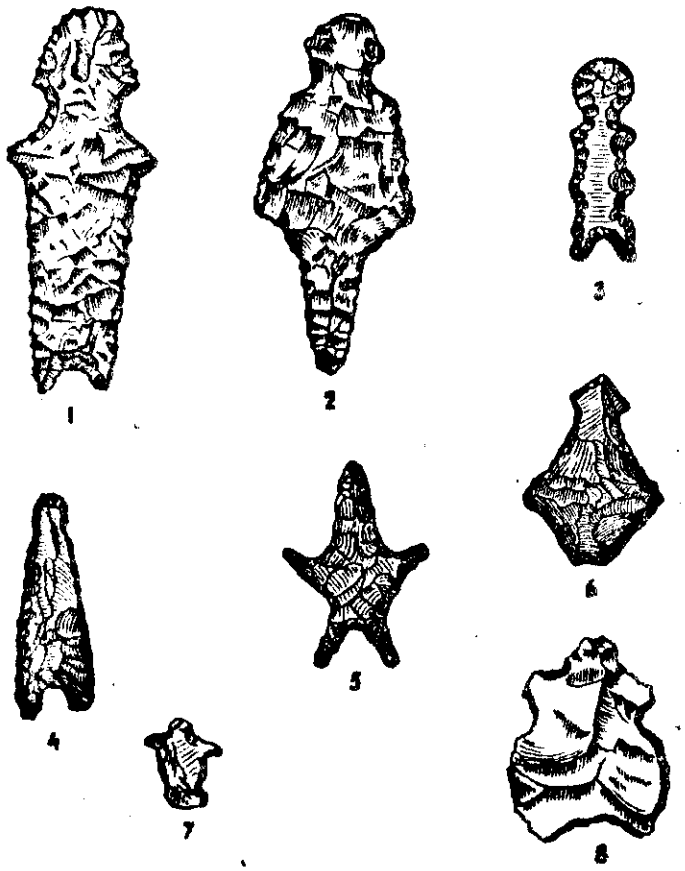


РИС. 1. КРЕМНЕВЫЕ АНТРОПОМОРФНЫЕ ФИГУРКИ
1, 2, 4, 5, 6 – Волосово; 3 – Борковская стоянка; 7 – Майданская стоянка; 8 – Николо-Перевоз II

ловы относит к мифологическим существам. Вторая группа представлена скульптурами, имеющими ниже рук дополнительную пару выступов, которые, по мнению С.Н.Замятнина, передают женскую грудь[20] (рис.1,3). Известны и кремневые фигурки, передающие образ женщины с помощью подчеркнуто выпуклых бедер (Алексеевское, Панфилово, Николо-Перевоз II)[21]. (рис. 1,8).

И, наконец, среди антропоморфных скульптур встречаются изображения, где обозначены только ноги, или руки (Волосово, Холомониха, Панфилово, Борки, Майданская, Николо-Перевоз II) (рис. 1, 4, 7). К группе антропоморфных фигур близки изображения, условно названные "мифическими", они выполнены в той же манере и отличаются от вышеописанных вероятно усложненным содержанием (рис. 1, 5, 6). Многообразие форм антропоморфных изображений и в то же время их каноничность может быть объяснена, на наш взгляд, разным смысловым значением, которое они имели. Подтверждением этому служат совместные находки в Волосовской, Мстинской стоянках, а также на стоянке Николо-Перевоз II, разных по типу антропоморфных изображений. Такое явление широко известно в этнографии[22].

Кроме антропоморфных фигурок, известно большое количество кремневых изображений животных, пресмыкающихся, водоплавающих птиц и рыб. В отличие от антропоморфных фигурок скульптуры животных и

20/ С.Н.Замятнин. Ук. соч., рис.2 (5, 12, 19). Такую же своеобразную передачу груди выступами усматривает и В.И.Равдоникас в фигуре на петроглифах Карецкий мыс.

21/ С.Н.Замятнин. Ук. соч., рис. 7 (6), стр. 123 (прим.5); В.М.Раушенбах. Ук. соч., рис. 2(4).

22/ С.В.Иванов. О значении двух уникальных женских статуэток американских эскимосов. Сб. МАЭ, XI, М.-Л, 1949.

птиц – профильные, достаточно реалистичны, хотя и без детализации. Некоторые из изображений даны как бы в плане (распластаны).

Среди животных преобладают изображения медведя и лося, но известны и другие виды 23/. Изображения пресмыкающихся более схематичны. В трактовке тела животного прослеживается устойчивая традиция (рис. 2, 4, 6, 7). Конечности переданы так же, как и у антропоморфных изображений, выступами. Оформление головы, несмотря на известную обобщенность, как правило, позволяет безошибочно определять вид животного. Рассматривая кремневые фигурки в целом, А.Я.Брюсов считал, что, имея определенные центры распространения, они достаточно резко различаются стилистически 24/. Он выделял четыре таких центра. Безусловно, небольшие стилистические отличия в разных группах изображений можно проследить, но все же ограниченность материала не позволяет говорить об этом со всей определенностью, тем более, что А.Я.Брюсов отмечает фигурки птиц, как характерную черту для стоянок Вологодской области, но в то же время эти изображения широко известны в Волосовской стоянке. Возможно, что в дальнейшем удастся установить локальные различия в кремневых скульптурах, исходя при этом не из сюжетов, представленных ими, а из техники изготовления этих изображений, что отмечал еще С.Н.Замятнин, выделяя предположительно две таких области. Новые материалы по фигурным кремням действительно

23/ С.Н.Замятнин. Указ. соч., стр. 106–109 (рис. 4, 5 и 6/21/); В.М.Раушенбах. Неолитические стоянки Князьмы . . ., стр. 16; А.Я.Брюсов. Свайное поселение на р.Модлоне и др. стоянки в Чарозерском районе Вологодской области. МИА, 20, 1951, стр. 42–43, рис. 13(1); В.И.Зубков. Указ. соч., рис. 40(4 и 5); А.Х.Рейман. Фигурный кремень с вышневолоцких неолитических стоянок. КСИИМК, вып. 67, 1957, стр.136, рис.57(1,3); Н.Н.Гурина. Результаты работ неолитического отряда Прибалтийской экспедиции . . ., стр.95, табл. УП.

24/ А.Я.Брюсов. Ук. соч., стр. 43.

свидетельствуют в пользу того, что для западной группы волосовских памятников характерно изготовление скульптур на пластине или отщепе, сохраняющих почти полностью и в законченном изделии нижнюю гладкую поверхность и с ретушью лишь по контуру изображения. Но к сожалению, сейчас говорить об этом определенно вряд ли возможно. Кроме того, рассматривая эти фигурки во времени, мы охватываем значительный хронологический период, и вполне вероятно, например, что известный схематизм изображений из Панфиловской стоянки обусловлен более поздним временем ее существования.

Здесь мы касаемся лишь тех общих стилистических черт, которые характерны для всех групп изображений. Отметим еще, что имеется большая группа так называемых "символических" изображений, представляющих из себя тщательно отретушированные кремневые пластинки в виде полумесяца с отходящими от него лучами. Найдена фигурка животного (из Дуденево) с изображением такой "лунницы" на спине. Эту серию предметов исследователи связывают с определенными космогоническими представлениями 25/.

Семантический анализ фигурных кремней может послужить темой специального исследования. Мы присоединяемся к точке зрения С.Н.Замятнина и А.Я.Брюсова, рассматривающих эти скульптуры как ритуальные предметы, тесно связанные с определенным циклом обрядов.

В связи с кремневыми скульптурками волосовской культуры очень важен вопрос, могут ли они в какой-то степени подтвердить точку зрения о наличии в ней уральского компонента. И тут, на наш взгляд, большой интерес представляют как раз „лунницы" и особенно фигура из Дуденево с „лунницей" на спине. Среди наскальных рисунков Урала В.Н.Чернецов

25/ А.А.Формозов. Очерки по первобытному искусству. М, 1969, стр, 124.

выделяет сочетание зверя и солярного знака, которое он считает упрощенной изобразительной формулой более расширенного сюжета. Последний состоит из изображений копытных животных в сочетании с солярным знаком или радугообразной фигурой с отростками, условно называемой "небосводом" 26/. Может быть кремневые лунницы в сочетании с фигурами животных и птиц являлись своеобразным аналогом упомянутого мотива наскальных рисунков и играли ту же роль в обрядовых календарных празднествах, что и петроглифы. В искусстве финских племен железного века часто встречаются подвески-лунницы, которые, вероятно, продолжают давно существующую традицию.

Правда, изображения, очень сходные с кремневыми, были отмечены еще С.Н.Замятниным в онежских петроглифах. А в последнее время было убедительно доказано, что наскальные рисунки Урала и Карелии относятся к разным этно-культурным ареалам 27/ Но в то же самое время в Карелии известны стоянки , в которых прослеживаются уральские связи. (Золотец, Усть-Понча, Соломенские стоянки).

Важно то, что именно на них были найдены фигурные кремневые поделки и глиняная антропоморфная фигурка 28/, аналогичные волосовским. Эти находки – конкретное проявление связей между карельскими и волосовскими племенами, расселившимися к северу в начале II тыс. до н.э. С этим процессом связано и появление таких стоянок, как Модлона I

26/ В.Н.Чернецов. Наскальные изображения Урала. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М, 1970, стр. 6–7.

27/ В.Н.Чернецов. Указ. соч., стр. 45; Ю.А. Саватеев. Проблема петроглифов Карелии. Автореферат кандидатской диссертации. Л, 1969, стр.2

28/ Г.А.Панкрушев. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М–Л 1964, табл. 35, рис. 1–4.

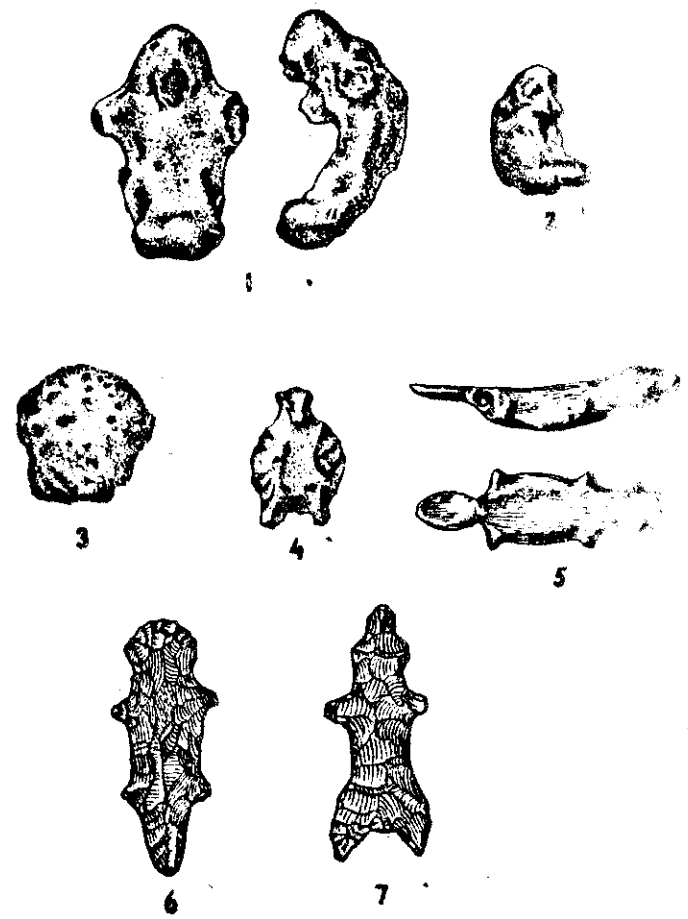


РИС. 2. КРЕМНЕВЫЕ, КОСТЯНЫЕ И ГЛИНЯНЫЕ ФИГУРКИ
1 – Николо-Перевоз II; 2,5 – Валма; 3 – Модлона; 4 – Мало–Кокузинская; 6 – Казань; 7 – Усть–Яренга

и Модлона II [29]. Видимо, в дальнейшем, с продвижением модлонских охотников-рыболовов на север и запад кремневые фигурки появляются на побережье Белого моря и стоянках, относящихся к каргопольской культуре.

В этом плане интересна схематичная антропоморфная костяная фигурка из третьего Кубенинского погребения [30]. По своему стилистическому оформлению она аналогична такой же фигурке из Волосова, только изготовленной из кремня (рис. 1, 6).

П.Н.Третьяков отмечает, что кроме волжского пути, по которому продвигались волосовские племена, существовал северный путь, соединивший верховья Камы и Вятки и Сев.Приуралье в целом с верхними притоками Сев. Двины, и далее – с краем больших озер Северо-Запада. Причем именно в восточной части Озерного края (оз. Кубенское, оз. Лача и оз. Воже) эти два пути соединялись. Он считает, что в середине II тыс. до н.э. культура уральско-камского происхождения побеждает явно волго-окскую . И связывает это, с одной стороны, с развитием племен Модлоны I и II и, с другой – с приходом новых племен, культура которых напоминает турбинскую борского этапа [31]. При этом он подчеркивает, что появление в этих районах фигурок животных, птиц и человека, вырезанных из кости, камня и сделанных из глины, а также схематических воспроизведений птиц на глиняных сосудах связано с этими историческими процессами. Говоря о Беломорье в конце II тыс.до н.э., П.Н.Третьяков указывает, что связи его с Приуральем и Прикамьем не вызывают сомнений [32]. Об этом

29/ С.В.Ошибкина. Стоянка Модлона, ее происхождение и отношение к каргопольской культуре. СА, 1966, № 4. К кругу уральско-камских культур относит стоянки Модлона I и Модлона II и П.Н.Третьяков. (П.Н.Третьяков. финно-угры. Балты. Славяне. . ., стр. 59).

30/ М.Е.Фосс. Древнейшая история . . ., стр.

31/ П.Н.Третьяков. У истоков . . ., стр. 39 и 96.

32/ П.Н.Третьяков. Финны-угры. Балты. Славяне . . . стр. 59.

же говорит М.Е.Фосс, которая, с одной стороны, отмечает прочные связи между беломорским и камским бассейнами на II этапе беломорской культуры, к которому она относит кремневые фигурки, а с другой – подчеркивает и наличие контактов с племенами волосовской культуры [33]. Об уральских связях с беломорской культурой говорит и Д.Н.Эдинг [34]. При этом он рассматривает сосуд из Галдареи , венчик которого имел скульптурное украшение, – деталь , которая, по мнению Д.Н.Эдинга, характерна для уральской керамики. В этой связи интересно отметить, что в волосовской коллекции ГИМ имеется венчик с налепом в виде распластанной человеческой фигуры, которая так же, как и весь черепок, покрыта зубчатым штампом [35]. Глиняные антропоморфные, а также зооморфные фигурки принадлежат к числу достаточно распространенных изображений, встреченных на неолитических стоянках Северо-восточной Европы [36]. Картографируя их, получаем территорию (за исключением Аландских островов, куда они, вероятно, попали из Финляндии), на которой, как отмечают исследователи, прослеживается связь с уральскими племенами, с одной стороны, и с волосовскими – с другой. В этом плане представляет интерес находка глиняной антропоморфной статуэтки совместно с кремневыми на стоянке Николо-Перевоз II [37] (рис. 2, 1). Вы-

33/ М.Е.Фосс. Указ. соч., стр. 129–131.

34/ Д.Н.Эдинг. Резная скульптура Урала. Труды ГИМ, X, 1940, стр. 96, рис. 30(10).

35/ Коллекция ГИМ, № 2357, оп. 64.

36/ М.Е.Фосс. Указ. соч., стр. 198, рис.102; Она же. Погребения на стоянке Кубенино. Труды ГИМ, вып.VIII, М, 1938; А.Я.Брюсов.Свайные поселения стр. 42, рис. 13(3); Л.Ю.Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р.Эмайыги,Таллин, 1959, стр. 273 и стр. 276, рис.59 (1–4); Он же. Новые данные по неолиту Прибалтики. СА. 1954, XIX стр. 196, рис. 22 (1); Он же. Неолитическое поселение Валма. "Вопросы этнической истории народов Прибалтики . . .", стр. 55, табл.II(7).

37/ В.М.Раушенбах. Стоянка Николо–Перевоз II . . ., стр. 84.

полненная в манере, характерной для этой группы изделий, она имеет некоторые отличия. У нее обозначены руки в виде выступов (что типично для одной из групп кремневых антропоморфных фигурок, кстати, представленных здесь). Кроме того, переход к нижней части скульптуры, там, где предполагаются ноги, обозначен двумя вогнутыми кривыми, что очень сближает ее по стилистическому оформлению с кремневым изображением из Майданской стоянки (рис. 1, 7). Сделанные из разного материала, они абсолютно тождественны стилистически. А если прибавить к этому, что в глиняном тесте фигурки из Николо–Перевоз II имеется примесь толченой раковины, то принадлежность ее к волосовской культуре не вызывает сомнений. На стоянке Модлона II также была обнаружена глиняная головка, оформление лица которой очень сходно с изображением из Николо–Перевоз II, с той лишь разницей, что оно еще и орнаментировано мелко-зубчатым штампом (рис. 2, 3). Такая же головка имеется и на стоянке Кубенино, откуда происходит наибольшее число подобных статуэток. Фигурки, тождественные кубенинским, известны с территории Карелии и Финляндии [39].

Все сказанное выше позволяет нам связывать глиняные статуэтки с волосовской культурой, или близкой к ней. Причем из глины делали не только антропоморфные фигурки, но также изображения птиц и животных (Кубенино, Илекса, Валма). Если мы обратимся к территории Урала, то оттуда известна одна глиняная женская скульптура, украшенная по всей поверхности зубчатым штампом, найденная на стоянке у озера Свято го [39]. К сожалению, голова скульптуры не сохранилась. Фигурка относится к более древнему этапу (сер. III тыс. до н.э.) и также может по-

38/ М.Е.Фосс. Древнейшая история Севера . . . , стр. 198.

39/ В.М.Раушенбах. Женская статуэтка со стоянки Березовый Мыс. МИА 130. 1965, стр. 67 (рис. 2).

служить одним из аргументов в пользу уральского происхождения подобных изображений. Уральские традиции проявляются в оформлении фигурных ручек деревянных ковшей, известных со стоянки Модлона и в орнаментации костяных изображений водоплавающих птиц из волосовской стоянки.

Стилистическая близость мелкой пластики Восточной Прибалтики, Карелии и Финляндии волосовской должна свидетельствовать, на наш взгляд, об общности ее происхождения.

Первую волну экспансии уральских племен на запад исследователи связывают с культурой Сперринге, которая известна на территории Карелии, Приладожья, Западного Прионежья, Финляндии, а также Нарвской культуры, открытой на территории Эстонии [40]. Подтверждением этого являются предметы искусства из Оленеостровского могильника на Онежском озере, Тырвала, а также находки в Финляндии деревянных предметов из сибирского кедра. В этой связи значительный интерес представляет памятник Усвяты IУ в Псковской области, где был найден ковш с головкой медведя и скульптурное изображение человека из кости [41]. Фигурка человека, с одной стороны, обнаруживает значительную стилистическую близость с идолами из Горбуновского и Шигирского торфяников костяной фигурки из Кубенино, а с другой – с костяными изображениями со стоянки Тамула (Эстония).

40/ П.Н.Третьяков. У истоков . . . , стр. 92; В.Н.Чернецов. Опыт выделения этнокультурных областей . . ., стр. 8; Л.И.Янитс. К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР. "Вопросы этнической истории эстонского народа". Таллин, 1956, стр. 150; Н.Н.Гурина . Из истории древних племен западных областей СССР. МИА, 144, стр. 167.

41/ А.В.Микляев. Идол из Усвятского торфяника. СА, 1967, № 4, стр. 281; Он же и В.С.Менасян . Результаты невельской экспедиции. Археологические открытия 1967 г., стр. 10; Л.И.Янитс . Новые данные по неолиту Прибалтики. СА, 1954, XIX, стр. 196 и сл., рис. 23.

Изображения человека из Усвяты 1У и Тамула объединяет прежде всего манера передачи деталей лица путем резких углублений под бровями и прилегающих к носу частей. Этот прием характерен как для деревянных идолов из Горбуновского и Шигирского торфяников, костяной фигурки из Кубенино, так и для ряда антропоморфных изображений, известных по некоторым памятникам Латвии и Литвы [42]. Этот прием трактовки лица объединяет все эти скульптуры в одну стилистическую группу. Причем в деревянной скульптуре Урала он продолжает существовать вплоть до недавнего времени при изготовлении резных культовых антропоморфных скульптур [43].

Обращаясь к материалам по пластическому искусству Восточной Прибалтики, необходимо отметить, что встречены они главным образом в памятниках с так называемой типичной ямочно-гребенчатой керамикой, или , как ее еще называют, ямочно-гребенчатой керамикой "лучшего стиля". Исследователи по-разному рассматривают ее появление на этой территории, но все сходятся на том, что местные элементы (культура Сперрингс) приняли участие в ее формировании, хотя генетически с ней и не связаны [44]. Все найденные фигурки относятся к слоям, датируемым Л.И.Янитсом 2–й и 3–ей четвертью II тыс. до н.э.

42/ И.А.Лозе. Костяная и роговая скульптура эпохи неолита на территории Латвии. Известия Академии наук ЛССР, № 11, 1969 рис. 1(4) М.Е.Фосс. Указ. соч., стр. 38, рис. 11.

43/ С.В.Иванов. Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л., 1970. Раздел, посвященный народам угородской группы.

44/ Л.И.Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р.Эмайыги. Таллин, 1959, стр.355; П.Н.Третьяков. У истоков . . ., стр.80

Анализ пластики из стоянок Акали, Валма, Тамула, а также некоторых материалов Восточной Латвии (Риннюкалнс, Лагажа, Ича) [45] позволяет усмотреть большое сходство ее с кремневой, а также костяной пластикой из волосовских стоянок и Кубенино, а также скульптурой уральских торфяников. Мы уже говорили о достаточно широко представленной глиняной скульптуре. Технические приемы, используемые при оформлении определенных деталей, одинаковы на этих фигурах (например, оформление глаз и рта небольшими ямками, выполненный защипом нос и т.д.). Близки они и стилистически. Так, например, фигурка глиняного медвежонка из Валмы аналогична кремневому изображению медведя из стоянки Малококузинская (волосовская культура) [46] (рис. 2, 2,3). Стилистическое сходство валмской костяной скульптуры, а также фигурок из янтаря с кремневыми фигурками отмечает и Л.И.Янитс. Действительно, передача конечностей небольшими выступами, как бы расплощенность фигуры (изображения медведя и бобра) очень сходны с такими же изображениями из кремня со стоянок Усть-Яренга и из-под Казани ((рис. 2, 5, 6, 7). Глаза, ноздри, иногда уши (хотя чаще встречается оформление последних коническими выступами) даны в виде маленьких ямочек, что очень характерно для обозначения тех же деталей в волосовской костяной скульптуре.

На самой Волосовской стоянке встречаются главным образом фигурки водоплавающих птиц, или отдельные изображения их голов, сделанные из костяных пластин. Имеются и объемные скульптуры. Скорее все-

45/ Л.И.Янитс. Указ. соч., стр. 276, рис. 59; Он же. Новые данные . . . , стр. 195 Он же. Неолитическое поселение Валма, табл. П, рис. 22(2). "Neue Graberfunde auf dem Spatneolithischen Wohnplatz Tamula in Estlgnd Сб. Studia "Neolithica in honorem Aarne Ayrapaa Helsinki 1957 И.А.Лозе . Указ соч. стр.43–44 (рис.2–3)

46/ А.Х.Халиков. Древняя история . . ., стр. 148, рис. 37(6).

го, это детали каких-то предметов, и в своем оформлении они очень близки изображениям водоплавающих птиц из Горбуновского торфяника. Пластичные скульптурки птиц, передающие всю фигуру, полностью повторяют такие фигурки из кремня и аналогичны костяным изображениям, широко известным в Прибалтике. Стилистически близость этих изделий, на наш взгляд, очевидна. Встреченный на некоторых изображениях орнамент в виде резной елочки, сетки или зигзага хорошо известен и на предметах, происходящих из Шигирского торфяника (например, орнаментированный идол), а также на предметах из кости, встреченных в стоянке Нижнее Веретье. М.Е.Фосс указывает, с одной стороны, на близость костяного инвентаря из Н.Веретья инвентарю из Шигирского торфяника, а с другой – подчеркивает сходство предметов искусства с предметами искусства из древнейших стоянок Прибалтики [47] и именно по тем элементам, которые нам представляются результатом зауральских влияний. На сходство костяных изображений животных из Прибалтики (морда зверя из Риннюкалнса и фигура животного из Тамула) с роговой скульптурой животного из стоянки Стрелка (на Горбуновском торфянике) указывал еще А.Я.Брюсов [48]. Наконец отметим, что у костяных антропоморфных фигурок из Тамула и Усвяты IУ руки даны слегка согнутыми в локтях и упирающимися в бока. Такие изображения человека мы встречаем на наскальных рисунках Писаного Камня на р.Вишере, сделанные красной краской [49]. Исследователи относят их к эпохе неолита и бронзы. Установившийся канон в трактовке образа вызван, вероятно, общностью

47/ М.Е.Фосс. Стоянка Нижнее Веретье. Труды ГИМ, вып. XII, М, 1941.

48/ А.Я.Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М, 1952, стр. 173.

49/ В.Ф.Генинг. Наскальные изображения Писаного Камня на р.Вишера СА, XXI, 1954, табл. I гр.П, 22; гр. УI, комплекс II, 123.

представлений, связанных с ним.

Все сказанное выше позволяет отметить общие черты, существующие в мелкой пластике уральских племен, с одной стороны, и волосовских и восточно-прибалтийских – с другой. Эта общность, являющаяся, возможно, результатом генетических связей, прослеживается прежде всего в стилистическом оформлении фигур людей, животных, птиц, а также в технических приемах, используемых при изготовлении скульптур. Наряду с орнаментацией керамики и некоторыми антропологическими данными, мелкая пластика также позволяет говорить о едином уральском компоненте в волосовской культуре.

Э.А.ФЕДОРОВА-ДАВЫДОВА

ПРИУРАЛЬСКАЯ ГРУППА ПАМЯТНИКОВ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ

Наиболее восточной группой памятников, относящихся к ямной культурно-исторической области, являются погребения, обнаруженные в последнее десятилетие на территории Оренбургской области, и захоронения II Мало-Кизильского могильника под Магнитогорском[1/]. В настоящее время в Оренбуржье известно пять курганных групп, в которых вскрыто около тридцати погребений энеолитического времени: могильники Увакский, "Близнецы", у хут.Барышникова, Герасимовка 1 и Герасимовка II. Раскопки большинства из них производились объединенной экспедицией Института Археологии АН СССР, Государственного Исторического музея и Оренбургского музея краеведения. Часть исследованных погребений опубликована[2/], два захоронения упомянуты К.В.Сальниковым в одной из его работ[3/]. Оба погребения

1/ К.В.Сальников. Археологические исследования в Курганской и Челябинской областях. КСИИМК, XXXVII, М, 1951, стр.94-95.

2/ Э.А.Федорова-Давыдова. Новые памятники эпохи энеолита и бронзы в Оренбургской области. ВАУ, вып.2. Свердловск, 1962, стр.16; К.Ф.Смирнов. Древнеямная культура в Оренбургских степях. Новое в советской археологии. МИА, 130, М, 1965.

3/ К.В.Сальников. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. АЭБ, т.1, Уфа, 1962, стр.42. Отнесение этих погребений к различным пунктам основано на недоразумении.

происходят из Увакского могильника, располагающегося на краю левого берега р.Идека, напротив станции Угольной в Соль-Илецком районе Оренбургской области.

В Увакском могильнике вскрыто 12 погребений энеолитического времени. Все они были основными в курганах, заметно сместившихся к северу. Курганы достигали высоты 20-90 см. при диаметре от 8 до 20 м. Основные погребения совершены в больших прямоугольных или несколько расширяющихся к северо-востоку или востоку могильных ямах с четкими прямыми углами и хорошо обработанными отвесными стенками. Ориентировка могил ЮЗ-СВ, реже З-В. Глубина их достигала 1,45-2,1 м от уровня древнего горизонта. В засыпке могил встречались ископаемые раковины. На уровне древней дневной поверхности местами сохранились остатки травянистого тлена от перекрытий. В кургане 2 могила имела перекрытие из жердей, положенных поперек ямы, и толстого слоя травы. Яма изнутри была сплошь обложена слоями травы и коры, которые придерживались у стен тонкими вертикальными жердочками. Погребенный лежал ничком, с закинутыми назад голенями и соединенными под тазом кистями рук. По-видимому, он был похоронен в сидячем положении, а затем упал на грудь. В этой могиле обнаружен окатанный кремневый отщеп и маленькая меловая бусинка.

Второй кремневый предмет, представляющий собой большой кусок кремня со сколами, обнаружен в разрушенном основном захоронении кургана 8. Здесь можно предполагать восточную ориентировку погребенного, хотя костяк не сохранился. Восточная ориентировка отмечена также в разрушенном основном погребении кургана 7 и в кургане 14, где костяк ребенка почти не имел окраски, но при нем находился

большой кусок охры[4]/

За исключением детских потребений в курганах 5 и 14, все захоронения содержали большое количество красной краски. Порошком ее было посыпано дно могилы и покойник, особенно интенсивна окраска черепа, грудной клетки, коленей и стоп ног. В большинстве могил на дне сохранились остатки подстилки из коры и травы; местами на самом дне прослеживалась меловая подсыпка /под черепом, грудью, стопами ног/ и угольки.

В девяти случаях погребенные имели северо-восточную ориентировку. Они лежали на спине с подогнутыми ногами или в скорченном положении на правом боку. В разрушенном парном захоронении /к 13, и 1/ можно предполагать положение скелетов на левом боку. Часть захоронений разрушена грабителями, другие потревожены грызунами. В непотревоженном состоянии сохранилось лишь пять погребений /в курганах 1,2,5,6,12/.

В курганах 1 и 6 покойники лежали на спине /рис.1, Ш/, в кургане 2 - ничком[5]/. Захоронения в курганах 5 и 12 заслуживают более подробного описания.

В кургане 5 /погр.6/ похоронен ребенок. Он лежал скорченным на правом боку, кисти рук находились перед лицом /рис.1, 1/. Костяк местами был слабо окрашен в красный

4/ Как показывают анализы, минеральные красители, встречающиеся в ямных погребениях, чаще всего представляют собой железоокисную или глинистую мумию /см.В.А.Малеванный. Химическое изучение археологических пигментов. СА, 1968, № 4, стр. 224/. Поскольку для характеристики погребального обряда не важен химический состав красителей, мы применяем привычный термин "охра".

5/ Первое и последнее опубликованы. См.К.Ф.Смирнов. Указ. соч., рис.1, 1-2.

цвет, лишь на черепе находилось большое красное пятно, прикрытое слоем перегнившей травы. Трава покрывала также грудную клетку.В ногах погребенного,в юго-западной части могильной ямы, находились кости младенца сплошь засыпанные порошком охры. Он также лежал в скорченном положении на правом боку, но имел восточную ориентировку. В южном углу могилы отдельно располагалась кучка охры. В юго-западном углу находился круглодонный глиняный сосуд с намечающейся шейкой и слегка отогнутым краем /рис. 2, 3/.

В кургане 12 погребен мужчина. Он лежал в скорченном положении на правом боку, завалившись назад. Кости скелета и дно могилы покрыты порошком охры. Правая рука согнута в локте, кисть ее находилась перед лицом, предплечье левой руки лежало поперек грудной клетки. /Такую же позу имел ребенок в кургане 14/. У правого локтя мужчины, на подстилке из тонких веточек, располагался массивный медный двуобушковый молоток с остатками рукоятки во втулке /рис.2, 1/. Рядом с ним обнаружены два маленьких обломка медного пластинчатого предмета. У правого плеча покойника кучка охры покрывала остатки тонкой непряденой шерсти, под которой оказались тонкие, переплетенные между собой прутики /ножны?/. Ниже находился медный черешковый нож с треугольным клинком, лежавший на подстилке из веточек /рис.2, 2/. В засыпке ямы обнаружено три куска окаменевшего дерева, использовавшиеся в качестве пестиков или терочников.

По погребальному обряду Уваксий могильник с уверенностью может быть отнесен к числу памятников ямной культуры, однако положение костяков на боку и, тем более, с кистями рук перед лицом является чисто местной особенностью приуральской группы памятников. Такое положение не характерно для захоронений ямного времени соседнего

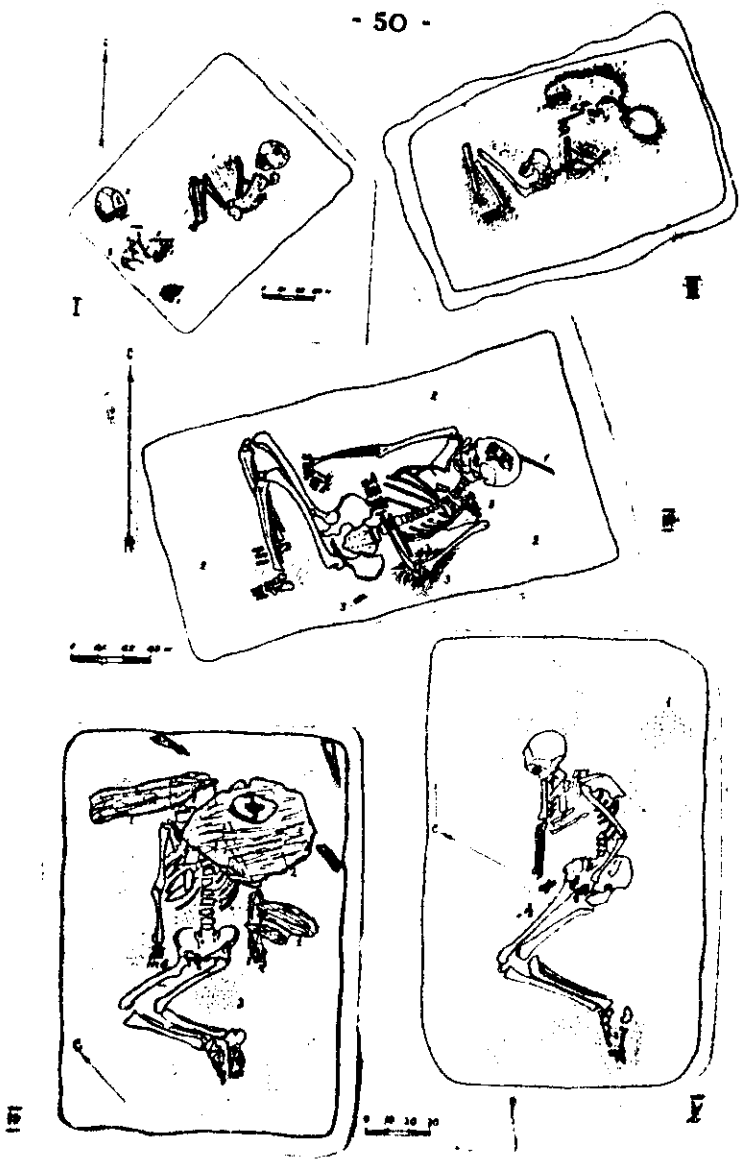


Рис.1. ПЛАНЫ ПОГРЕБЕНИЙ

I-Ш. Уваксий могильник, IУ-У. Герасимовка 1.

Поволжья. Исключение составляет лишь район Самарской Луки, где встречаются немногочисленные погребения со скелетами, лежащими на боку.

Из захоронений Уваксого могильника наименее типичным для ямных племен является погребение 6 в кургане 5, тем не менее, именно в нем оказался характерный круглодонный горшок /рис.2, 3/.

Положение погребенных на боку с кистями рук перед лицом известно и во II Мало-Кизильском могильнике.

В деталях погребального обряда II Мало-Кизильский и Уваксий могильники имеют много общего, положение костяков в некоторых могилах полностью совпадает. В погребении с металлическими вещами /к.1, п.1/ и в кургане 4 II Мало-Кизильского могильника погребенные имели ту же позу, что и костяк в кургане 6 Уваксого могильника. Они лежали на спине с подогнутыми вправо ногами, левая рука покоилась предплечьем на животе, правая была вытянута вдоль тела. В курганах 1 /п.2/, 2 /п.1/, 6 II Мало-Кизильского могильника погребенные лежали на правом боку. В одном случае кисти рук находились перед лицом.

К.В.Сальников относил II Мало-Кизильский могильник к полтавкинскому времени[6/]. Основным доказательством полтавкинского возраста этих захоронений он считал небольшое количество краски и положение некоторых костяков на боку, а не на спине. Наличие в одной из могил металлических предметов /четырехгранного шила с круглым насадом и черешкового ножа листовидной формы/ автор раскопок также

6/ К.В.Сальников. Археологические исследования в Курганской и Челябинской областях. КСИИМК, XXXУШ, М., 1951, стр.94-95; Его же. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952, стр.50-51; Его же. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы, стр.51-55.

счел поздним признаком на том основании, что подобные предметы встречаются в погребениях катакомбной и полтавкинской культур. При этом сам автор отмечал, что ножи листовидной формы появляются еще в ямное время.

Действительно, этот тип изделий относится к числу ямно-катакомбных. В Михайловском поселении медные черешковые ножи обнаружены в верхнем слое, относящемся к позднеямному времени[7]. Там же найдено большое количество четырехгранных шильев. Среди них есть шилья простейших форм к типу которых следует причислить и малокизильское орудие. Такие шилья встречаются и в среднем слое Михайловского поселения, где оказались также черешковые ножи с треугольным лезвием, к типу которых относится нож из Увакского могильника. Обнаруженный в последнем литой медный молоток показывает, что племена ямной культуры Южного Приуралья, так же, как и ямники Нижнего Приднепровья, имели уже определенные навыки в области обработки металла, и, следовательно, изготовление таких предметов, как шилья и ножи, не представляло для них больших трудностей. Распространенное до недавнего времени мнение о том, что первые медные изделия появляются к концу энеолитической эпохи, а племена ямной культуры лишь начинают знакомиться с металлом, опровергается не только находками все большего числа медных предметов в памятниках этого времени, но и наличием на Михайловском поселении ряда предметов, связанных с обработкой медной руды.

Находка в Увакском могильнике сосуда ямного типа не оставляет сомнения в том, что этот могильник и аналогичный ему II Мало-Кизильский относятся к ямному времени. По погребальному обряду в них выделяются две группы за-

7/ О.Ф.Лагодовська, О.Г.Шапошникова, М.Л.Макаревич. Михайлівське поселення. Київ, 1962, стр.148, табл.XXVI.

хоронений. Первая включает захоронения на спине с большим количеством красной краски. По обилию охры и мела к этой группе следует причислить и погребение 6 в кургане 2 Увакского могильника, где скелет лежал ничком.

Вторую группу составляют погребения на боку с малым количеством охры или без нее. Промежуточное положение занимает захоронение в кургане 12 Увакского могильника, где костяк лежал на боку, но был интенсивно окрашен в красный цвет.

Как показали стратиграфические наблюдения в других районах распространения памятников ямной культуры, изобилие охры, мела, положение погребенного на спине свойственно ранним этапам этой культуры.

В Южном Приуралье соотношение ямных захоронений стратиграфически не прослеживается. В Увакском могильнике обращает на себя внимание тот факт, что все погребения с большим количеством охры и мела /в том числе костяк в кургане 12, где найдены молоток и нож/ принадлежали взрослым людям. В могилах с малым количеством охры погребены дети. В связи с этим уместно вспомнить раскопанное еще В.В.Гольмстен березняковское погребение близ г.Бугуруслана. В нем оба скелета лежали на спине, были густо посыпаны охрой, но сопровождались сосудами позднеямного типа[8].

Суммируя все сказанное, можно придти к выводу, о том, что поза погребенного и количество охры сами по себе не могут служить основанием для создания периодизации, хотя первая и вторая группы Увакских погребений в общих чертах могут быть сопоставлены с первой и второй хронологически-

8/ В.В.Гольмстен. Материалы по археологии Самарской губернии. Бюллетень Самарского общества археологии, истории и этнографии, вып. 2, Самара, 1925.

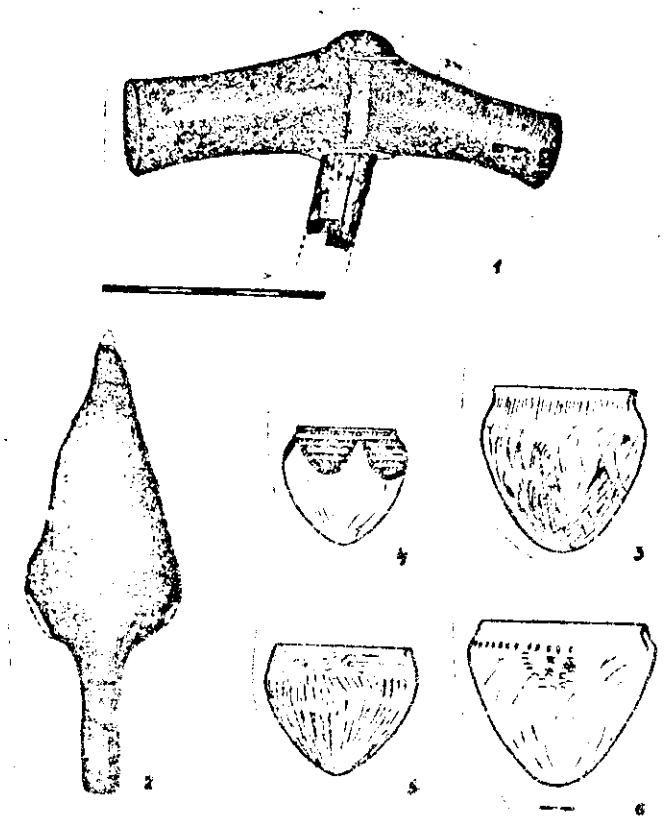


Рис.2. НАХОДКИ ИЗ УВАКСКОГО МОГИЛЬНИКА /1-3/ И МОГИЛЬНИКА У ХУТ.БАРЫШНИКОВА /4-6/

ми группами памятников, выделенных Н.Я.Мерпертом в Нижневолжском районе[9].

Абсолютная дата Уваксого могильника устанавливается находкой медного молотка /рис.2, 1/. На территории нашей страны такой молоток вне комплекса найден Э.Н.Бодянским у с.Петрово-Свистуново в Поднепровье. У Березовской ГЭС аналогичный предмет обнаружен на поселении начального этапа развитой трипольской культуры[10], что по существующей периодизации Триполья может соответствовать рубежу IУ и Ш тысячелетий и началу Ш тысячелетия до н.э.

Близким Уваксому могильнику по характеру курганов, форме и ориентировке могильных ям, а также по деталям погребального обряда /охра, мел, подстилка/ оказался могильник "Близнецы". Положение погребенных в нем не установлено, поскольку костяки были уничтожены грабителями или полностью истлели.

Не исключено, что к этой же группе памятников следует относить раскопанный в 1887 г. Ф.Д.Нефедовым курган на Синем яру. В нем не было обнаружено скелета, а могила достигала глубины 4 м, /вероятно, от вершины кургана/. В могиле "лежала масса окаменелостей, белемнитов, шлаки, каменные кольца, рыболовные крючки, цилиндрики с просверленными насквозь отверстиями и разные камни, очевидно, положенные намеренно"[11].

9/ Н.Я.Мерперт. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. /Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук/. М, 1968, стр. 18-20.

10/ В.Г.Збенович. Древнейшие медные топоры в Восточной Европе. СА, 1969, № 3, рис.1, 1.

11/ Ф.Д.Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг. МАВГ, вып.3. М, 1899, стр.6.

Вторым районом Степного Приуралья, где зафиксированы курганы энеолитического времени, является левый берег р.Киндели в Илекском районе Оренбургской области. На участке берега протяженностью в 5 км обнаружено три курганных группы /у хут.Барышникова, Герасимовка 1, Герасимовка II/.

В курганной группе у хут.Барышникова раскопано пять курганов. Поскольку материал раскопок получил освещение в печати[12/], напомним лишь, что погребения в этом могильнике по характеру могильных ям, ориентировке /СВ/, положению погребенных на спине с подогнутыми ногами или на правом боку, а также по наличию в могилах тлена травы, порошка охры и мела, совершенно аналогичны погребениям Уваксого могильника. В трех из этих погребений обнаружены сосуды яйцевидной формы. Поверхность всех сосудов заглажена зубчатым штампом, а два из них в верхней части орнаментированы нерегулярными ногтевыми вдавлениями, оттисками конца палочки и полукруглыми фестонами /рис.2, 4-6/.

Могильник Герасимовка 1 состоял из 17 курганных насыпей, протянувшихся вдоль берега реки с востока на запад. В восточной части могильника располагались восемь окруженных рвами насыпей. Самая большая из них достигала высоты 3 м, наименьшая возвышалась над окружающей местностью всего на 25 см. Раскопано 6 курганов. Под всеми насыпями оказались большие, ориентированные по линии З-В или Ю3-СВ могильные ямы глубиной 1,4-2,4 м от древней дневной поверхности. Они имели правильную прямоугольную форму, четкие углы и вертикальные стенки. Лишь в кургане 2 могила расширялась на 25 см к востоку, приобретая,

12/ К.Ф.Смирнов. Указ. соч., стр.158-159.

ках и в Уваксом могильнике, форму трапеции. Для всех погребений характерно наличие красной краски, меловой подсыпки, подстилки из травы или камыша. В некоторых могилах оказалась подсыпка из угольков или золы.

Большая часть погребений ограблена еще в древности. Лишь в курганах 5 и 7 костяки погребенных оказались не нарушенными. Первый лежал в скорченном положении на правом боку, головой на северо-восток. Кисть левой руки его покоилась на костях таза, правая рука вытянута вдоль тела /рис. 1, У/. Скелет окрашен в красный цвет. Особенно интенсивна окраска стоп обеих ног. На дне могилы прослеживались остатки подстилки из травы и меловая подсыпка.

В кургане 7 взрослый человек лежал головой на северо-восток, на спине, с поджатыми, упавшими вправо ногами. Руки вытянуты вдоль тела /рис.2, IУ/. На костях скелета заметны следы красной краски, особенно интенсивные на черепе и ступнях ног. Дно могилы было покрыто слоем бурого тлена от подстилки, а поверх него посыпано порошком охры и мела. Под грудной клеткой погребенного находилась подсыпка из угольков.

Могильная яма в кургане 7 была перекрыта провалившимися на дно деревянными плахами, поверх которых лежало массивное деревянное колесо диаметром в 50 см. Оно было сделано из целого куска дерева и имело хорошо выточенную выступающую втулку.

Помимо колеса, в могильнике Герасимовка 1 найден осколок белемнита, обрубки рогов косули, пестик из гальки, обломок деревянного предмета и деревянная рукоять, вероятно, от шила, унесенного грабителями.

Особенностью могильника Герасимовка 1 является своеобразное устройство надмогильных сооружений. В больших курганах №№ 4,5,6 вокруг могил были сделаны специальные углубления - канавки, на которых сооружались перекрытия.

Так, в кургане 5 слой почвы, был срезан вокруг могильной ямы на глубину 25-30 см. В образовавшемся углублении на площади 8х9 м. обнаружены куски плах и тлен камыша, представлявшие собой остатки перекрытия в виде сложного объемного сооружения. В кургане 6 такое же сооружение занимало площадь 3х5 м. Оно возвышалось над подошвой заплечиков не менее, чем на 70 см.

В других насыпях на уровне древнего горизонта обнаружены остатки плоских деревянных перекрытий. Иногда плахи лежали в два слоя - поперек и вдоль ямы. Уступы-выемки вокруг могильных ям в других могильниках Южного Приуралья не встречались, но они широко известны в курганах ямной культуры западных областей. В частности, в одном из курганов, раскопанных А.И.Тереножкиным на землях совхоза "Аккермень" близ Мелитополя, на таком уступе лежали два деревянных колеса от арбы[13].

Разграбленные погребения со следами плоских перекрытий оказались в двух курганах могильника Герасимовка II.

В настоящее время на территории Оренбуржья исследовано 28 погребений, которые с уверенностью можно отнести к ямной культуре. Обращает на себя внимание тот факт, что большая часть из них была ограблена в древности и при этом контуры ограбленных могил не нарушены. По-видимому, грабителям было известно местоположение могил в кургане, так же как и состав погребального инвентаря. Погребения без инвентаря не представляли для них интереса и поэтому дошли до нас в непотревоженном состоянии. Что же могло привлекать грабителей древности в курганах энеолитического времени? По-видимому, металл, представлявший в то время большую ценность. В кургане 2 могильника Ге

13/ А.И.Тереножкин. Раскопки курганов в долине реки Молочной в 1952 г. КСИИМК, 63, М, 1956, стр.70.

расимовка I оказалась брошенная грабителями рукоять от шила, а в основной могиле кургана 4 Уваковского могильника на костях скелета сохранились следы окислов меди от предмета, унесенного грабителями.

Находка в Уваковском могильнике массивного литого молотка свидетельствует о том, что у местных племен в первой половине III тысячелетия до н.э. металлургическое производство уже достигло достаточно высокого уровня. Этот молоток так же, как и найденный вместе с ним нож, был сделан из меди без искусственных примесей.

Из "чистой" меди сделан также целый ряд предметов, найденных в ямно-полтавкинских памятниках Нижнего Поволжья, Заволжья и Южного Приуралья. Последние расположены в непосредственной близости от Каргалинских месторождений медистых песчаников, руды которых "по химическому составу полностью соответствуют набору примесей "чистой" меди ямной культуры."[14] Таким образом, есть основания утверждать, что разработка южноуральских месторождений была начата племенами ямной культуры.

О хозяйстве этих племен в Южном Приуралье известно не много. Места их долговременных поселений не открыты, немногочисленные дюнные стоянки перевеяны. Основывать выводы можно лишь на материале погребальных памятников и на сравнениях с типом хозяйства племен, обитавших в более западных областях.

В степях Украины приручение быка относится к VI-V тыс. до н.э.[15] У племен ямной культуры Украины в III тыс. до н.э. уже существовало высокоразвитое земледелие и скотоводство. О степени развития земледелия в Оренбуржье того же времени судить пока трудно, существование же скотоводства подтверждается находками в курганах костей коровы, овцы, лошади.

14/ Е.Н.Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М, 1966, стр.69.

15/ О.Ф.Лагодовська, О.Г.Шапошникова, М.Л.Макаревич. Указ.соч., стр.170-171.

Кости быка встречаются в насыпях курганов в виде жертвоприношений. Например, в кургане 4 могильника "Близнец нижние челюсти и кости ног двух быков были аккуратно уложены и чем-то /возможно, шкурой/ прикрыты сверху. Эти жертвоприношения и колесо из могильника Герасимовка I, предполагающее бычью упряжку, показывают, что крупный рогатый скот играл большую роль в жизни местных племен. Наряду с этим, климатические и ландшафтные условия приуральских степей должны были способствовать быстрому развитию овцеводства.

Дальнейшие исследования приуральской группы памятников, раскопки курганов и возможное открытие долговременных поселений позволит составить более четкое представление о жизни и хозяйственной деятельности племен ямной культуры в Южном Приуралье, а также создать периодизацию памятников этого района.

Приложение к рис. 1

I. Уакский могильник, к.5, п.6 /1 - тлен травы, 2 - куски охры; 3 - горшок; 4 - подстилка из коры; 5-8 - кости младенца/

II. Уакский могильник, к.12, п.4 /1 - медный молоток; 2 - кусок древка; 3 - обломок медного предмета; 4 - медный нож; 5 - подстилка из веток и шерсти; 6 - плетенка из прутьев; 7 - пятна охры/.

III. Уакский могильник, к.6, п.4 /1 - кость птицы; 2 - подстилка из коры с пятнами охры; 3 - скопление охры/.

IV. Герасимовка I, к. 7, п.1 /1 - плахи от перекрытия могилы; 2 - деревянное колесо; 3 - подсыпка из охры и мела/.

V. Герасимовка I, к.5, п.3 /1 - меловая подсыпка и тлен травы/.

Т.Б. ПОПОВА

К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ ПЛЕМЕН ПОЗДНЯКОВСКОЙ И АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУР

В последние годы не мало сделано для изучения истории племен поздняковской культуры. Особое внимание исследователями уделялось вопросам, касающимся их происхождения 1/. Генетические связи племен поздняковской культуры с племенами срубной культуры и их генезис с местными окскими племенами эпохи ранней бронзы, кажется, теперь ни у кого не вызывают сомнения 2/.

Тем не менее некоторые стороны материальной культуры и новые черты в погребальном обряде, как ритуальные кострища в курганах и др. особенности, не связаны своим происхождением с племенами срубной культуры. Рассматривая керамику и ее орнаментацию из многочисленных поздняковских памятников, мы находим наряду с двумя основными формами сосудов: баночной и остроребериой, которые безусловно ведут свое происхождение от керамики срубной культуры, еще и другие формы, заметно отличные от первых двух. Их происхождение надо искать в других археологических культурах или объяснять какими-либо другими влияниями или связями.

Во всяком случае, совершенно ясно, ряд деталей в материальной культуре и в погребальном обряде поздняковской культуры не может быть

1/ O.Bader. Kultur der Bronzezeit in Zentralrussland. Finska Forminnestorenigens tidriftz. 59.1. Helsinki 1957.

2/ А.Х.Халиков. Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы. М, 1969; Т.Б.Попова. Происхождение поздняковской культуры. Труды ГИМ, вып. 37, М, 1959; Она же. Допоздняковские памятники в Окском бассейне. Экспедиции ГИМ. М, 1969.

объяснен только с позиций генетической связи этой культуры с племенами срубной культуры.

Формирование в середине II–го тысячелетия в Окском бассейне новой археологической культуры было весьма сложным процессом, в котором, вполне возможно, главенствующая роль и принадлежала продвинувшимся с юга племенам срубной культуры, но, по-видимому, не малую роль сыграли как местные племена, так и племена, непосредственно занимавшие территории, граничившие с Окским бассейном. Наиболее близкими соседями поздняковцев были племена абашевской культуры. Они занимали значительную территорию, которая включала на востоке Южный Урал, а на западе – верховья Дона. Не вся эта область была сплошь заселена абашевскими племенами. Основные группы абашевских племен концентрировались: одна в Волго-Вятском междуречье, вторая – в правобережье Средней Волги, третья группа в Башкирии, по рекам Уфе и Бел наиболее малочисленная группа памятников абашевской культуры расположена в верхнем течении Дона и Цны. Наиболее территориально близким к поздняковским были племена абашевской культуры, которые располож на Средней Волге, в ее правобережной части (Марийская и Чувашская АССР). Это непосредственные восточные соседи поздняковцев, именно с этой группой абашевских племен были наиболее близкие контакты.

В последние годы вышел из печати ряд обобщающих исследований по истории племен абашевской культуры, в которых авторы совершенно по-новому решают вопросы хронологии и происхождения этой культуры 3/. Однако, ни в одной из этих работ не затрагиваются вопросы связей

3/ МИА, вып. 97, М, 1961. Сборник содержит шесть статей по вопросам абашевской культуры; П.Д.Либеров. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М, 1964; К.В.Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М, 1967.

племен поздняковской и абашевской культур. Более того, территория Окского бассейна иногда включается в территорию, занятую племенами абашевской культуры 4/, т.е. существование в Волго-Окском междуречье во второй половине II–го тысячелетия до н.э. племен поздняковской культуры иногда не принимается во внимание. С этой точки зрения, следует остановиться на вопросах места происхождения абашевской культуры и дальнейшего направления ее расселения.

Исследователи, занимающиеся изучением абашевской культуры, в вопросе ее происхождения не имеют единого мнения.

Так, П.П.Ефименко и П.Н.Третьяков выдвигают гипотезу о южном происхождении абашевской культуры 5/. А.Х.Халиков, развивая эту теорию дальше, находит наиболее ранние памятники абашевской культуры на Верхнем Дону и на основании этого намечает продвижение племен абашевской культуры из южных районов на север и северо-восток 6/. Совершенно противоположной точки зрения придерживается П.Д.Либеров, который на основании стратиграфических данных ряда курганов и поселения № 8 у с.Вознесенское доказывает, что абашевские памятники Дона более поздние, чем в Поволжье, и распространение племен абашевской культуры на Дон шло не с юга, а с севера 7/.

И в самом деле, на территории Среднего Дона к наиболее "ранним" памятникам абашевской культуры, по А.Х.Халикову, может быть отнесено несколько комплексов из старых раскопок курганов у с.Тюнино 8/. Это находки кремневых черешковых стрел, бронзового желобчатого браслета и круглодонных сосудов. Среди них есть сосуд с широким устьем и не-

4/ П.Н.Третьяков. Памятники древнейшей истории Чувашского поволжья

5/ П.П.Ефименко, П.Н.Третьяков. Абашевская культура в Поволжье. МИА, вып. 97, М, 1961.

6/ А.Х.Халиков. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР. МИА вып. 97, М, 1961

7/ П.Д.Либеров. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М, 1964.

8/ Л.Б.Вейнберг. Раскопки курганов близ гор.Задонска у с.Тюнино ("селище") в 1888 году. ЗРАО, т.VIII, вып.1–2.
А.А.Иессен. Раскопки Б.Н.Глазова у с.Тюнино в 1910 г. ПИДО 1924, №6.

большим поддоном, прямых аналогий в памятниках абашевской культуры он не имеет, а наличие у него поддона может указывать на довольно позднюю дату. Поддоны известны в керамике срубной культуры развитого и позднего ее этапов, не ранее конца 3–й четверти второго тысячелетия до н.э., т.е. этот сосуд, на который неоднократно, как на ранний, ссылается А.Х.Халиков, не может служить основанием для датировки ранних памятников абашевской культуры на Среднем Дону. По-видимому, было бы неправильным согласиться с А.Х.Халиковым и по поводу его датировки первой половиной II–го тысячелетия до н.э. керамики из могильника у с. Никольское. Встреченная здесь в засыпке абашевская керамика совместно с катакомбной не раннего типа. Катакомбная культура в этих районах существует довольно долго 9/, о чем могут свидетельствовать встреченные здесь фрагменты керамики, орнаментированные налепами и защипами вдоль края сосуда, а также грубой штриховкой по поверхности.

Точно также нельзя доказать раннюю дату абашевских памятников Дона на основании находок в урочище "Частые курганы" (курган № 41), где погребение с абашевским сосудом лежит над погребением с сосудом срубного типа. "Следовательно, абашевское погребение было совершено после прихода на эту территорию племен срубной культуры" 10/. Следует учесть и то, что керамика с поселения № 8 у с.Вознесенского имеет поддоны, плоские днища и может датироваться поздним временем, собственно, по этим же признакам А.Х.Халиков датирует поздние памятники абашевской культуры Волго-Вятского междуречья "последней четвертью II тысячелетия до н.э.

Исследование памятников эпохи бронзы в другом районе, в бассейне р.Цны, на поселениях Красное Озеро, Перикса и Шлихтинская 12/

9/ А.Д.Пряхин. К вопросу о памятниках раннекатакомбного типа на Верхнем и Среднем Дону. Сб. "Вопросы истории славян", вып. 2, Воронеж, 1966

10/ П.Д.Либеров, Ук. соч, стр. 19.

11/ А.Х.Халиков. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР. МИА, вып. 97, М, 1961, стр. 226

12/ Т.Б.Попова. Эпоха бронзы на Тамбовщине. СА, 1961, № 3.

также показывает, что, во-первых памятники абашевской культуры здесь довольно своеобразны и отличаются от классических памятников этой культуры Поволжья, и, во-вторых, что в бассейне р.Цны абашевская культура не ранняя, появление ее в этих районах было не раньше проникновения сюда племен срубной культуры.

Таким образом, уже достаточно оснований усомниться в том, что происхождение абашевской культуры возможно связывать с развитием ямной культуры в Окско-Донском междуречье и распространять ее с юга на северо-восток, как это доказывает А.Х.Халиков 13/.

Кроме того, следует учесть, что исследования памятников в Южном Приуралье позволили К.В.Сальникову датировать их временем, близким к середине второго тысячелетия до н.э., а некоторые даже "концом или серединой второй четверти второго тысячелетия до н.э. 14/. А если это так, то вряд ли можно восточные памятники абашевской культуры вывести с запада.

Как же следует трактовать расселение племен абашевской культуры, исходя из данных, имеющихся на территории Волго-Окского междуречья? П.Н.Третьяков включает бассейн р.Оки в зону распространения абашевской культуры 15/. Основанием для этого ему послужили находки нескольких погребальных комплексов, найденных на Оке. Начиная с середины II–го тысячелетия до н.э. Средняя Ока была основной территорией племен поздняковской культуры, в третьей четверти границы поздняковской культуры расширяются. И вот на этой территории известно в настоящее время три пункта, которые связываются с племенами абашевской культуры. Рассмотрим их с точки зрения "чистоты" комплекса. Один из них происходит из раскопок В.А.Городцова на

13/ А.Х.Халиков. Ук.соч., стр. 226

14/ К.В.Сальников. Ук. соч., стр. 107

15/ П.Н.Третьяков. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948

Михайловой Горе у д. Огубь.[16] Здесь в кургане № 1 обнаружены: глиняный сосуд баночной формы, сплошь орнаментированный параллельными рядами оттисков крупно-зубчатого штампа, восьмиконечная бронзовая бляшка-розетка и бронзовый браслет четырехгранный в сечении. Этот комплекс первоначально был принят В.А.Городцовым за средневековый. Сейчас все исследователи не сомневаются в его принадлежности к кругу памятников абашевской культуры. К большому сожалению, остался невыясненным погребальный обряд. Положение костяка, его ориентировка могли бы дать дополнительные данные для определения этнической принадлежности этого погребения. Что касается погребального инвентаря, то бронзовый браслет и восьмилучевая розетка широко известны в абашевских памятниках, а баночные сосуды не являются основной и характерной формой абашевской посуды, хотя и известны там в небольшом количестве [17] и не могут являться полной гарантией принадлежности всего комплекса к абашевской культуре. Этот тип посуды, как известно, слишком широко распространен.

Более подробные сведения о находках абашевских погребений есть у Б.А.Куфтина, который раскопал у с. Земского под г. Касимовым несколько курганов [18]. В кургане № 2 в центре под насыпью найден костяк, лежащий головою на юг. Около черепа лежали: восьмилопастная бронзовая розетка, очковидная привеска, бронзовая спиральная привеска, несколько полушарных бляшек и костяной гребень. На правой руке бронзовый браслет, а у ног бронзовое четырехгранное шило. В числе находок есть и сосуд со слегка уплощенным днищем, отогнутым краем, без ор-

16/ ГИМ, инв. № 54721

17/ Этот сосуд издан несколько раз и рисунки, его воспроизводящие, далеки от натуры. В одном издании он издан дважды и по-разному. (МИА, вып. 97, стр. 75, рис. 23(2); табл. XIII (8).

18/ А.Е.Алихова. Абашевские курганы близ с. Земского Рязанской области. КСИИМК, вып. 64, 1956.

намента. Следует добавить, что из этих же курганов происходит фрагмент от сосуда с прямым горлом, с примесью толченой раковины в тесте глины. Весь набор бронзовых украшений типично абашевский, найденный здесь сосуд и фрагмент от второго также не вызывают сомнения относительно их принадлежности. У одного сосуда характерная абашевская форма, у второго – примесь раковины – довольно устойчивый признак для абашевской керамики, очень редко встречается в керамике поздняковской культуры и скорее может рассматриваться как влияние соседней абашевской. За принадлежность комплекса из с. Земского к кругу памятников абашевской культуры может говорить и южная ориентировка погребенного.

Наиболее спорны, на наш взгляд, абашевские памятники Верхнего Поволжья. Это большой могильник, расположенный на берегу Плещеева озера. Здесь исследовано 4 кургана Я.В.Станкевич и П.Н.Третьяковым [19]. Более детально исследован этот могильник в 1959–1960 годах Верхневолжской экспедицией Д.А.Крайнова [20], вскрыт 21 курган. Автор раскопок относит могильник к памятникам абашевской культуры. Рассмотрим признаки, по которым можно определить этническую принадлежность населения, оставившего этот памятник.

Могильник состоял из курганов с круглыми и овальными насыпями. Такие курганы характерны и для поздняковской культуры. Вытянутые пропорции курганов были в Коренецком, Борисоглебовском, Мало-Окуловском и др. могильниках. В раскопанных 21-ой курганной насыпях Кухмарского могильника обнаружены 24 могильных ямы, т.е. под каждой насыпью совершенно одно захоронение и только в кургане 11 – два, а в 13 – три погребения. Почти все известные абашевские могильники сос-

19/ П.П.Ефименко и П.Н.Третьяков. Абашевская культура в Поволжье. МИА, вып. 97, М, 1961

20/ Д.А.Крайнов. Кухмарский курганный могильник. КСИА, вып. 88, М, 1962

тоят из курганов, насыпи которых перекрывают несколько погребений, от двух до десяти и более [21]. В курганах поздняковской культуры, как правило, под каждым курганом одно погребение и, как исключение, два или три. Так, например, в Битюковском могильнике из 20 курганов только один содержал 3 могилы. Обращают на себя внимание и размеры погребальных ям в Кухмарском могильнике – некоторые из них достигают значительных размеров (2,4 х 1,7 метра). Такие же могилы мы наблюдаем и в поздняковских могильниках. Интересен и сам погребальный ритуал Кухмарского могильника. Вокруг большинства могил прослежены остатки ритуальных кострищ, полосы из угля и золы как бы окаймляют ямы. Во всей насыпи прослежены вкрапления угольков и золы, отмечены они и в засыпке самих погребальных ям. В могильниках абашевской культуры ритуальные кострища прослежены на территории Чувашии [22] и Левобережной части Среднего Поволжья [23]. Этот ритуал очень своеобразен и не прослеживается у соседних племен срубной культуры, с которыми были контакты у абашевцев и поздняков, не прослеживается этот обряд и у северных соседей – фатьяновцев. Такой же, или, вернее, очень близкий погребальный обряд наблюдается в Окском бассейне в могильниках племен поздняковской культуры [24]. Их погребальный обряд, кроме обычая сооружения насыпи над могилой, совершенно отличен от погребального обряда племен срубной культуры. В поздняковских могильниках под насыпями курганов прослежены погребальные кострища на уровне древнего горизонта, засыпка могилы землей, смешанной с углем и золой, насыпи поздняковских курганов также изобилуют включениями мельчайших угольков и золы, что предполагает разведение дополнительных кострищ за пределами насыпи кургана. Именно это совпадение в погребальном обряде абашевцев заставляет обратить внимание. Безусловно, здесь наблюдаются влияния и возможно заимствования. Не менее интересно и другое совпадение в погребальном ритуале Кухмарского могильника. Д.А.Крайнову удалось проследить, что в ряде курганов погребальный инвентарь клался не в могилу, а рядом с ней. Сосуды нередко разбивались и обломки их или разбрасывались вокруг могилы, либо концентрировались около погребальных кострищ. Следует отметить и случаи, когда сосуды ставили в могилу перевернутые вверх дном. Именно точно такая же картина погребального ритуала прослеживается в поздняковских могильниках [25]: разбитые сосуды от тризны, кострища, расстановка погребального инвентаря и под одной насыпью одна могила. Особый интерес представляет для нас и керамика Кухмарского могильника. Она представлена баночными и остроребериными сосудами, а также сосудами с высокой отогнутой шейкой и округлым туловом. Автор раскопок отнес его на основании аналогии в памятниках абашевской культуры к раннему этапу абашевской культуры [26]. Но этой дате противоречит весь остальной комплекс могильника. Остальные сосуды Кухмарского могильника, как, например, сосуд из кургана № 1, с выпуклыми боками и елочным узором, оканчивающимся фестонами из треугольников, имеют широкие аналогии в керамике поздняковской культуры [27]. Это мотив является одним из характерных в орнаментации поздняковской керамики. Почти все сосуды Кухмарского могильника находят себе аналогии в керамике поздняковской культуры, причем наиболее близкие аналогии в наиболее поздних памятниках, таких, как Дикариха [28] и Коренец II. Следует отметить и отсутствие в кухмарской керамике абашевской примеси – толченой раковины. Таким

21/ П.Н.Ефименко и П.Н.Третьяков. Абашевская культура в Поволжье. МИА, вып. 97, М, 1961

22/ Н.Я.Мерперт. Абашевские курганы Северной Чувашии. МИА, вып.97, М, 1961.

23/ А.Х.Халиков. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР. МИА, вып. 97, М, 1961.

24/ Т.Б.Попова. Новый памятник поздняковской культуры. СА, 1967, №1

25/ Т.Б. Попова. Коренецкий могильник и стоянки. СА, 1965, № 1; Она же. Новый памятник поздняковской культуры. СА, 1967, № 1

26/ Д.А.Крайнов. Кухмарский курганный могильник. КСИА, вып.88, 1962, стр.53

27/ Там же, стр. 53, рис. 9, 6

28/ А.Г.Никитин. Дикариха. МИА, № 116. М, 1963.

образом, керамика Кухмарского могильника не может считаться "чистым" комплексом абашевской культуры. Как в керамике, так и в погребальном обряде, с одной стороны, можно наблюдать черты, сближающие их с памятниками поздняковской культуры, а, с другой стороны, несомненно и абашевское влияние. Такой смешанный тип памятника позволяет предполагать, что в данном случае мы имеем дело с ассимиляцией. Продвинувшиеся на Верхнюю Волгу отдельные группы абашевских племен ассимилировали местное население. Эта же территория тогда же интенсивно осваивалась племенами поздняковской культуры, о чем свидетельствуют находки памятников поздняковской культуры в Ярославском и Костромском Поволжье 29/.

Абашевский компонент хорошо прослеживается не только на материалах Кухмарского могильника, но и в материальной культуре всей поздняковской культуры. Выше уже говорилось об определенном сходстве погребального ритуала в поздняковских и абашевских могильниках (тризны и ритуальные кострища, большие ямы). Интересен с этой точки зрения и другой поздняковский могильник – Черногорский 30/. Здесь И.К.Цветковой в течение ряда лет вскрыто более 20 поздняковских погребений, расположенных в верхней части культурного слоя. Большинство погребений этого грунтового могильника сопровождалось сосудами обычного поздняковского типа 31/. Некоторое исключение представляет неорнаментированный сосуд из погребения 36. Он имеет широкое устье, округлое тулово. Этого же типа сосуд известен и в Кухмарском могильнике, и близкая к ним форма сосудов есть и в абашевской посуде 32/. Есть она, как указывалось раньше, и в поздняковской культуре. Особый интерес в Черногорском могильнике представляет обряд положения покой-

29/ Н.Н.Гурина. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье. МИА, вып. 110, М, 1963.
30/ И.К.Цветкова. Поздняковские погребения на стоянке Черная Гора. Сб. "Древности Восточной Европы". М, 1969.
31/ Там же, стр. 287, рис. 1
32 МИА, вып. 97, М, 1961, табл. XIII (14).

ников. Часть костяков имела сильно скорченное положение (7 погребений), часть – вытянутое (5 погребений) и 8 погребений были положены либо слабо скорченно, либо имели только подогнутые ноги. Скорченное положение погребенного на боку характерно для поздняковского обряда захоронений, вытянутое положение – типично для абашевского погребального ритуала.

Такая же картина наблюдается и с ориентировкой погребений. В Черногорском могильнике она неустойчива. Семь погребений ориентированы СВВ, 2 – на СЗЗ, 5 – на ЮЮВ и одно – Ю3. В абашевских могильниках ориентировка погребений неустойчивая, но преобладающей является юго-восточная и восточная 33/.

В могильниках поздняковской культуры ориентировка покойников очень устойчива – почти все они ориентированы СЗ, СВ, с небольшими отклонениями – СЗЗ, СВВ. Часть вытянутых погребений Черногорского могильника имеет ориентировку на ЮВ, часть погребений захоронена по всем правилам ритуала поздняковской культуры: они лежат скорченно на боку, головою на СЗ или СВ. Есть в могильнике и группа смешанных погребений, у которых либо ориентировка Ю–В, либо они вытянуты. Интересно и то, что погребение № 36, сопровождаемое сосудом, близким к абашевским, по форме, имело ориентировку ЮЮВ.

Все эти приведенные данные говорят о тесных контактах и взаимовлияниях племен абашевской и поздняковской культур.

Следует обратить внимание и на общие детали в орнаментации керамики той и другой культуры: узоры, оканчивающиеся бахромой или фестонами, таких почти нет в орнаментике племен срубной культуры. По-видимому, под влиянием абашевцев появляются на поздняковской керамике узоры из бахромы и фестоны, которые сочетаются с чисто поз-

33/ О.Н.Евтюхова. К вопросу о погребальном обряде абашевской культуры. МИА, вып. 110, М, 1963, стр. 29 и сл.

дняковскими. В единичных случаях можно наблюдать и появление посуды, сделанной из глиняного теста с примесью толченой раковины, деталью, весьма характерной для изготовления керамики абашевской культуры. Причем абашевское влияние ярче прослеживается на керамических материалах с поселений из восточных районов поздняковской культуры. Так, на Акозичском поселении установлено, что 23,1% из всей керамики составляет группа сосудов, в тесте глины которой содержится специфическая примесь толченой раковины. Вместе с тем автор раскопок этого поселения А.Х.Халиков 34/ отмечает, что эта керамика найдена совместно с обычной поздняковской. Это явление заставляет нас говорить и об абашевском компоненте в восточном районе территории поздняковской культуры.

Раскопки последних лет дают возможность выделить часть предметов, которые в поздняковских памятниках должны рассматриваться, как абашевский импорт. К таким вещам прежде всего надо отнести украшения из Борисоглебского могильника – пронизки и бусы из кургана № 2 35/. Кстати говоря, из этого погребения происходит и сосуд, близкий к абашевским по форме и узору. Украшения из разрушенного погребения, найденного на Волосовской дюне (обломок очкообразной привески и браслет) также могут быть результатом обмена с абашевскими племенами. Отдельные находки абашевских украшений на территории Окского бассейна известны и в других памятниках. Так, на стоянке Подборица-

34/ А.Х.Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху бронзы. Труды Марийской экспедиции, т.1, Йошкар-Ола, 1960.

35/ Т.Б. Попова. Погребение поздняковской культуры в Борисоглебском могильнике. Сб. "Новое в советской археологии". М, 1965, рис. 1 и 2(5).

Щербининская найдена характерная восьмилучевая абашевская розетка 36/.

Таким образом, приведенные выше факты имеют разное происхождение. С одной стороны, они могут быть объяснены непосредственным проникновением отдельных групп населения абашевской культуры на территорию, занятую племенами поздняковской культуры, а с другой, – тесными связями и обменом между соседними племенами. Но оба эти явления несомненно свидетельствуют о тесных и дружественных отношениях и о взаимовлиянии этих племен.

Теперь остается выяснить, когда и в результате чего и в каком направлении шло продвижение абашевских племен.

Все рассмотренные случаи нахождения абашевских предметов как в поздняковских комплексах (Черногорский, Борисоглебский и др. могильники), так и случаи нахождения чистых абашевских комплексов в Окском бассейне не могут быть датированы ранним временем. Все они найдены в памятниках развитого или позднего этапа поздняковской культуры, т.е. они могут быть отнесены ко времени на раньше конца третьей четверти II–го тысячелетия до н.э., а некоторые из них и к концу II–го тысячелетия до н.э. К этому времени относится и начало экспансии абашевских племен на запад, северо-запад и юго-запад. Оно было связано с началом расселения племен срубной культуры с территории Нижней Волги на север и запад. Н.Я.Мерперт хорошо проследил этапы расселения племен срубной культуры в Среднем Поволжье 37/. По-видимому, оно захватило и дало толчок абашевским племенам, часть их двинулась на запад и юго-запад. Отдельные группы абашевских племен попадали и на Верхнюю Волгу. Эта группа ассимилируется с местным

36/ И.К.Цветкова. Стоянка Подборица–Щербининская. СА, 1961, № 2

37/ Н.Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, вып. 61, М, 1958.

населением. Именно этот процесс отразился в погребальном обряде Кухмарского могильника. Отдельные группы абашевцев, по-видимому, проникали на р. Оку, в центр поздняковских племен.

Другая волна абашевских племен двинулась на юго-запад, на Цну, Средний и Верхний Дон. Но здесь она встретилась со все возрастающим потоком племен срубной культуры, двигавшимся на северо-запад и север. В результате этого на этой территории появились поселения и могильники абашевской культуры: на Дону (поселение Воскресенское–8, могильник у с.Тюнино и др.); на Цне (поселения Красное озеро, Перикса и главным образом, Шлихтинская). Дальнейший приток абашевских племен на эту территорию прекратился, с одной стороны, из-за более интенсивного продвижения племен срубной культуры на север, с другой стороны, из–за формирования в Окском бассейне новых племен поздняковской культуры. Поздняковские племена сами расселяясь на восток и север, захватили территории междуречья Оки и Правобережья Средней Волги (поселения Савушкино под г.Ядриным, Акозинское, Шавское и др. в Правобережье Волги). Отрезанные абашевские племена на Дону и Цне обособились от основной группы восточных и северо-восточных племен абашевской культуры, у них появились местные, специфические, локальные особенности материальной культуры, которые в первую очередь выразились в своеобразии керамики. Об этом красноречиво свидетельствуют находки абашевской каннелированной посуды на стоянках Перикса, Красное озеро и Шлихтинская на Средней Цне 38/.

В настоящее время абашевская культура Верхнего и Среднего Дона только еще начинает вырисовываться, но, судя по материалам с поселений эпохи бронзы на Средней Цне, позволяет предполагать, что

38/ Т.Б. Попова. Эпоха бронзы на Тамбовщине. СА, 1961, № 3 (рис. 5).

по-видимому, здесь материальная культура абашевских племен под воздействием окружающих ее племен срубной культуры продолжала трансформироваться и была поглощена, очевидно, племенами срубной культуры. Так, на известном поселении у с. Перикса под г.Тамбовом часть материалов несомненно относится к ранне-срубной культуре, выделяются и материалы абашевские. И на этом же поселении обнаружен чистый комплекс – землянка, материалы из которой позволяю. датировать ее временем поздней стадии срубной культуры (керамика с налепными валиками,с нарезками и без них 39/), временем конца II или начала I–го тысячелетия до н.э. Керамики, характерной для абашевской культуры, в этом жилище, которое является самым поздним сооружением на этом поселении, – нет. По-видимому, к моменту сооружения этого жилища и связанного с ним культурного слоя, абашевского населения в Цнинском бассейне уже не было.

Таким образом, рассматривая вопросы происхождения и передвижения племен абашевской культуры, мы не можем не учитывать территорию Окского бассейна, занятую с середины II–го тысячелетия до н.э. племенами поздняковской культуры. Эти племена находились в тесном контакте с племенами абашевской культуры. Эти контакты на разных территориях складывались по-разному. Здесь были и культурные связи, и процессы ассимиляции, и взаимовлияние, отразившиеся в материальной культуре и погребальном обряде как тех, так и других племен.

39/ Т.Б.Попова. Ук. соч., рис. 2 и 4

Н.П.СОРОКИНА

НОВЫЕ НАХОДКИ СТЕКЛЯННЫХ СОСУДОВ У в. ДО Н.Э. НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Собрание ГИМ недавно пополнилось стеклянными со судами из раскопок некрополя боспорского города Кепы н Таманском полуострове /рис. 1/. Эти памятники относятс к группе стеклянных сосудов, получивших в отечественной литературе название по предполагаемому месту их произ- водства "финикийских". В зарубежной литературе они изв ны больше по особенностям техники их производства, как суды песочно-сердечникового стержня / SAND-CORE/. Эти сосуды могут служить одним из исторических источников д изучения развития ремесла, культуры, экономических свя зей античного мира и, что для нас особенно важно, антич- ных центров Северного Причерноморья в эпоху их станов ния и дальнейшего развития. В изучении истории государ Северного Причерноморья этой эпохи проделана уже нема работа. Однако еще не все памятники материальной культ ры мобилизованы для этой цели с достаточной полнотой. ним относятся и "финикийские" стеклянные сосуды, из ко рых опубликованы лишь отдельные экземпляры, но без спе циального исследования. Только в 1967 г. появилась стат А.И.Вощининой о "финикийских" алабастрах из Пантикапей ского некрополя[1]. Раннеантичные стеклянные сосуды из Средиземноморья изучены лучше. Им посвящена моногра-

1/ A.Y.Voščinina. Frühantike Glasgefäße in de Ermitage. Wissenschaftliche Zeitschrift de Universität Rostock. 16 Jahrgang, 1967, Hf. 7/8, стр.555 сл.

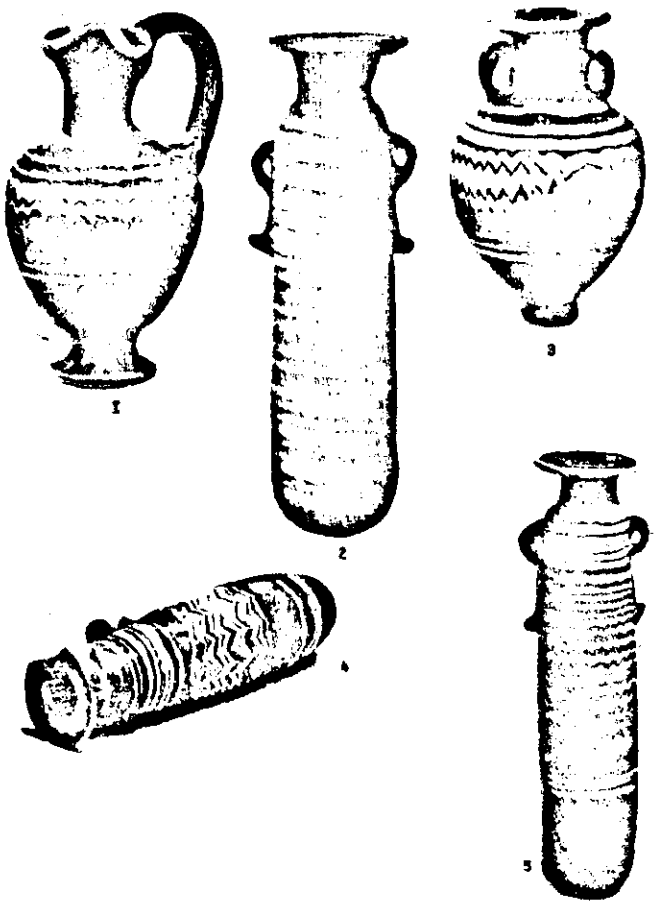


Рис.1. СТЕКЛЯННЫЕ СОСУДЫ У в. ДО Н.Э. ИЗ НЕКРОПОЛЯ КЕП
1 - могила 189; 2,3 - могила 29; 4 - могила 69; 5 - могила 140

фия П.Фоссинга[2], вышедшая в 1940 г., которая стимулировала дальнейшее изучение сосудов песочносердечникового стержня рядом зарубежных ученых[3]. Некоторые из них указывают на досадную лакуну в изучении раннеантичных стеклянных сосудов из Причерноморья, затрудняющую исследование этой группы памятников в целом. Безусловно назрела острая необходимость публикации и исследования "финикийских" сосудов юга нашей страны тем более, что их накопилось значительное количество.

В Северном Причерноморье "финикийские" сосуды открыты во многих некрополях, но основная масса их находок связана с Ольвией и Боспором. Богат находками этих сосудов и Таманский полуостров. Помимо некрополя Кеп они были найдены в могильниках Гермонассы[4], у м.Тузла, м.Панагия, Тирамбы[5].

2/ P.Fossing. Glass vessels before glass-blowi Copenhagen, 1940.

3/ M.Vanderhoeven. La verrerie moulee sur cor de sable dans collections belges. Annales 4e Congrès des "Journées internationales d Verre". Liège, 1969, стр.39 сл. B.Nolte und T.E.Haevernick. Ägyptische und griechische früh Glasgefäbe. Wissenschaftliche Zeitsch rift der Universität Rostock.16 Jahrg.,196 Hf.7/8, стр.491 сл.

4/ В.Ф.Гайдукевич. Некрополи некоторых боспорских горо дов. МИА, 69, 1959, стр.181, рис.55; В.В.Соколов. Кар древних поселений и могильников в районе станицы Там ской. Известия Таврической ученой комиссии, Симферо поль, 1919, № 56, могильник № 8.

5/ Н.П.Сорокина. Тузлинский некрополь. М, 1957, стр.20, табл.Ш; А.К.Коровина. Некрополь около м.Панагия. Ар логия и история Боспора, т.II, Симферополь, 1964, стр. рис.5; Она же. Тирамба. Городище и некрополь. Сообще ГМИИ, 1У, 1968, стр.69, рис.16, 3.

Коллекция "финикийских" сосудов из Кеп небольшая. В нее входят пять экземпляров, но,несмотря на это,она имеет некоторые преимущества перед коллекциями из других некрополей. Во-первых, она представлена почти всеми характерными формами сосудов "финикийского" стекла. Во-вторых, все кепские сосуды были найдены в могилах с инвентарем, который позволяет довольно точно определить время сосудов. Последнее особенно важно, поскольку датировка "финикийских" сосудов - одна из первоочередных задач в их изучении. Сосуды "финикийского" стекла, как в отечественной, так и зарубежной литературе часто датируются слишком широко - У1-1У вв. до н.э.[6]. Иногда ранние сосуды считаются даже эллинистическими[7]. Такая датировка сосудов для использования их в качестве исторического источника нас теперь удовлетворить не может тем более, что мы располагаем данными для определения более точной хронологии изучаемых памятников.

В некрополе Кеп "финикийские" сосуды были открыты в четырех могилах[8]. Сосуды представлены тремя алабастрами /рис.1, 2,4; 2, 1, 8; 3,2/ амфориском /рис.1,3; 3,1/, ойнохоей /рис.1,1; 3,Ю/.

Два алабастра /рис.1,4.5; 2,1,8/, ойнохоя /рис.1,1; 3,1О/ и амфориск /рис.1,3; 3,1/ сделаны из темно-синего стекла. Их украшают орнаменты из нитей желтого и голубо-

6/ Например, ,B.Filarska. Szkla starozythe. Warszawa, 1952, табл. I-IV, E.Spartz. Antike Gläser. Kassel, 1967, табл.2, 3 и т.д.

7/ В.В.Павлов, С.И.Ходжаш. Художественное ремесло древнего Египта. М, 1959, табл.65, стр. 182

8/ Могилы № 29 /1959 г./ 69, 140 /1961 г./ 189 /1962 г./. Все сосуды хранятся в ГИМ. Инв. № 96629, 97998,9817С.

го стекла, расположенных на этих сосудах и особенно на ойнохое и амфориске по одной схеме. В верхней и нижней части сосуды перевиты только желтыми прямыми нитями, в средней - волнистыми желтыми и голубыми. У всех сосудов одинаково по краю венчиков проложена нить желтого стекла. Алабастр из могилы 29 /рис.1,2; 3,2/ отличается от этой группы сосудов цветом и орнаментом. Он сделан из коричневого стекла и перевит от плечей до низа прямыми желтыми и голубыми нитями /рис.1,2; 3,2/. Такой орнамент на "финикийских" сосудах встречается довольно редко[9]. Мастера предпочитали украшать свои изделия более сложным узором, который представлен на вышеописанных экземплярах[10].

Цвет стекла алабастров, ойнохои и амфориска одинаков, но сохранность их разная. Алабастр из могилы 69 /рис.1,4; 2,1/ изъеден призацией, в то время как поверхность других сосудов гладкая и блестящая. Поскольку все сосуды происходят из одного некрополя и следовательно они находились в течение 2400 лет в одинаковых условиях, то разность их сохранности, видимо, связана с различным составом стекла[11], который неодинаково реагировал на действие почвы.

Техника изготовления "финикийских" сосудов изучалась многими учеными. В результате сложилось единое мнение, что в основе их производства лежит песочно-сердечниковый метод. Он заключался в следующем. Для изготовления полого сосуда делался из песчанисто-глинистой массы сердечник, насаженный на металлический стержень. Сердечник окунался в расплавленную стеклянную массу или овевался ею. Затем набранная на сердечник тем или иным способом стеклянная масса обкатывалась на гладкой доске с целью придания ей нужной формы сосуда. Существует еще

9/ P. Fossing. Указ. соч., стр.63

10/ Он же, стр.62

11/ К сожалению исследования состава стекла всех этих сосудов провести оказалось невозможным из-за их хорошей сохранности.

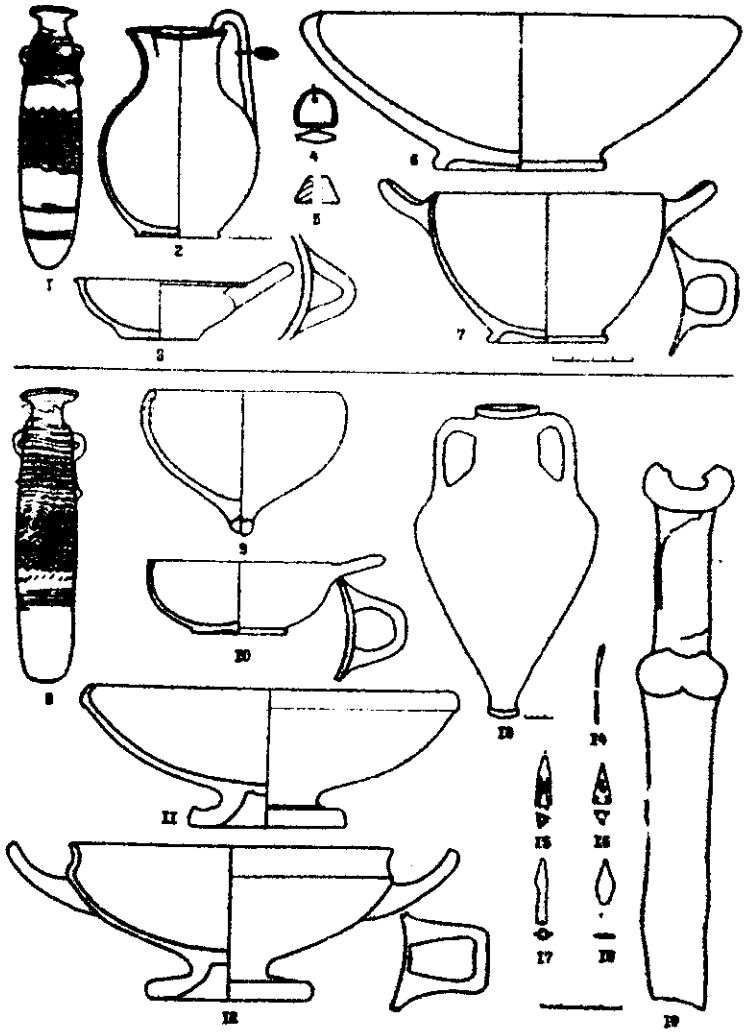


Рис.2. ИНВЕНТАРЬ ИЗ МОГИЛ НЕКРОПОЛЯ КЕП

1-7 - могила 69; 8-19 - могила 140

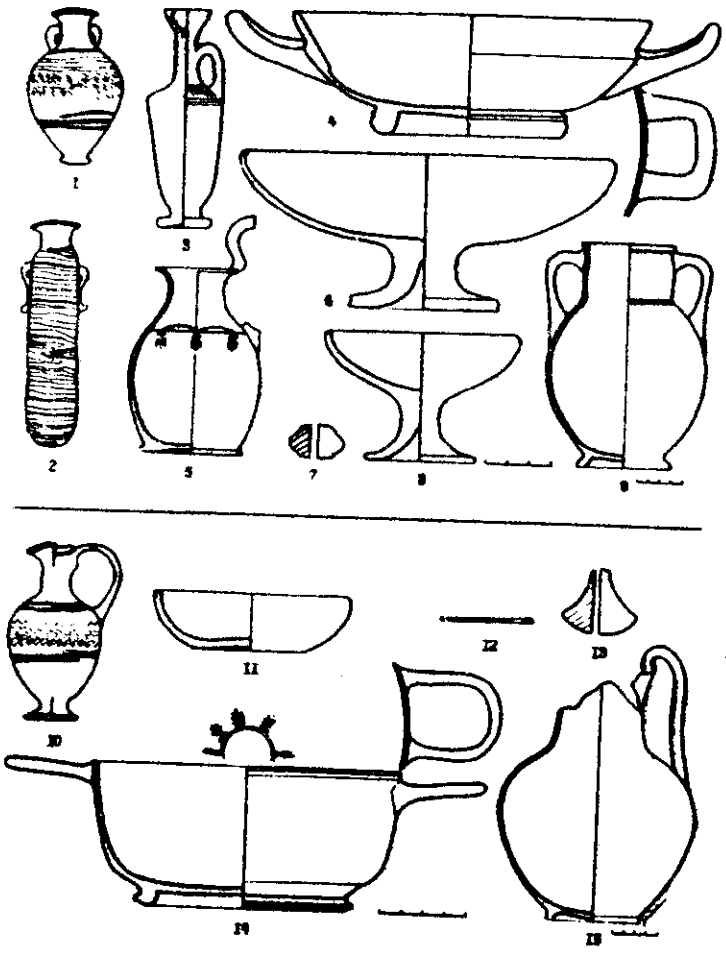


Рис.3. ИНВЕНТАРЬ ИЗ МОГИЛ НЕКРОПОЛЯ КЕП

1-9 - могила 29; 10-15 - могила 189

одно предположение, согласно которому для изготовления сосуда мог использоваться предварительно обожженный песочно-глинистый сердечник. Его раскаляли и обкатывали по измельченному до состояния порошка стеклу. Стеклянный порошок прилипал к нагретому сердечнику, обволакивал его и таким образом формовали сосуд. В настоящее время на основании проверки всех трех методов опытным путем отдается предпочтение методу навевания стеклянной массы на сердечник[12]. Изготовленный сосуд еще раз разогревался для орнаментации его разноцветными нитями стекла. После его остывания вынимался стержень, высыпался песок и сосуд был готов. Таким же путем были изготовлены все изучаемые сосуды, найденные в некрополе Кеп. Эта техника изготовления сосудов была создана еще мастерами Древнего Египта и она сохранялась во времена Римской империи, пока ее окончательно не вытеснил новый метод изготовления стеклянных изделий посредством выдувной трубки, изобретенной где-то во II-I вв. до н.э. Поэтому технические особенности кепских "финикийских" сосудов не могут быть использованы для их датировки. В этом решающее значение имеет анализ всего найденного вместе с ними в могилах инвентаря, состоящего из чернолаковой и простой посуды, амфоры, оружия, предметов ткацкого ремесла.

Чернолаковая посуда представлена двумя видами килик-ков, чашами на высоких ножках, амфорой. Килик из могилы 29 /рис.3,4/ находит многие аналогии у сосудов из некрополей Северного Причерноморья и Тамани в частности[13]. Их

12/ М.А.Безбородов. Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск, 1969, стр. 128, сл.

13/ В.Ф.Гайдукевич. Указ.соч.. Некрополь Гермонассы, могила 3-килик второй четверти У в. /стр.171, рис.30,3/, могила 8-килик около середины У в. /стр.173, рис.41/; Л.Ф.Сидантьева. Некрополь Нимфея. МИА, 69, 1959, гробница 18, 1876 г., Килик середины У в; Она же. Два килика из некрополя Нимфея Тр.ГЭ, II, М.-Л., 1958, стр.67,

датировка временем не позднее середины У в. до н.э. базируется на аналогиях со средиземноморским материалом.

Килик на высокой ножке из могилы 140 /рис.2,12/ аналогичен сосудам конца У1 – начала У в. из Ольвии[14], Гермонассы[15]. В могиле 140 /рис.2, 11/, 29 /рис.3,6/ имелись чернолаковые чаши на высокой ножке, которые были распространены в первой половине У в.[16].

Скифос /рис.2,7/ тяжелых пропорций, с массивными ручками из могилы 69 может быть отнесен ко второй четверти У в.

Два чернолаковых сосуда украшены простейшим штампованным орнаментом в виде пальмет. Один - котила из могилы 189 /рис.3, 14/, второй - кувшинчик из могилы 29 /рис. 3,5/. Штампованный орнамент на чернолаковых сосудах появляется около середины У в.[17]. В Северном Причерноморье известны отдельные чернолаковые котилы со штампованным орнаментом этого времени[18]. Но наиболее типичен прием

сл; табл.1, Б,В - Килики первой половины - середины У в.; И.Б.Брашинский, А.Д.Демченко. Исследования Елисаветовского могильника. КС ИА, 116, 1969, рис.44, 2 : килик из кургана 15 второй четверти У в.

14/ Е.И.Леви. Материалы Ольвийского теменоса. Ольвия, М., Л., 1964, стр.137, рис.4,4; стр. 141, рис.8,2. Килик конца У1 - начала У в.

15/ В.Ф.Гайдукевич. Указ. соч., могила 14, стр.174, рис.43,1. Килик начала У в.

16/ В.Ф.Гайдукевич. Указ.соч., мог.14, стр.174, рис.43, 2. Чаша начала У в. до н.э; Е.И.Леви. Указ.соч., стр.157, рис. 26, 2. Чаша из ямы 15 с материалом конца У1 - начала У в.; Н.А.Онайко. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в УII-У вв. до н.э. САИ, Д1-27, М., 1966, № 162, табл.1Х, 4; № 163, табл.1Х, 5 - чаши начала и первой половины У в.

17/ Л.Ф.Силантьева. Указ. соч., стр.72 сл.

18/ Е.И.Леви. Указ.соч., стр.163, Яма № 50 с материалом У в. рис.36, 1.

штамповки сосудов становится в третьей четверти У в. Этот орнамент в сочетании с формой котилы из могилы 189, которая находит целый ряд аналогий у сосудов из могильников Тамани[19] и Нимфея[20], позволяет отнести ее к третьей четверти У в. Таким же простейшим штампованным орнаментом из пальметт украшен кувшинчик из могилы 29. Но судя по находившейся с ним другой чернолаковой посуде, относящейся ко времени не позднее середины У в., кувшинчик следует датировать не третьей четвертью У в., а временем ближе к середине века.

Лекиф из погребения 29 /рис.3,3/ может быть отнесен ко второй четверти У в.[21].

Простая керамика из этих же могил представлена глубокими красноглиняными мисками /рис.2,6/, одноручными чашечками /рис.2,3,10/, ойнохоями /рис.2,2; 3,15/. Эти сосуды датируются по сравнению с чернолаковой керамикой не столь точно. Но тем не менее их формы достаточно типичны для набора инвентаря могил рубежа У1-У вв. Все эти сосуды имелись почти в каждой могиле раннего времени Кепского некрополя, а также Гермонассы, Тузлы, некрополя у м.Панагии[22]. Амфора из могилы 140 /рис.2,13/ относится

19/ В.Ф.Гайдукевич. Указ.соч., стр.159 сл. Могила 13, рис. 7,4. Котила третьей четверти У в.

20/ Л.Ф.Силантьева. Некрополь Нимфея. МИА, 69, 1959, стр. 77, рис.41, 42. Котила из кургана 17 последней четверти У в.

21/ А.А.Передольская. Терракоты из кургана Большая Близница и гомеровский гимн Деметре. Труды Гос.Эрмитажа, т.УП, 3, М.Л, 1962, стр.52, рис.4.

22/ Н.И.Сокольский,Н.П.Сорокина. Раскопки г.Кепы и его некрополя. Ежегодник ГИМ за 1964 г. М, 1966, стр.33; В.Ф. Гайдукевич. Указ.соч., стр.154 сл.; Н.П.Сорокина. Тузлинский некрополь, 1957, стр.20, сл.рис.11; А.К.Коровина. Некрополь около м.Панагии. Археология и История Боспора, т.II, Симферополь, 1962, стр. 306; Она же. Тирамба. Городище и некрополь. Сообщения ГМИИ, 1У, 1968, стр.71, рис.18.

к хорошо известному типу протофазосских амфор, которые получили распространение в Северном Причерноморье в конце У1-У вв. до н.э.[23]. Особенно их много открыто в некрополе Кеп, где они использовались для детских захоронений и их часто ставили в могилы взрослых[24]. Экземпляры из этих могил могут быть датированы совместными находками от рубежа У1-У вв. до середины У в. В могилах конца У в. они в некрополе Кеп уже не встречались.

Орудия домашнего ткачества представлены пряслицами /рис.2,5; 3,7,13/, форма которых довольно стабильна для длительного времени. Из них выделяется только чернолаковое пряслице из могилы 189 /рис.3,13/, находящее прямую аналогию у афинских пряслиц позднего У в.[25].

В могиле 140 вместе со стеклянным алабастром находилось оружие - меч /рис.2,19/, два бронзовых и два железных двулопастных наконечника стрел /рис.2,15-18/. Меч снабжен бабочковидным перекрестием и антенным навершием. Такие мечи были в У1-У вв. на вооружении у скифов[26], а также они засвидетельствованы в погребениях конца У1 в. Елисаветовского могильника и некрополя Гермонассы[27].

23/ И.Б.Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, 83, 1960, стр.79

24/ Н.И.Сокольский, Н.П.Сорокина. Указ.соч., стр.33. Могилы 63, 106, 108, 154, 155, 282, 374.

25/ P.E.Corbet. Attic pottery of the late fifth century from the Athenian Agora. Hesperia. vol. XYIII, N° 4, 1949, pl.101, 129, 130.

26/ А.М.Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, Д 1-4, М, 1964, стр.54 сл. табл.20, 1, 2,5,12.

27/ И.Б.Брашинский, А.Д.Демченко. Указ.соч., стр.114, курган 15, рис.44,4; В.Ф.Гайдукевич. Указ.соч., стр.179-181. Могила 1, стр.158, могила 5, стр.186.

Считается, что железные двулопастные стрелы у скифов, у обитателей Подонья и Прикубанья получают распространение в конце У в.[28]. Однако данные Гермонасского могильника[29], у которого много общего в подборе инвентаря с кепским, позволяют удревнить эту дату до конца У1 в. Поэтому тип меча, стрел не противоречит времени найденной в той же могиле керамики.

Анализ инвентаря погребений позволяет датировать каждую из могил следующим временем: могилы 69, 140 - началом - второй четвертью У в. Могилы 29, 189 - серединой - третьей четвертью У в.[30]. Следовательно, алабастры, амфориск, ойнохоя из этих могил имеют соответствующую хронологию. Алабастры из Кеп несколько отличаются по форме. Алабастры начала У в. /рис.1,4,5; 2,1,8/ не имеют такого строго цилиндрического очертания, которым отличается алабастр второй половины У в. /рис.3,2/. Это подтверждает правильность наблюдения над эволюцией форм стеклянных алабастров, сделанного А.И.Вощининой. Другие "финикийские" сосуды в некрополе Кеп представлены по одному экземпляру, поэтому пока мы не имеем возможности проследить хронологическую изменяемость их формы. Обращает на себя внимание тот факт, что "финикийские" сосуды не только из Кеп, но и других мест Таманского полуострова представлены преимущественно алабастрами, амфорисками и ойнохаями, сделанными из синего стекла с однотипным желто-голубым орнаментом. Они близки, кроме того, по формам, размерам. Все это производит впечатление, что они изготовле-

28/ А.И.Мелюкова. Указ.соч., стр.25

29/ В.Ф.Гайдукевич. Указ.соч., стр.158, 179-181.

30/ Чернолаковые сосуды из могилы 29 разновременны. Киликс, чаши на ножке, амфора, пекиф относятся к первой половине У в. Но датирует могилу в целом кувшинчик со штампованными пальметками времени не ранее 440-430 гг. Поэтому амфориск и алабастр из этой могилы должны быть датированы периодом от первой половины до 40-30 гг. У в.

ны в едином центре. Теперь исследователи "финикийских" сосудов все больше склоняются к мнению, что эти сосуды производились, если не во многих, то нескольких центрах Средиземноморья[31]. В частности, нам представляется весьма плодотворной гипотеза П.Фоссинга об существовании таких мастерских в Афинах[32]. Действительно начало распространения "финикийских" сосудов в Северном Причерноморье совпадает с началом вытеснения и последующим доминированием на Боспорских рынках аттического импорта над ионийским[33]. В частности в могилах Кепского некрополя "финикийские" сосуды тоже найдены исключительно с аттической чернолаковой посудой. Однако относить все "финикийские" сосуды Северного Причерноморья только к аттическому импорту было бы неверно. Дальнейшее изучение "финикийских" сосудов из Ольвии, Боспора, выделение их типов по форме, орнаменту, цвету и сопоставление их с аналогичными сосудами Средиземноморья, надо думать, дадут возможность распределить их по центрам производства на восточногреческие, египетские, аттические и другие. Это в свою очередь существенно дополнит сведения о направлениях торговых связей античных государств Северного Причерноморья конца У1-У вв. до н.э.

31/ P.Fossing. Указ.соч., стр.75 сл.; a Th.E.Haevernick. Beiträge zur Geschichte des antiken Glases. Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseum. Mainz, 7 Jahrgang, 1960, стр.56 сл.

32/ А.И.Боцинина /Указ.соч., стр.559/ склонна больше относить "финикийские" сосуды исключительно к восточногреческому импорту. Возможность существования стеклянных мастерских в Афинах У1-У вв. до н.э. она ставит под сомнение в связи с отсутствием находок там остатков стеклянного производства. Однако, это ремесло там засвидетельствовано для У в. В частности, оно имело место при мастерской Фидия в Олимпии /R.W.Smith. Glass from the ancient world. New York, 1957, стр.18/

33/ В.Д.Блаватский. История античной росписной керамики. М 1953, стр.260, сл.

Н.В.ПЯТЫШЕВА

МАТЕРИАЛ СКЛЕПА № 1012 И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИСТОРИИ ХЕРСОНЕСА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Раскопки К.К.Косцюшко-Валюжинича в Херсонесе с 1888 по 1907 гг. дали такую массу материала, которая представляет до сих пор и еще долго будет представлять обильную "пищу" для многих поколений исследователей[1].

Открытия 1899 г., когда был обнаружен и склеп № 1012, произвели сенсацию не только в России, но и в Европе удивительным сочетанием памятников: монументальные крепостные стены с башнями, воротами, склепами, и высокохудожественные, тончайшей работы ювелирные изделия, соперничающие с лучшими мировыми образцами древнегреческого ювелирного искусства[2].

Не касаясь описания открытия склепа, образно изложенного в Отчете самого К.К.Косцюшко-Валюжинича[3], остановлюсь лишь на са-

---

1/ Ежегодные отчеты К.К.Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе, печатавшиеся в Отчетах Археологической Комиссии, начиная с 1888 г. по 1907 г. включительно, и в Известиях Археологической Комиссии с 1-ого выпуска по 42-ой.

2/ ИАК. в.1. СПб. 1901, стр. 3–6. Minns. Scythians and Greeks. Cambr. 1913 стр. 380, 397–399, 402, 410 прим. 1., 499, план УП.
К.Э.Гриневич. Стены Херсонеса Таврического. (Подстенный склеп № 1012 и ворота Херсонеса). Вып.1, Севастополь, 1926. Стр. 14–40, рис. 6–22. A.Manzewitsch. Ein grabfund aus Chersonnes L.1932, t.1-1V, стр. 7–14

3/ К.К.Косцюшко-Валюжинич. Извлечение о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 г. ИАК, вып. 1, СПб. 1901, стр. 3–5, рис. 4.

мых необходимых данных. В расстоянии 3,9 м.от пролета ворот была обнаружена отвесно приставленная к стене толстая плита, низ которой был спущен в вырубленное в скале углубление. За плитой оказался вход под оборонительную стену 0,75 м.выс., 0,53 м.шир., 1,42 м.дл., который вел в собственно склеп в виде узкого коридора в 7,55 м.дл., 0,52 м.шир., 0,89 м.высоты, вытянутого под стеной по ее длине. Склеп не доходит до пролета ворот лишь на 0,80 м[4].

Судя по конструкции склепа, исследователь пришел к выводу, что "не подлежит ни малейшему сомнению, что склеп построен одновременно со стеной и воротами" [5]. Рис. 1а.

После удаления плиты К.К.Косцюшко-Валюжинич описывал погребения по мере того, как он подходил к каждому. Отсюда и его нумерация погребений. Он начал с описания первого у входа в склеп у самой плиты затвора, то-есть с последнего по времени погребения в склепе[6]. Затем Косцюшко описывает погребения в урнах сначала в левой, потом в правой стороне коридора. Рис. 1б. Первая урна от угла входа налево получает № 1, за ней идут урны №№ 2, 3, 4 (в самом конце левой части коридора). Первая урна от угла входа направо так же получает № 1, следующая за ней – № 2[7].

К.Э. Гриневич предлагает другую топографическую нумерацию. Начиная с левого конца склепа до конца правого, идут под ряд №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6. Сожженный прах без урны при входе получает № 7. Рис. 1в. Что касается хронологической последовательности, то К.Э.Гриневич считал,

4/ В настоящее время Государственный Херсонесский музей готовит новые обмеры и чертежи склепа.
5/ ИАК. в. 1, стр. 6, рис. 1–4.
6/ Это погребение не получило у автора специального номера.
7/ ИАК. в. 1, стр. 5–9, рис. 4.

что урны ставились в следующем порядке: 1-ая слева, 6-ая справа, 2-ая слева, 5-ая справа, затем подряд 3–ья и 4-ая слева и последнее, самое позднее, погребение при входе – № 7[8].

По предлагаемой мной нумерации урны располагались в следующем порядке: начиная от левого конца коридора – №№ 1, 2, 3, 4. Затем от правого конца – №№ 5 и 6. Рис. 1г. Подобное размещение продиктовано следующими обстоятельствами: – все шесть урн стоят как бы по-парно. Расстояние между парами вдвое больше, чем расстояние внутри каждой пары. Не смотря на то, что в левой стороне склепа оставалось еще достаточно места, следующее, 5-ое по нашему счету погребение в урне, было совершено в правой части склепа у самой его торцовой стенки. Перед ним, ближе к углу входа, стоит урна № 6[9].

Такое размещение позволяет предполагать, что дальнейшее заполнение урнами должно было бы происходить именно в правой части. Его нарушает погребение № 7 при входе, что, несомненно, было вызвано какими-то особыми обстоятельствами. Но в основном предполагаемая расстановка может распространяться и на хронологическую последовательность погребений : самое раннее – урна № 1, позднее – урна № 6 и самое позднее – оно и последнее, – погребение № 7 при входе [10].

Из шести находившихся в склепе урн три глиняные (№№ 2, 3, 4) и три бронзовые (№№ 1, 5, 6). Из глиняных одна была с 2–мя ручками (№2) и две гидрии (№№ 3, 4). В распавшейся от сырости бронзовой гидрии № 1 оказались только жженые кости, так же, как и в глиняной урне № 2[11]. Между этими двумя урнами лежали: "Светлоглиняная чашечка 0,055 м.выс., одноручная, грубого исполнения, весьма обычного типа и глиняная со следами розовой краски статуэтка, изображающая крылатого

8/ К.Э. Гриневич, Ук. соч., стр. 12
9/ ИАК. в.1, стр. 6, 7, рис. 4 и рис. 1а нашей статьи.
10/ Здесь и в дальнейшем цифровое обозначение погребений в склепе пойдет по моей нумерации.
11/ Части бронзовой гидрии изданы у А.Манцевич. Ук. соч., стр. 14, т.IУ, рис. 3, 4, 6, 8.

гения в фригийской шапке с крыльями, доходящими до земли 12/. К сожалению, чашечка не сохранилась, нет ни ее фотографии ни рисунка. Но, описывая материал из раскопок некрополя в 1903 г., К.К.Косцюшко-Валюжинич сообщает, что найденные в гробницах №№ 1492 и 1494 одноручные лепные чашечки грубой работы, такие же, как в склепе № 1012, "являются необходимою принадлежностью каждой гробницы, богатой и бедной" 13/, и что они подобны находимым в скифских погребениях 14/. Следовательно – чашечки были лепные.

Что касается статуэтки, то она заслуживает специального исследования, и касаться ее сейчас мы не будем.

По месту расположения в склепе и чашечка и статуэтка относились к первой паре урн. За ней располагалась вторая пара – урны № 3 и № 4. Урна № 3 – глиняная гидрия с тремя ручками, о которой, как и об урне № 2 (с 2-мя ручками), К.К.Косцюшко-Валюжинич сообщает, что они местной работы, но античной формы. Ни та , ни другая до нас не дошли, и нигде нет их изображений, так как, по-видимому, эти урны считались слишком рядовым материалом 15/.

12/ ИАК. в.1, Стр. 7, рис. 5.

13/ К.К.Косцюшко-Валюжинич. Раскопки в Херсонесе Таврическом в 1903. (с южной стороны загородного крестообразного храма) ИАК. в.16 СПб. 1905 г., стр. 95–97. В упомянутых могилах среди погребального инвентаря был золотой перстень с именем "Агофоклея", золотое ожерелье, флакон из разноцветного стекла в виде рыбы, медальон – серебряная римская императорская монета в золотой оправе. Там же – разбитая греческая остродонная амфора и куски древесного угля.

14/ Автор не указывает, что имеется ввиду.

15/ ИАК, в. 1, стр. 5–7. К.Э.Гриневич в ук. работе описывает гидрию как "прекрасную, пропорциональной формы", но нигде не ссылается на изображение. Стр. 13. Как на возможную аналогию этой урне можно указать на гидрию из раскопок 1891 г., хранящуюся в Гос. Историческом музее, инв. № 26945. ОАК за 1891, СПб. 1893, стр. 246, рис. 17.

В урне № 3 среди жженых костей и пепла оказался золотой массивный перстень, на овальном плоском щитке которого вырезаны вглубь лук и сучковатая палица, как на монетах боспорского царя Левкона II. Перстень служил печатью. Эта эмблема характерна только для монет Левкона II, то-есть для третьей четверти IIIв.до н.э. 16/. Перстень с такой эмблемой свидетельствовал если не о зависимости, то уж во всяком случае о расположении его владельца к боспорскому правителю. Судя по потертости внутренней стороны щитка и краев шинки – владелец, а вернее – владельцы (перстень переходил от отца к сыну), носили его долго, и прошло не одно десятилетие, прежде, чем он попал с прахом одного из них в могилу, то-есть – в склеп. Рис. 2(1). Вполне возможно, что это произошло в первой половине или в середине II в. до н.э. и абсолютно исключается датировка К.Э.Гриневича, относившего эмблему к монетам Левкона 1, а время жизни владельца перстня к 350 г. до н.э. 17/.

В паре к гидрии № 3 стояла урна № 4. Эта гидрия до сих пор не получила должного освещения в литературе и заслуживает специальной публикации. Поэтому касаться ее мы здесь не будем.

Драгоценности, содержащиеся в чернолаковой урне № 4, особенно золотое ожерелье с узлом Геракла и сиреной, подверглись скрупулезному исследованию К.Э. Гриневича, но из предложенных им дат – середина IУ или начала III в. до н.э., вторая более соответствует приведенному им же стилистически-художественному анализу. 18/ Что касается золотых серег

16/ В.Ф.Гайдукевич. Боспорское царство. Л. 1949, стр. 583, т.II, 30. Д.Б. Шелов. Монетное дело Боспора У1–11 в. до н.э. М.1956, т.У!,76.

17/ К.Э,Гриневич. Ук.соч., стр. 14. Автор пренебрег тем фактом, что монеты с этой эмблемой относятся к Левкону II потому, что время их не согласуется с его датой – 1У в. до н.э.

18/ К.Э.Гриневич. Ук. соч., стр. 21.

в виде жгута с львиными головками, то вопреки датировке К.Э.Гриневича, отнесшего их к 300 г. до н.э.[19], – они вообще не старше II в. до н.э., как о том свидетельствует многочисленный материал некрополей не только херсонесского, но и других городов Северного Причерноморья[20]. Золотой перстень с овальным щитком из урны № 4 так же не находит аналогии среди херсонесской ювелирии того же времени, т.е. II в. до н.э.[21].

Самой замечательной драгоценностью в этой урне, кроме оскорелья, оказался золотой перстень с вырезанной на щитке эмблемой монет Лисимаха, – сидящая Афина с Никой в протянутой правой руке [22].

Статеры Лисимаха появились на Боспоре в первой половине III в. до н.э., но большинство монет принадлежит к более поздним выпускам, начиная со второй половины III в. до н.э. до Митридатовской эпохи и Митридатовской эпохе [23].

19/ К.Э.Гриневич. Ук. соч., стр. 23.

20/ Н.В.Пятышева. Ювелирные изделия Херсонеса IУ в. до н.э. – IУ в. н.э. М. 1956 г., табл. УШ, 3. Этого же типа серьги найдены в могиле II–I вв. до н.э., открытой С.Ф.Стржелецким в 1958 г. близ башни Зенона под протейхизмой . Не изданы.

21/ Н.В. Пятышева. Ук. соч., стр. 42, табл. УШ, 15. Необходимо указать, что аналогичные перстни найдены в погребениях II–I вв. н.э., но этот факт легко объясним продолжительностью бытования их в отдельных семьях, прежде, чем попасть в могилу с одним из членов этих семей. Перстень из урны № 4 издан в ук.работе A.M. Manzewitsch, стр. 10, табл. 1, рис. 8.

22/ ИАК. в.1, стр. 6. К.Э. Гриневив. Ук. соч., стр. 21, 22, рис. 10 и 12. A.Manzewitsch Ук.соч., стр.8, табл. 1, р.3.

23/ А.Н.Зограф. Статеры Александра Македонского и Лисимаха в керченских и таманских находках. Бюллетень Керченской конференции археологов СССР, № 3. Керчь, 1926. В.Ф.Гайдукевич. Ук. соч., стр. 499, 565, 588, табл. II, рис. 31, 32, 33, 34. Д.Б.Шелов. Монетное дело Боспора У1–II вв. до н.э. М. 1956. стр. 196, табл. 1Х, рис. 104, 105.

К.Э.Гриневич отнес перстень к ранним монетным выпускам и высказал предположение, что обладательница перстня с эмблемой фракийского властителя была родом фракиянка [24]. Мнение это мне представляется вполне вероятным. Перстень является бесспорным доказательством связи погребенной с фракийскими династами. Судя по размеру – перстень женский. Он переходил как семейная реликвия из поколения в поколение, свидетельствуя о генетической связи своих родоначальников с Фракией, пока, наконец, был положен в урну с его последней обладательницей.

Урна № 5 (с правой стороны склепа у торцовой стенки) – бронзовая гидрия, так же распавшаяся от сырости, как и гидрия № 1 [25]. Так же, как и в той, кроме жженых костей в ней ничего не оказалось.

Урна № 6. Распавшаяся от сырости бронзовая гидрия. Сохранилась верхняя часть горла с венчиком, украшенным овами, бусинником и греческой надписью из наколотых букв: ἆθλον ἐξ Ἀνακίων то-есть, "(приз) с праздника Анакий". (Святилище Диоскуров близ Афин, где происходили состязания агонов)[26]. Великолепные произведения греческого ювелирного искусства, заключавшиеся в этой урне, полностью затмили найденные в ней же "малоценные украшения". Они упоминались при общем описании, но специального интереса не вызывали и, по существу, остались незамеченными[27]. О них в основном и пойдет

24/ К.Э.Гриневич. Ук.соч., стр. 22.

25/ К.К.Косцюшко-Валюжинич. ИАК. в.1, стр. 9. Венчик, украшенный по краю овами и бусинником, с горлом и частью туловища, хранится в Госуд. Херсонесском музее. Не издан.

26/ ИАК. в.1, стр. 7, 8. рис. 6, 7, К.Э. Гриневич. Ук.соч., стр. 23, рис. 14, 15.

27/ К.К.Косцюшко-Валюжинич. ИАК. в.1, стр. 9. Изображения их изданы у К.Э.Гриневича, ук. соч., рис. 17 (на общем снимке) и у А.Манцевич, ук.соч., табл. 1, рис. 4, 5, 6.

речь, но перед этим придется сказать несколько слов и о шедеврах.

Самое большое внимание привлекли два золотые ожерелья и серьги-подвески. Им , так же как и ожерелью из урны № 4, К.Э.Гриневич посвятил специальный художественно-стилистический разбор 28/.

Автор считает центром их изготовления Ионию, а время – вторая половина 1У в. до н.э. 29/. Для К.Э.Гриневича хронологическое определение материала склепа № 1012 являлось "датировочным термином нижнего яруса стен Херсонеса 30/. Отсюда и его очевидная тенденциозность к удревнению этого материала. Даже наблюдение первооткрывателя склепа, что ожерелье с копьевидными подвесками имеет следы длительного ношения 31/, не принято им во внимание, так как это заставило бы считать, что между изготовлением украшений и попаданием их в склеп прошло немало времени. Следовательно, они не могли бы служить таким "термином".

А.П.Манцевич, на мой взгляд, справедливо относит их к рубежу 1У–Ш вв. до н.э. 32/. Что касается определения К.Э.Гриневичем серег из урны № 5 и ожерелья с сиреной из урны № 4, как специально погребального инвентаря 33/, то с этим решительно нельзя согласиться. Одна только скрупулезная тщательность работы исключает такое предположение. Кроме того, нигде в эту эпоху , ни в Аттике, ни в Ионии, греки не делали таких роскошных вещей для умерших, как бы знатны и богаты они не были. О смысловом назначении этих украшений скажу ниже. Что касается перстня с горельефной головой Афродиты из урны № 6, то

28/ К.Э.Гриневич. Ук. соч., стр.24–35, рис. 16–23
29/ К.Э.Гриневич. Ук. соч., стр. 26, 35.
30/ К.Э.Гриневич. Ук. соч., стр. 10
31/ К.К.Косцюшко-Валюжинич. ИАК. в.1 , стр.8. Следы длительного ношения имели и перстни из урн №№ 3 и 4, что уже отмечено нами.
32/ A.Manzevitsch. Ук.соч., стр. 14, табл.1, II, рис.1, 1, 7.
33/ К.Э.Гриневич. Ук. соч., стр. 35.

размеры настоящей статьи не позволяют включить его специальное исследование, которое он заслуживает по своей уникальности и которое приходится по этой причине отложить.

Особо важными по своему смысловому значению являются для нас золотые бляшки из урны № 6. Начнем с двух бляшек размером 33х27 мм с изображением "уродливой женщины лицом к зрителю, между двумя морскими чудовищами" 34/. Рис. 2 (2).

Это изображение так называемого "змееногого " божества, с головой и туловищем женщины, которое большинством исследователей признается за изображение скифской змееногой богини, о которой повествуют Геродот и Диодор Сицилийский 35/. Культ змеи – древнейший культ местных племен, населявших Придунавье и Приднепровье в Северо-Западном и Северном Причерноморье задолго до прихода сюда скифов, у которых такого культа не было. Культ змеи был у фракийских и дакийских племен, о чем свидетельствует множество археологических и эпиграфических памятников, начиная с эпохи раннего эллинизма до конца античности 36/. Там змееногая богиня отождествлялась с Матерью богов 37/.

Лучшей и наиболее ранней иконографией этого божества в Северном Причерноморье является конский налобник из Цимбалки 38/. Рис. 2 (3). Затем бляшки из кургана Куль-Оба близ Керчи. Рис. 2(4).

34/ К.К.Косцюшко-Валюжинич. ИАК. в.1, стр. 8.
35/ На разборе вариантов легенды подробно останавливаются В.П. Петров и М.Л.Макаревич в статье "Скифская генеалогическая легенда" СА, 1963, № 1. Приводится литература вопроса.
36/ D.Robinson. Excavations at Olynthus. Part. 1-Y11, 1930-1933.
Валерий Флакк. "Аргонавтики", У1, 46–50. В.В.Латышев. Греческие и римские писатели о Скифии и Боспоре. Т.II,СПб.1904, стр.207,208.
37/ Б.Н.Граков. Материалы по истории Скифии. ВДИ, 1939, № 3, стр.255.
38/ Р.Д.СПб. 1889, т.II, стр. 115, рис. 99.

На этих бляшках техникой рельефного штампа изображено фантастическое существо с женским туловищем, одетым в широкий подпоясанный хитон. Складки хитона, идущие вниз от пояса, трактованы в виде двух пар змееподобных шей, заканчивающихся головами грифонов, загнутых вверх. У нижней пары голов имеется длинный зубчатый гребень. Шея и грудь верхней пары покрыта резным орнаментом, имитирующим перья или змеиную чешую. От плечей фигуры идут, подражая загнутым в архаической манере крыльям, такие же длинные, изогнутые шеи с зубчатыми гребнями, заканчивающимися головами рогатых львов, направленных к голове женщины. Ее овальное лицо очень красиво в обрамлении гладкой прически с прямым пробором. На голове стефана. Руки женщины согнуты в локтях и подняты вверх. В правой руке у нее нож, острие которого направлено к шее верхнего львиноголового грифона. В левой она держит маску или голову так называемого Пана [39]. Пара бляшек из урны № 6 – упрощенно-варваризированная копия бляшек из Куль-Обы. Но несомненно, что изображена на них одна и та же богиня со всеми присущими именно ей аксессуарами, так же с кинжалом в правой и маской в левой руке.

Иконография этой богини не имеет ничего общего с известной нам иконографией херсонесской Девы, или с скифской богиней, изображенной на головном уборе жрицы из кургана Карагадеуашх [40]. Наша бляшка близка к иконографии фракийского божества, известного по мозаикам Олинфа У–1У вв. до н.э.

В Афины уже в У в. до н.э. проникли культы различных фракийских божеств, что обусловлено было тесной связью с Фракией как на

39/ По поводу различных мнений об этой голове см. ук.ст.Петрове и Макаревича, стр. 26.

40/ М.И.Артамонов. Антропоморфные божества в религии скифов. Археологич. сб. 2, изд. Эрмитаж, Л. 1961, стр. 68, рис.3.

политической, так и на экономической почве [41]. Культ фракийской богини, слившись с местным культом женского божества, был широко распространен в Малой Азии. Это была Великая богиня земли, воды, всего животного и растительного мира, которую Юлиан на заре восходящего христианства описывал как богиню жизни, рождения и смерти. С.А.Жебелев предположил, что Великая богиня была знакома Херсонесцам еще на их родине в Гераклее, по соседству с которой жило фракийское племя мариандинов [42].

Бляшки из склепа № 1012 с изображением этого божества блестяще подтверждают мысль, высказанную покойным академиком.

Теперь перейдем к пяти трапециевидным нашивным бляшкам с изображением бородатой головы, находившимся в той же урне (№ 6). Если находившиеся там же бляшки с изображением богини лишь схематично передают эту голову, то бляшки с изображением головы почти точно копируют голову, которую держит богиня на бляшке из кургана Куль-Оба. Рис. 2 (5).

Большинство исследователей, называя изображение головой Пана или сатира, понимают условность такого названия и правильно считают ее изображением какого-то особого божества, связанного с Великой богиней [43]. М.И.Ростовцев высказал мнение о происхождении этого неизвестного нам божества из Фракии, откуда культ его приходит в Северное Причерноморье [44]. Д.Б.Шелов, оспаривая эту мысль, считает, что изображения подобных голов связываются с местными автохтонными

41/ O.Kern. Die Religion Griechen. II. Berl. 1935, стр. 236 сл.

42/ С.А.Жебелев. Херсонесская присяга. Сб. „Причерноморье". Л. 1953, стр. 241.

43/ Д.Б.Шелов. К вопросу о взаимоотношениях греческих и местных культов в Северном Причерноморье. КСИИМК, в.34, М-Л.1950, стр. 64.

44/ М.И.Ростовцев. Скифия и Боспор. Л. 1925., стр. 446.

культами, происхождение и распространение которых еще недостаточно выяснено [45]. Однако, собственно варварских изображений этих голов мы в Северном Причерноморье не знаем, что было бы странным, если бы они действительно связывались с каким-то местным божеством. В то же время во Фракии божества в виде сатиров, панов, сильванов, составляли окружение того главного местного божества, которое греки отождествляли то с Дионисом, то с Сабазием, но сами по себе играли второстепенную подчиненную роль в культе этого главного божества. Изображения их в точности передают знакомый нам тип. Поэтому М.И.Ростовцев прав, считая родиной таких изображений Фракию и выводя их из нее в Северное Причерноморье. Может быть, он так же прав, видя в них самого Диониса, а не только представителей его фиаса [46].

В Херсонесе та же голова воспроизведена в терракотте на ручке местного чернолакового с графитовым блеском сосуда, на обломке светильника конца II—I вв до н.э. [47]. Ту же голову изображают рельефные клейма на местной посуде из Фанагории IУ в. до н.э. [48], на донышке глиняной чашки, найденной в одной из поздне-эллинистических могил Ольвийском некрополе [49].

Тип бляшек с изображением бородатой головы из склепа 1012 одинаков с типом подобных же бляшек из Куль-Обы и Б. Близницы [50].

45/ Д.Б.Шелов. Ук. соч., стр. 64 сл.

46/ M. Rostovtzeff. Iranians and Greeks in South Russia Oxford, 1922, стр. 80.

47/ ИАК, в.1, стр. 32, рис. 26, стр. 33, рис. 28.

48/ М.М.Кобылина. Сб. "Фанагория", М. 1956, стр. 45, рис. 13(1). Н.Л.Сорокина. Тузлинский некрополь. М. 1957, стр. 34, табл. 10, рис.1.

49/ Б.В.Фармаковский. Раскопки в Ольвии. ОАК за 1896, СПб. 1898, могила № 41, стр. 211, рис. 60 4.

50/ Д.Б.Шелов. Ук. соч., стр. 64, рис. 18 (3, 4).

Такие же бляшки происходят из могилы II—I вв. до н.э. в Керчи [51]. В "Семибратних курганах" среди массы золотых бляшек, покрывавших одежду воина, были такие же бляшки; в тех же курганах нашлась серебряная чаша с рельефными изображениями подобных голов. Культовый смысл чаши не вызывает сомнения [52]. Бляшки с изображением бородатой головы (27 шт.) оказались в ограбленном скифском погребении у с.Вашмачки [53].

Все приведенные примеры свидетельствуют о большом апотропеическом значении, которое придавалось изображению этой головы в погребальном культе, но родина этого апотропея несомненно была Фракия. Так же несомненно, что кроме апотропея, в изображение этой головы вкладывался какой-то более значительный смысл, но пока что мы можем только догадываться о нем. Прежде всего, существует какая-то функциональная связь между изображением бородатой головы и изображением Великой богини. Материал склепа 1012 наглядно свидетельствует об этом.

Доказательством этого положения являются и находки из погребения № 7, последнего погребения в склепе. Как писал К.К.Косцюшко — Валожинич, "Отсутствие пепельной урны и разбросанные жженые кости . . . невольно наводят на мысль, что у входа в богатый семейный склеп были сложены останки . . , судя по вещам, последней представительницы рода и что при этом отсутствовало близкое лицо, которое озаботилось бы о должной торжественности погребального обряда. Труп был сожжен тут же, впереди входа и прах вместе с малоценными украшениями скучен у самой плиты затвора [54].

51/ В.В.Шкорпил. ИАК, в.40, стр. 85, рис. 26.

52/ Раскопки В.Г.Тизенгаузена в 1875—6 гг. Р.Д.т.II, СПб. 1889, стр.118.

53/ Раскопки А.А.Спицына в 1897 г. в б. Екатеринославской губ. ИАК, в.1, стр. 76, рис. 15.

54/ ИАК, в.1, стр. 3—5.

Среди этих „малоценных украшений" наибольший интерес представляет бляшка "с ажурным изображением уродливой женщины между двумя морскими чудовищами" и уже знакомая нам бляшка с бородатой головой 55/. Если бляшки с изображением головы абсолютно идентичны бляшкам из урны № 6, то бляшка с изображением богини несколько отличается от бляшки из урны № 6. Рис. 2 (6). Прототипом ее так же является бляшка из Куль-Обы, как и для бляшек из урны № 6, но выбита она другим штампом, и никаких следов последующей гравировки на ней нет, да и сохранность ее хуже, чем у бляшек из урны. Это та бляшка, которая была найдена зажатой между стеной входа и плитой затвора. Она сильно пострадала от огня погребального костра, но так же, как и бляшки из урны, свидетельствует о своем особом значении для погребенных.

Насколько мне известно, самой варваризированной копией бляшек из Куль-Обы являются бляшки из кургана у с.Новоселки 57/. Рис. 2 (7). 27 бляшек с изображением богини украшали головной убор погребенной, свидетельствуя об ее особом, скорее всего – жреческом достоинстве.

Несколько слов следует сказать о бляшках с бутонами лотоса, совершенно одинаковых по размеру и штампу как в урне № 6, так и в погребении № 7 58/. Родина самого мотива – бутон лотоса – Египет.

55/ Н.В.Пятышева. Ук. соч., стр. 12, т.1, рис. 1. Инв. № ГИМ 95570. Выяснить происхождение этой бляшки из погребения № 7 в склепе 1012 удалось уже после выхода указанной работы. Бляшки с изображением бородатой головы из этого же погребения также изданы в ук.работе. Стр. 11 т1, рис. 4.

56/ ИАК. в.1, стр. 4.

57/ Раскопки Быдловского, 1902 г. Swiatowit Варшава, 1904, т.У, стр. 61 сл. рис 70.

58/ К.Э. Гриневич. Ук. соч., стр. 35, рис. 17 (вверху). Они названы цветками аканфа. A. Manzewitsch, ук.соч., т.1, рис. 6. Н.В.Пятышева. Ук. соч., стр. 12, т.1, рис. 2.

Он распространен и у этрусков, и в Греции как в материковой, так и в Малой Азии, и на островах. Наши бляшки ближе всего к этрусско-аттическим типам 59/. Апотропеическое значение священного цветка пришло в Северное Причерноморье именно оттуда 60/.

Кроме золотых бляшек из урны № 6 и погребения № 7 с изображением богини, бородатой головы, цветка лотоса, есть еще два предмета, позволяющих уловить связь между этими погребениями: это золотые перстни 61/. Цвет золота, форма, размер и качество работы не позволяют сомневаться, что оба перстня вышли не только из одной мастерской, но и из рук одного мастера. В обоих случаях обработка не была завершена, о чем свидетельствуют слишком острые, не сглаженные края шинки. По существу – перстни парные.

Таким образом, весь рассмотренный материал из урны № 6 и погребения № 7 позволяет говорить о близкой связи погребенных и о небольшом промежутке времени между их похоронами. А религиозно-культовый характер изображений на бляшках позволяет видеть несомненную связь между погребенными и в занимаемом ими общественном положении: обе женщины были жрицами Великой богини. Вполне возможно, что жрицей этой же богини была и та женщина, чей прах погребен в урне № 4. Ожерелье с сиреной, изображение которой уместно в хтонических культах, вполне подходило к жрице хтонического божества.

59/ Wolfgang Henze. Ornament dekor und Zeichen. Dresden, 1958, г. 76-79.

60/ Аналогичные бляшки известны из кургана Б.Близница, в Шульговке из раскопок Н.И.Веселовского. ОАК за 1891 г. СПб. 1893, стр. 70, р.44.

61/ К.Э. Гриневич. Ук.соч., стр. 24, 38, рис. 17. A.M.Manzewitsch Ук.соч.табл.1.Н.В.Пятышева. Ук.соч., стр. 13, рис. 11 на табл. УП. Происхождение перстня из погребения № 7, так же как и бляшек с изображением богини, бородатой головы и цветков лотоса, было установлено позднее выхода книги.

Разобранный материал склепа свидетельствует о тесных связях погребенных с Фракией и Боспором в III–1 вв. до н.э. Он позволяет говорить, что рабовладельческая группа, стоявшая во главе городского самоуправления в этот период, являлась представительницей той же греко-фракийской знати, какая входила и в состав высшего боспорского общества. Об этом свидетельствуют общность культа Великой богини и перстни с эмблемами Левкона и Лисимаха. Во главе религиозного пантеона этой группы стояла Великая богиня, владычица людей и зверей, дающая и убивающая жизнь. Женщины, прах которых погребен в урнах №№ 4, 6 и брошен при входе, — были жрицами этой богини.

Интересно отметить, что урна № 6 — приз с надписью из святилища, посвященного Диоскурам, дает еще лишнее доказательство почитания в Херсонесе этих фракийских по своей природе божеств.

Очень показателен факт, что в погребальном инвентаре склепа не оказалось ничего, связанного с культом Девы, главным херсонесским культом в III–1 вв. до н.э. и до конца античности. Следовательно, для погребенных в склепе он не являлся главным. В сопоставлении с историческими свидетельствами все эти факты могут развиться в большие специальные темы.

Хоть и в самой общей форме необходимо остановиться на вопросе о предполагаемых строителях склепа и времени его функционирования и засыпки.

Как писал Б.В.Фармаковский, "Идеал всех времен языческой Греции прекрасно сформулирован Платоном в словах Гиппия Сократу. Самое лучшее заключение жизни для человека вполне счастливого — быть прекрасно и с подобающим великолепием погребенным своими потомками. Для грека нет мысли более ужасной, чем та, что его тело может остаться без погребения" 62/.

Херсонесцы не были исключением и по мере возможностей также старались быть погребенными "как можно лучше".

Склеп № 1012 является уникальным сооружением, принадлежавшем представителю высшего слоя общества. Первым отметил это сам К.К.Косцюшко-Валюжинич, написав в своем отчете, что "описанная гробница принадлежит высшему сановнику города, может быть, стено и воротостроителю" (Архив ЛОИА АН СССР, Дело за 1899 г.). Затем предположения о принадлежности склепа какому-то знатному роду высказывались неоднократно. Прежде всего называлось имя Агасикла.

По открытой в Херсонесе надписи — декрет в честь Агасикла, известно, что Агасикл, сын Ктесия, предложил декрет о гарнизоне, размежевал виноградники, был стеностроителем, устроил рынок, занимал должности жреца, гимнасиарха, агронома 63/. А.Л.Бертье-Делагард считал, что Агасикл — монетный магистрат и Агасикл — сын Ктесия одно и то же лицо и в связи с этим датировал декрет концом III в. до н.э. 64/.

Вполне вероятно, что Агасикл был строителем подземного склепа и надеялся быть первым, похороненным в нем, но смерть застигла его раньше, чем склеп был закончен. Конечно, это не больше, чем предположение, но вызвано оно одним обстоятельством: в окрестностях Херсонеса, у Стрелецкой бухты находился высыпанный из камня курган,

---

62/ Б.Ф.Фармаковский. Склеп Евриспвии и Ареты. ИАК. в.3, СПб. 1902 г. стр. 19–20.

63/ В.В.Латышев. IOSPE 12, 418. Г.Д.Белов. Херсонес Таврический, Л.1949, стр. 44. В.Д.Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.1953, стр. 28. С.Ф.Стржелецкий. Клеры Херсонеса Таврического. Херс. Сб. в.У1, Симфер. 1961, стр. 44 сл.

64/ А.Л.Бертье-Делагард. Несколько новых или мало известных монет Херсонеса. ЗОО ИД. т.ХХУ1, Одесса, 1909 г., стр. 250.

в котором оказалась бронзовая урна с трупосожжением. Рис. 2 (8) . Это единственная бронзовая урна с трупосожжением, найденная в Херсонесе, кроме урн в склепе № 1012 65/. Может быть, она заключала в себе прах Агасикла, размежевавшего виноградники, на одном из которых был насыпан его погребальный курган. Следует обратить внимание, что каменная крепида вокруг кургана представляет полную аналогию с нижним ярусом крепостной стены у ворот.

В задачу данной статьи не входит вопрос о времени постройки склепа. Эта тема специальной работы, но можно считать установленным, что на рубеже нашей эры нижний ярус стены со склепом и воротами был засыпан. Склеп функционировал около 150 лет, а погребений в нем оказалось всего семь. Однако это вовсе не свидетельствует о малочисленности рода. Прежде всего, среди погребений нет детских прахов. Такой внимательный и опытный исследователь, как К.К.Косцюшко-Валюжинич, сразу бы отметил детское погребение в какой-нибудь из урн, если бы таковое там было. Но там, судя по величине самих урн и остаткам костей, были только останки взрослых людей 66/.

Зная, что у греков величайшей честью было погребение в черте города, а подстенный склеп несомненно преследовал эту цель, — невозможно даже предположить, что все члены рода без исключения, в том числе и дети, удостаивались бы этой чести. В склепе были погребены только избранные.

65/ Н.В.Пятышева. Скифы и Херсонес. Сб. История и археология древнего Крыма. Киев. 1957 г., стр. 252. Приведена литература по раскопкам кургана. Рисунок урны в данной статье — реконструкция ху З.Р.Каварской по хранящимся в ГИМ остаткам урны.

66/ В склепе № 1013, приставленном к наружной части крепостно.. стены, К.К.Косцюшко-Валюжинич среди многих урн с кремацией отметил несколько детских прахов. ИАК. в. 1. стр. 12, 13.

Склеп был рассчитан на гораздо большее число погребений, чем то, которое в нем оказалось. Он остался явно не заполненным, что могло случиться только по двум причинам: 1/ со смертью последнего представителя рода-род прекратился, 2/ после реконструкции крепостной стены, за которой последовала засыпка ворот и всего нижнего яруса — доступ в склеп был слишком затруднен и скоро о нем забыли .

Первая причина отпадает. Нам известны случаи, когда с прекращением родов их семейными усыпальницами продолжали пользоваться и дальше, при этом не стесняясь сдвигать, а то и просто выбрасывать ранние погребения. Но здесь этого не случилось именно по второй причине . Стена была засыпана вскоре после совершения последнего погребения. Наиболее вероятно отнести этот факт к концу 1 в. до н.э. — началу 1 в. н.э. 67/

67/ Столетие спустя в образовавшейся насыпи были устроены два богатых семейных склепа. ИАК. в.1, стр. 8—24. О причинах засыпки стены и перенесения ворот к 0—3 см.ст. Н.В.Пятышевой. Рассказ об осаде Корсуня Владимиром. СА, 1964, № 3, стр. 108. Приведена литература вопроса.

РИС. 1А

ПЛАН СКЛЕПА N1012 С ОБОЗНАЧЕНИЕМ РАССТАНОВКИ УРН И КРЕМАЦИИ /ПРИ ВХОДЕ/

А-пролет ворот. Б-стена

А

Б

РИС 1б

НУМЕРАЦИЯ УРН ПО К.К.КОСЦЮШКО

4 3 2 1 1 2

РИС. 1в

НУМЕРАЦИЯ УРН ПО К.Э.ГРИНЕВИЧУ

1 2 3 4 5 6

7

РИС 1г

НУМЕРАЦИЯ УРН ПО Н.В.ПЯТЫШЕВОЙ

1 2 3 4 6 5

7

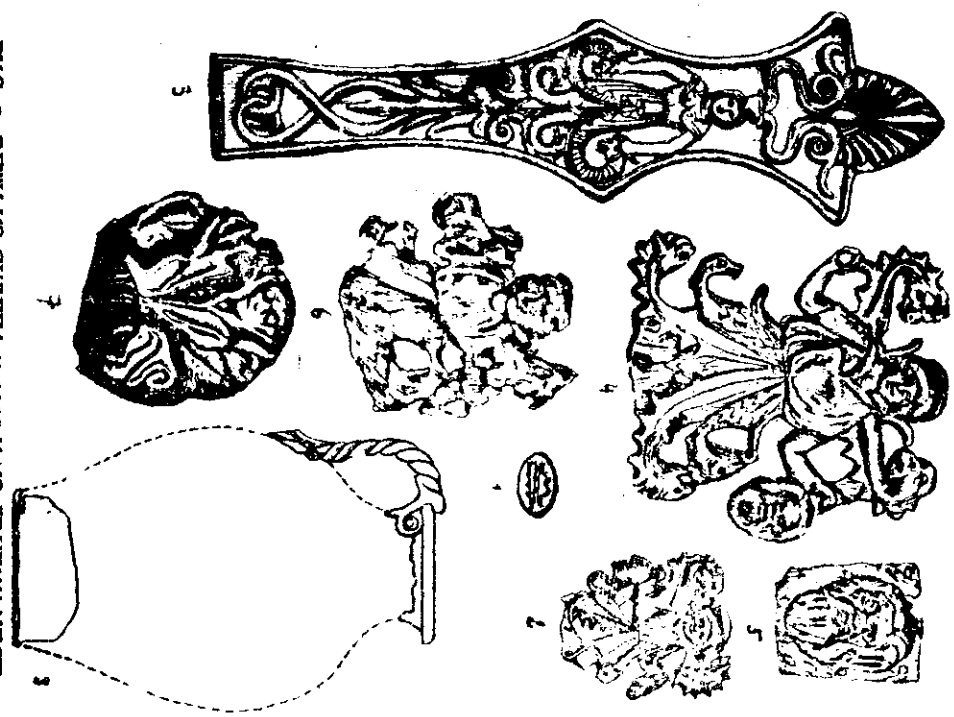


РИС. 2. ВЕЩИ ИЗ СКЛЕПА № 1012 И ИЗ ДРУГИХ МЕСТ

1 – перстень с эмалевой Левкона II; 2 – золотая бляшка с изображением богини из урны № 6; 3 – налобник из Цимбалки с изображением змеиногой богини; 4 – бляшка с изображением богини из кургана Куль-Оба; 5 – бляшка с изображением бородатой головы из урны № 6; 6 – бляшка с изображением богини из погребения № 7; 7 – бляшка с изображением богини из кургана № 4 у с.Новоселки; 8 – бронзовая урна из кургана у Стрелецкой бухты

И.И.ГУЩИНА

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛЬБЕКСКОЙ ДОЛИНЫ КРЫМА В ПЕРВЫЕ ВЕКА Н.Э.[1/]

Первые века нашей эры в истории Херсонеса характеризуются его экономическим подъемом, одним из проявлений которого следует считать оживление торговли с античными городами и местным населением Крыма, особенно юго-западной его части[2/]. В первых веках нашей эры на поселениях и могильниках долин рек Черной, Бельбек, Альмы, в Неаполе Скифском и его окрестностях появляется разнообразная продукция херсонесского производства, монеты, а также предметы из малоазийских и других центров, которые поступали сюда через Херсонес. В числе предметов экспорта из Херсонеса в юго-западный Крым были амфоры, краснолаковая керамика, стеклянная посуда, ювелирные изделия. Чем ближе к Херсонесу расположено поселение или могильник, тем больше привозных вещей там обнаруживается. Одним из близких к Херсонесу районов была долина реки Бельбек, густо заселенная в первые века нашей эры[3/]. Здесь известно уже много поселений и могильников первых веков,

1/ На материале могильника Бельбек 1У, расположенного в окрестностях г.Севастополя.

2/ В.И.Кадеев. Торговля Херсонеса Таврического в I-1У вв. н.э. Харьков, 1969, Учебное пособие к спецкурсу "Античные города Северного Причерноморья", стр.31 сл.

3/ О.Я.Савеля. Разведки в окрестностях Севастополя. Археологические открытия 1967 г. М, 1968, стр.201; И.И.Гущина. Могильник Бельбек II в Крыму. Сборник экспедиций Исторического музея. М, 1969, стр.94 сл.

которые оставлены смешанным тавро-скифо-сарматским населением, где отчетливо проявляются черты, свидетельствующие о тесной экономической связи с Херсонесом. Это подтверждается материалом могильника Бельбек 1У, исследованного в 1969 г. экспедицией ГИМ[4/].

Могильник расположен на правом берегу реки Бельбек в 1,5 км от ее устья, на территории поселка Любимовка города Севастополя. Из всех известных могильников Бельбекской долины он находится ближе всего к Херсонесу.

Могильник занимает вершину высокого холма, где в 1969 г. открыто 21 погребение. Все они представляют собой подбойные могилы, ориентированные с севера на юг. Входная яма имела в западной стене /только в одном случае в восточной/ подбойную камеру, отделанную вертикально поставленными каменными плитами. Размеры входной ямы и подбоя в среднем до 2 м длины, 0,60 м ширины, 0,50 м глубины от уровня материка. На дне подбойной камеры находился погребенный, положенный, как правило, головой на юг, в вытянутом положении. В одном случае ноги были скрещены в голени. В нескольких погребениях видны следы ткани, в которую был завернут погребенный. Иногда встречаются куски мела или белой глины, положенные в погребения с ритуальной целью. Погребальный обряд и инвентарь идентичен другим могильникам Бельбекской долины[5/]. Больше всего в погребениях могильника Бельбек 1У найдено сосудов. Они почти все гончарные, красноглиняные, несколько типов.

Одноручные кувшины с невысоким горлом, округлым туловом, на кольцевом поддоне. Поверхность бурого цвета, без лака, или покрыта плохим бурым лаком. Нижняя часть

4/ И.И.Гущина. Отчет о работе Крымской археологической экспедиции ГИМ в 1969 г. Архив ИА АН УССР.

5/ И.И.Гущина. Могильник Бельбек Ш в Крыму. КСИА АН СССР, вып.124, М, 1970, стр.39 сл.

оставлена без покрытия. По горлу и тулову сделано несколько вдавленных полос. Ручка профилированная.

Одноручные кувшины с высоким узким цилиндрическим горлом, с отогнутым венчиком и ребром на горле. Тулово округлое или чуть удлиненное книзу, на кольцевом поддоне, покрыто бурым или розовым лаком, низ иногда оставлен без покрытия. Ручка плоская.

Одноручный кувшин большой, 32 см высоты, с высоким цилиндрическим горлом и нависающим бортиком, с вытянутым туловом на кольцевом поддоне; ручка профилированная, поверхность слегка ребристая. Покрыт ярко-розовым лаком. Все три первые типа керамики широко распространены в городах Северного Причерноморья, в том числе в Херсонесе.

Одноручные кувшины с высоким цилиндрическим горлом, нависающим бортиком. Тулово остроребероное, ручка желобчатая, поверхность покрыта ярким красным или розовым лаком, на некоторых нижняя часть оставлена без покрытия. На месте перехода горла в тулово углубленные полосы. По форме эти сосуды напоминают кувшины малоазийского производства первых веков н.э.[6/].

Двуручные кувшины с невысоким горлом, с отогнутым бортиком, горло плавно переходит в покатые плечики, тулово округлое или удлиненное книзу, на кольцевом поддоне, покрыты хорошим ярко-красным или красно-бурым лаком, низ незакрашен; имеют аналогии среди херсонесской керамики I-IУ вв. н.э.[7/].

6/ T.Knipowitsch. Untersuchungen zur Keramik römischer Zeit aus den Griechenstädten an der Nordküste des Schwarzen Meeres, I. Die Keramik römischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Ermitage. Materialien zur römisch-germanischen Keramik. IV. 1929. Taf. III, Abb.40.

7/ Г.Д.Белов, С.Ф.Стржелецкий и А.Л.Якобсон. Квартал ХУШ /раскопки 1941,1947,1948 гг./. МИА, 34, М, 1953, стр.186, рис.34.

Одноручные небольшие кубки, с невысоким горлом, чуть удлиненным туловом, на тонком кольцевом поддоне, поверхность гладкая, светло-розовая или светло-желтая, без лака или покрытая ярко-розовым лаком. Имеют аналогии среди херсонесской керамики II-Ш вв. н.э.[8/].

Чашки с округлыми стенками, загнутыми внутрь краями, покрытые красным или темно-коричневым лаком, нижняя часть оставлена без покрытия. Имеют аналогии во всех городах Северного Причерноморья I-Ш вв. н.э.[9/], в том числе в Херсонесе.

Небольшие низкие миски с чуть закругленными стенками, на небольшом кольцевом поддоне или без него, на внешней стороне дна - клеймо в виде схематически изображенной ступни, обведенной концентрическими линиями. Лак блестящий, ярко-оранжевый, покрытие сплошное /рис.1,2,3/ Такого типа миски встречаются во многих городах Северного Причерноморья, в том числе и в Херсонесе и являются предметом импорта из малоазийских центров первой половины 1 в. н.э.[10/]

Тарелки с профилированным вертикальным бортиком, скошенной стенкой на кольцевой подставке. Лак разного качества и цвета от светло-оранжевого до красно-коричневого. Нижняя часть стенок и поддон большей частью лаком не покрывались. На внутренней стороне дна - клейма в виде схематически изображенной ступни и нескольких концентрических линий /рис.1,1/. Одно клеймо в виде четырехлистника, окруженного четырьмя рядами полос из насечек. Такого типа тарелки с клеймами встречаются во многих городах Северного Причерноморья, являются предметом ввоз-

8/ Г.Д.Белов. Археологические раскопки в 1949 г. ВДИ, 1950, № 2, стр.230, рис.4.

9/ Т.Н.Книпович. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры. МИА, 25, 1952, стр.315, рис.11, 3.

10/ T.Knipowitsch. Untersuchungen zur Keramik... Taf. I. Abb.14. Taf.II, Abb.26.

за из ородов Малой Азии 1 в. н.э.[11]. Очевидно, такого же происхождения маленькая чашечка с округлыми стенками, на кольцевом поддоне, лак буро-оранжевый, графитный /рис. 1,5/, дата - первая половина 1 в. н.э.[12] и двуручные кубки на кольцевом поддоне[13]. /рис.1,4/.

Чашечки с отвесным бортиком, косыми, немного вогнутыми стенками и плоским дном. Лак очень хорошего качества, ярко-оранжевого цвета. На одной из них на внутренней стороне дна клеймо в виде ступни с надписью ATEI.. По форме и качеству лака такие сосуды можно отнести к концу 1 в. до н.э. - первой половины 1 в. н.э.

Все перечисленные типы керамики известны в Северном Причерноморье, в том числе Херсонесе, откуда они и попали в Бельбекскую долину. Часть керамики относится к изделиям херсонесских мастеров, другая - сделана в малоазийских центрах. Некоторые сосуды можно датировать 1 в. н.э., даже первой его половиной. Другие датируются более широким отрезком времени, от 1 до начала Ш вв. н.э.

Остальной инвентарь могильника представлен вещами, составляющими обычный набор инвентаря погребений первых веков нашей эры в юго-западном Крыму. Он состоит из фибул, металлических украшений, бус и некоторых других вещей. Фибулы небольшие, с завитком на конце приемника и пластинчатой дужкой, украшенной орнаментом в виде точек или насечек. По типологии А.К.Амброза, такие фибулы бытуют в Крыму главным образом в 1 в. н.э.[14]. Эти

11/ Л.Силантьева. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата. МИА, 85, 1958, стр.285.

12/ T.Knipowitsch. Указ.работа, Taf. IV, Abb.2, Taf. V. Abb.4.

13/ Там же, т.Ш, 36.

14/ А.К.Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ Д-1-30, стр.45, табл.5, 15-17.

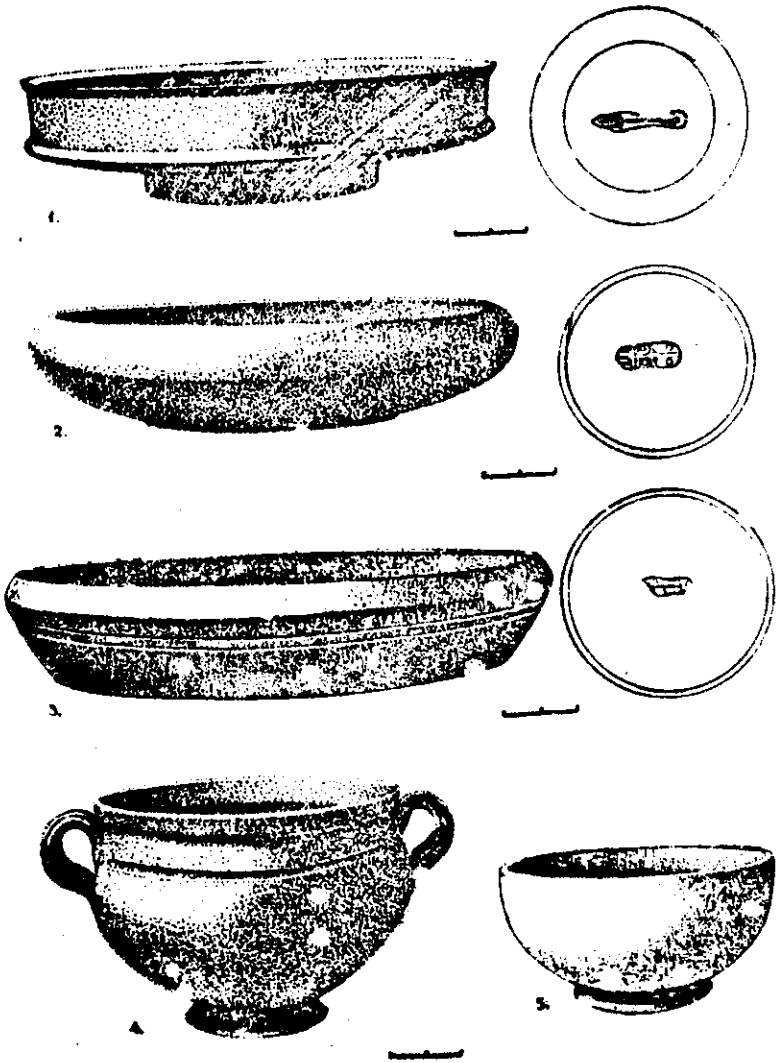


Рис.1. КРАСНОЛАКОВАЯ ПОСУДА ИЗ МОГИЛЬНИКА БЕЛЬБЕК 1У.

фибулы встречены только в могильнике Бельбек 1У, в других могильниках на реке Бельбек пока не обнаружены. Дате 1 в. н.э. - не противоречат и другие фибулы, встречающиеся в этом могильнике - одна круглопроволочная лучковая подвязная фибула, относящаяся к типу, бытующему в первой половине 1 в. н.э.[15] и подвязная фибула с овально-расширяющейся спинкой - тип довольно редкий, бытующий на Нижнем Днепре и в Крыму в 1 в. н.э.[16].

По сравнению с другими могильниками Бельбека, здесь мало найдено бронзовых украшений. Обнаружено всего 3 бронзовых браслета: сплошной круглопроволочный, второй - с конусовидными утолщениями на концах и третий - с тремя рядами округлых выступов, последние обычно находятся в области ног; такие браслеты хорошо известны в могильниках первых веков нашей эры в Крыму. В погребениях найдены: круглопроволочный перстень со щитком и стеклянной вставкой; несколько бронзовых колец с тремя рядами округлых выпуклостей и небольшие бронзовые колечки в полтора оборота; серьги бронзовые круглопроволочные, с петлей на одном конце; пряжки бронзовые круглопроволочные с подвижным язычком и круглые железные.

Зеркало бронзовое, дм.6,5 см, простое дисковидное. Такие зеркала бытуют главным образом на рубеже и в 1 - начале II в. н.э. Оно лежало в шкатулке, от которой сохранились несколько железных пластин-обкладок. Чаще у шкатулок, встречающихся в юго-западном Крыму, пластинки оклада бронзовые и прямоугольные. У нашей шкатулки пластинки железные, две с вогнутыми краями, видимо, прикреплявшиеся на боковые стороны шкатулки, и одна круглая с прорезью для ключа. В таких шкатулках находились туалетные принадлежности и амулеты. Шкатулки с железными пластинами оклада встречаются в Неаполе Скифском[17].

Из мелких предметов украшений и амулетов следует отметить ведеркообразные бронзовые подвески, а также подвески из голубого египетского непрозрачного стекла, которые найдены в нескольких погребениях и составляют целую интересную группу вещей. Обнаружены подвески в виде фигурки лягушки на овальной подставке /рис.2,5/, фигурки львов на прямоугольной подставке /рис.2,4/, фалические подвески /рис.2,3/, удлиненная рубчатая в виде амфориска /рис.2,1/ и фигурка, изображающая египетского бога "Беса" /рис.2,2/. Такого типа подвески широко распространены на территории Северного Причерноморья, являются предметом импорта из Египта и датируются 1-II вв. н.э. Очень близки найденным подвески с изображением львов, лягушек и амфориска из Неаполя Скифского[18] и городов Боспора[19], а также из Прикубанья, где обнаружена фигурка „Беса", подобная нашей[20]. Путь их проникновения, по мнению Б.Б.Пиотровского, шел через Боспор. Этот путь совпадает с путем продвижения сарматов в юго-западный Крым[21].

В погребениях встречено много бус. Бусы не только входили в состав ожерелий, но употреблялись и для украше-

15/ А.К.Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ Д-1-30, стр.49, табл.9, 1.

16/ Там же, стр.56, табл.10,4.

17/ О.А.Махнева. Склеп с египетскими изделиями на восточном участке некрополя Неаполя Скифского. ЗОАО, т.II/35/, Одесса, 1967, стр.195.

18/ Э.А.Сымонович. Египетские вещи в могильнике Неаполя Скифского. СА, 1961, № 1, стр.270 сл.

19/ Б.Б.Пиотровский. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза. СА, 1958, № 1, стр.20:

20/ Курган № 32 у станицы Усть-Лабинской. ГИМ, инв. № 48478, в комплексе 1 в. н.э.

21/ И.И.Гущина. О сарматах в юго-западном Крыму. СА, 1967, № 1, стр. 71.

ния одежды. Так, например, в погребениях №№ 19 и 23 бусы лежали вокруг костей запястья в определенном порядке, образуя как бы браслет, состоящий из чередующихся сердоликовых круглых и продолговатых гешировых бус. Такой обычай известен среди поздне-сарматского населения Нижнего Поволжья, населения Неаполя Скифского и долин юго-западного Крыма.

Набор бус обычен для первых веков нашей эры в Северном Причерноморье. В могильнике Бельбек 1У много круглых рубчатых бус из египетского голубого непрозрачного стекла, о изделиях из которого уже говорилось выше. Интересны непрозрачные мозаичные бусы с различным орнаментом /на желтом фоне черные листочки, на темно-сером фоне желтые вкрапления, на светлом фоне светлые вкрапления, на кирпичном фоне желтые и черные полосы/ /рис.27-9/. Остальные бусы - стеклянные, круглые или многоугольные /рис.2,6,10/; круглые сердоликовые; гешировые продолговатые и цилиндрические; удлиненные гешировые подвески с заостренным концом, известные в позднесарматских поволжских и крымских памятниках II-III вв. н.э. Небольшую группу составляют бронзовые круглые, гладкие и рубчатые бусины, которые встречаются, главным образом в материале юго-западного Крыма первых веков нашей эры.

В числе других предметов инвентаря надо отметить мелкие кусочки золотой фольги от погребального венка, такого же типа, как погребальный венок, найденный в юго-западном Крыму, в могильнике у села Заветное; бронзовый колокольчик, крупный, с кольцом для подвешивания и железным билом, глиняное биконическое пряслице, бронзовый втульчатый двухлопастный наконечник стрелы, который надо рассматривать как пережиток более древнего времени.

Из оружия обнаружены два обломка железного длинного обоюдоострого меча, которые известны в первые века

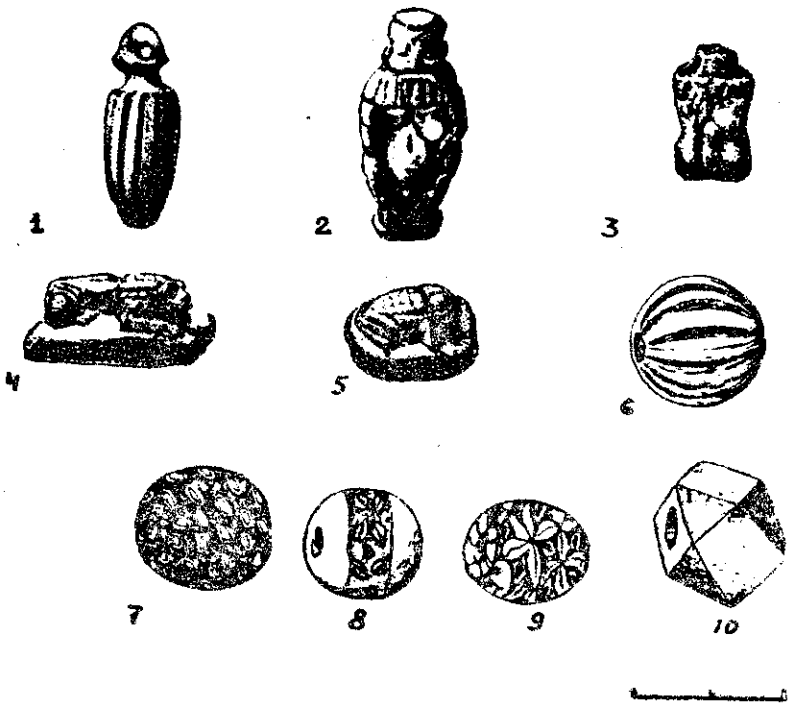


Рис.2. ПРИВЕСКИ И БУСЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА БЕЛЬБЕК 1У

н.э. в юго-западном Крыму. В Бельбекской долине такие мечи встречены еще в могильнике Бельбек 1. Необходимо отметить еще одну интересную находку - бронзовую статуэтку - герму, хорошей сохранности /высота 5 см/. Она найдена была в разрушенной могиле, вместе со следующими предметами: бронзовым браслетом с выступами и двумя голубыми подвесками из египетского глухого стекла, относящимися к I-II вв. нашей эры.

Несмотря на сходство с другими могильниками юго-западного Крыма, Бельбек 1У отличается от ранее исследованных в долине могильников. Много вещей, найденных здесь относится к концу 1 в. до н.э. - 1 веку нашей эры: это краснолаковая посуда с клеймами, фибулы, некоторые типы бус и пастовых подвесок. Здесь обнаружены вещи, которые могли бытовать в 1 и во II вв. н.э. Факт наличия большого количества вещей первого века нашей эры говорит о том, что этот могильник возник раньше других, известных в долине реки Бельбек /остальные относятся ко II и даже III вв. н.э./ и что в долине Бельбек в первом веке н.э. уже жило население смешанного типа, с большой примесью сарматского элемента.

Из анализа материала этого могильника следует, что существовали тесные торговые связи населения долины с окрестными городами. Здесь много вещей, сделанных в городах Северного Причерноморья, а также привозных, из центров Малой Азии и Египта. Вещи эти могли попасть в Бельбекскую долину из Херсонеса, но не исключена возможность их проникновения из городов Боспора через Неаполь Скифский.

М.П.АБРАМОВА

ЗЕРКАЛА ГОРНЫХ РАЙОНОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПЕРВЫЕ ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

Для территории горных районов Центрального Кавказа, которую заселяли племена кобанской культуры, характерна большая устойчивость древних традиций, что прослеживается при изучении как погребального обряда, так и инвентаря раскопанных здесь могильников. Лишь с рубежа нашей эры в этих районах начинается относительно широкое распространение импорта, главным образом западного - разного типа фибулы, украшения и др. К числу импортных для этой территории изделий принято относить и зеркала так называемого сарматского типа - небольшие круглые диски /средний диаметр 4-5 см/, имеющие подквадратный боковой выступ с отверстием для подвешивания.

Все рассматриваемые здесь зеркала относятся к выделенному А.М.Хазановым 1Х типу сарматских бронзовых зеркал[1]. Однако в работе А.М.Хазанова не было учтено большое количество таких зеркал, найденных в могильниках Северного Кавказа, которые позволяют выделить внутри этого типа хронологические и локальные варианты.

Все рассмотренные А.М.Хазановым зеркала 1Х типа, происходящие в основном с территории сарматского Поволжья, имеют между собой некоторые различия, что позволяет нам разбить их на 3 варианта:

1. Зеркала с валиком по краю и коническим утолщением в центре обратной стороны.

2. Плоские зеркала, обратная сторона которых покрыта рельефным орнаментом.

1/ А.М.Хазанов. Генезис сарматских бронзовых зеркал. СА, 1963, № 4, стр.65-66, рис.1.

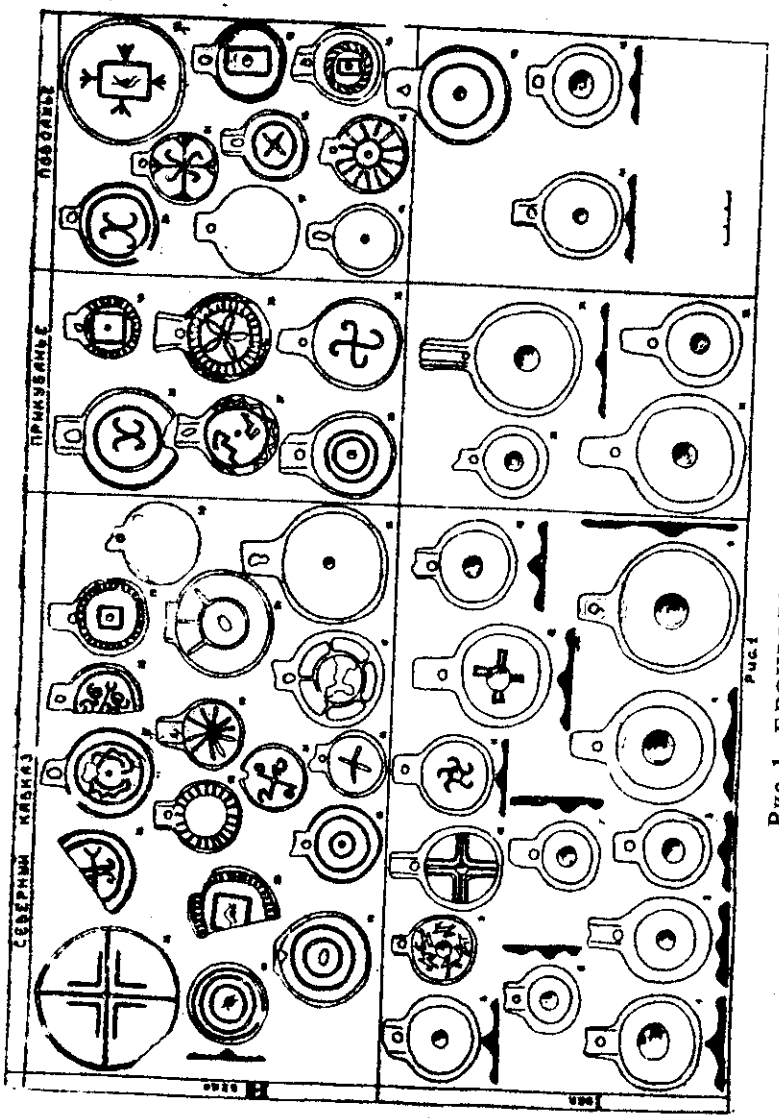


Рис.1. БРОНЗОВЫЕ ЗЕРКАЛА

3. Зеркала с совершенно гладкой неорнаментированной поверхностью.

Подавляющее большинство зеркал этого типа, рассмотренных в работе А.М.Хазанова, относится ко 2 варианту. Зеркалам 1-го варианта уделено значительно меньшее внимание. Этот факт хорошо объясняется тем обстоятельством, что, как видно из нижеприведенной таблицы, основной территорией распространения зеркал этого варианта является Северный Кавказ, т.е. территория, не учтенная А.М.Хазановым.

Таблица 1

	Северный Кавказ			Повол-жье	Сев. Причер-номорье	Всего
	Горные р-ны	Предгор-ные р-ны	Прикубанье			
	Осетия-45 Кабард.-Балкария - 7 Чечня - 7	Осетия -1 Кабард.-Балкария - 7 Чечено-Ингушетия - 2 Дагестан - 13				
Общее кол-во	59	23	≈20	5	≈10	117
в %	50,4	19,7	17,1	4,3	8,5	100%

Все зеркала 1 варианта почти тождественны по своему внешнему виду. Они отличаются от зеркал 2-х других вариантов своей массивностью, благодаря высокому бортику и коническому утолщению в центре. Средний диаметр этих

зеркал - 4,5-5,5 см. /рис.1,1-3/, однако, встречаются более мелкие /3,7-4 см/ /рис.1,6,7/ и более крупные /6-7,5 см - рис.1,4,5/ экземпляры. Эти различия в размерах иногда объясняют либо хронологическими, либо локальными причинами. Часто крупные зеркала считают более ранними, основываясь на том, что наиболее ранее зеркало этого типа, происходящее из Зубовского хутора, имеет большие размеры. Однако два зеркала из Таркинского могильника /Дагестан, рис.1, 18/, имеющие диаметр 6,5 см, найдены вместе с фибулами II-III вв.[2] и могут поэтому быть датированы не ранее II в. н.э.

А.М.Хазанов выделяет зеркала большого размера как прикубанский локальный вариант, подтверждая свой вывод наличием таких зеркал в ряде могильников /Лысая гора, Тарки/[3]. Не говоря уже о том, что могильник Тарки расположен в Дагестане, а не в Прикубанье, зеркала большого диаметра найдены в ряде других могильников как Северного Кавказа /ущелье Чегем, д=6,2 и 7,4 см[4]/ и Нижне-Джулатский могильник /д=6 и 6,5 см/[5] в Кабардино-Балкарии, так и других областей /Украина: Усть-Каменка и Ново-Филипповка, д=7 и 7,4 см/[6]. Все это не позволяет считать их характерными для прикубанского варианта.

2/ Е.И.Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, 23, 1951, стр.223-224, рис.8,7; К.Ф.Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948-49 гг. МИА, 23, 1951, стр.260-261, рис.17,2.

3/ А.М.Хазанов, Ук.соч., стр.66.

4/ Раскопки В.Ф.Миллера 1883 г. ГИМ, инв.№№ 7330-7466.

5/ Раскопки М.П.Абрамовой 1968 г. ГИМ, инв.№ 101203.

6/ Е.В.Махно. Розкопки пам"яток епохи бронзи та сарматського часу в с.Усть-Кам"янці. АП УРСР, т.IX, 1960, стр. 24, рис.12, [illegible], М.І.Вязьмитина, В.А.Іллінська, Е.Ф.Покровська, О.І.Тереножкін, Г.Т.Ковпаненко. Курганы біля с.Ново-Филиповки и радгоспу "Аккермень". АП УРСР, т.VIII, 1960, стр.89, рис.69,14.

По-видимому зеркала разных размеров бытовали одновременно на широкой территории.

Данные, представленные в табл.1, говорят о том, что подавляющее большинство зеркал этого варианта /87,2%/ найдено на территории Северного Кавказа, а около 60% северо-кавказских зеркал происходит из горных районов Центрального Кавказа, т.е. из районов распространения племен кобанской культуры. Все это, на наш взгляд, позволяет называть 1 вариант зеркал с боковым ушком - кавказским. О кавказском происхождении зеркал этого типа писал П.Рау[7]. Однако он основывал свое мнение на том, что кавказские зеркала - наиболее ранние из известных нам зеркал этого типа, поскольку они были ошибочно отнесены П.С.Уваровой к древнему кобанскому слою[8]. Позднее Е.П.Алексеевой было установлено, что эти зеркала относятся к позднекобанскому периоду и датируются рубежом и первыми веками нашей эры[9]. Этот факт уже отмечался А.М.Хазановым, который приводит его для опровержения тезиса о кавказском происхождении этого типа зеркал[10]. Однако, определяя этот вариант как кавказский, нужно в первую очередь учитывать не время, а территорию его распространения. Что касается точных границ времени бытования этого варианта зеркал, то их установить сейчас трудно вследствие того, что подавляющее большинство зеркал происходит из различных дореволюционных коллекций и собраний, т.е. они являются по существу не комплексными. Однако, те из них, которые найдены в датированных комплексах, укладываются в

7/ P.Rau. Die Hügelgräber Romischer Zeit au der unteren Wolga. Pokrowsk, 1927, c p.90.

8/ П.С.Уварова. Могильники Северного Кавказа, МАК, VIII, 1900, стр.69.

9/ Е.П.Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. Уч.зап. ЛГУ, в.13, 1949, стр.226.

10/ А.М.Хазанов. Генезис сарматских бронзовых зеркал, стр.65.

основном в пределах 1 в. н.э. В центральных районах Сев кого Кавказа эти зеркала найдены в сочетании с фибулами 1 в. н.э.[11]. Не ранее 1 в. н.э. датируются такие зеркала, найденные в Нижне-Джулатском могильнике[12]. В этих районах зеркала 1 варианта ни разу не были найдены вместе с вещами II в. 1-м в.н.э. датируются такие зеркала и с территории Прикубанья[13]. Однако, как уже отмечено, из Прикубанья происходит и наиболее раннее из зеркал этого типа, найденное в погребении у Зубовского хутора, которое датируется обнаруженными в нем стеклянными сосудами 1-м в. до н.э.[14]. Зеркало это имеет большие размеры /д=10 см/, относительно небольшую прямоугольную ручку с маленьким отверстием и по своему внешнему виду занимает промежуточное положение между зеркалами описываемого типа и крупными зеркалами с валиком по краю, утолщением в центре и короткой подтреугольной ручкой /УШ тип по А.М.Хазанову/.

Что касается восточных районов Северного Кавказа /Дагестан/, то здесь эти зеркала также относятся в основном к I в. н.э. 11 таких зеркал было найдено в Карабудахкентском могильнике № 1, который датируется К.Ф.Смирно-

11/ Кобань. Сев.кладбище, погр.1. Раскопки В.И.Долбежева 1891 г. ГЭ, К33787; Ковша. У подножья бугра, погр.3. Раскопки В.И.Долбежева 1892 г. ГИМ, 28557.

12/ ГИМ, №№ 100673 и 101203.

13/ Н.Е.Анфимов. Мезто-сарматский могильник у ст.Усть-Лабинской. МИА, 23, 1951, стр.198-199, рис.18,6; его же. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья. КСИИМК, 16, 1947, стр.152-154; его же. Могильники сарматского времени в долине р.Ур па. КСИИМК, 65, 1956, стр.89-90; его же. Глиняные курильницы сарматского времени с Северного Кавказа. КСИИМК, 58, 1955, стр.32-33.

14/ К.Е.Думберг. Раскопки кургана на Зубовском хуторе Кубан обл. ИАК, 1, 1901, стр.102, рис.25.

вым I - нач.II в. н.э.[15]. Правда, ряд фибул, найденных здесь вместе с зеркалами 1 варианта, А.К.Амброз датирует II-III вв.[16], исходя из даты могильника, предложенной К.Ф.Смирновым, однако, очевидно, он ошибочно перенес дату Карабудахкентского могильника № 3, публикуемого здесь же[17], и на погребения 1 могильника, относящегося к более раннему времени. Все же остальные типы фибул этой группы /"римские шарнирные дуговидные фибулы"/, приведенные в сводке А.К.Амброза, датируются I в. н.э.[18].

Как уже отмечалось, 2 зеркала этого варианта, найденные в Таркинском могильнике, могут быть датированы II в. н.э. Таким образом, на территории Дагестана эти зеркала известны и во II в. н.э. Единственной их особенностью можно отметить тот факт, что несмотря на сравнительно большие размеры /д=6,5 см/, они менее массивны - и валик по краю, и коническое утолщение в центре имеют как бы облегченный вид /рис.1, 18/.

Для территории сарматского Поволжья зеркала 1 варианта мало характерны. Здесь, по опубликованным данным, мне известно 5 экземпляров таких зеркал[19]. Два из них /найденные в Харьковке и Норке/ по своей массивности и профилированности аналогичны кавказским /рис.1, 41,42/. Оба найдены в комплексах I в. н.э. Зеркало из хут.Авиловского находилось в комплексе II-III вв. н.э.[20]. Так же, как

15/ К.Ф.Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у с.Карабудахкент. МАД-II, 1961, стр.206-207.

16/ А.К.Амброз. Фибулы Юга европейской части СССР. САИ Д 1-30, 1966, стр.27.

17/ К.Ф.Смирнов. Ук.соч., стр.218-219.

18/ А.К.Амброз. Ук.соч., стр.26-27.

19/ Харьковка, Ш-24; Норка, к.1; Бережновка, к.37; х.Авиловский, к.4; Шульц, А-2.

20/ И.В.Синицын. Археологические памятники в низовьях р.Илевли. Уч.зап. СГУ, 1954, т.XXXIX, стр.240-243, рис.16,3.

зеркало Таркинского могильника, оно менее профилировано- коническое утолщение в центре имеет очень небольшие размеры по сравнению с общей площадью зеркала /рис.1,44/. Четвертое зеркало /Бережновка/ найдено в комплексе 1-П вв. н.э.[21] Оно тоже мало профилировано и имеет орнамент в виде концентрических кругов /рис.1,43/. Уплощенная форма зеркал и наличие рельефного орнамента на обратной стороне - черты, характерные для зеркал II варианта. Однако рельефный орнамент имеется и на некоторых зеркалах 1 варианта, отличающихся ярко выраженной профилированностью. Появление этого орнамента надо относить, по-видимому, к концу 1 в. н.э. Так, одно из таких зеркал с орнаментом из концентрических кругов было найдено в Керчи вместе с неорнаментированным зеркалом 1 варианта в комплексе 2-й половины 1 в. н.э.[22]. Зеркало с высоким коническим утолщением в центре /1 в. н.э./ из Нижне-Джулатского могильника также имеет рельефный орнамент /в виде креста, рис. 1, 12/[23]. Орнаментированы и некоторые зеркала из Таркинского могильника № 1[24] /рис.1, 10, 11/. По-видимому, для зеркал 1 варианта характерен, в основном, очень несложный орнамент. Правда, в коллекции Зичи, собранной в долине Бакcана и Чегема, имеется зеркало с коническим утолщением в центре, вокруг которого расположено 5 фигур животных /оле-

21/ И.В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, 60,1959, стр.101-102, рис.30-а,7.

22/ Керчь, раск.К.Е.Думберга1900 г., погр.53. См.Извлечение из отчета К.Е.Думберга о раскопках гробниц в 1900г. ИАК, 2, 1902, стр.50.

23/ ГИМ, инв. № 100673

24/ К.Ф.Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени ... стр.179, рис.10, №№ 147 и 183; стр.210, рис. 35, № 76.

ней, рис.1,9/25/ - мотив, очень характерный для изобразительного искусства племен кобанской культуры.

Таким образом, зеркала 1 варианта, хорошо профилированные, датируются в основном 1 в. н.э. Редкие экземпляры этих зеркал, относящиеся ко II в. /с..Тарки, х.Авиловский/ имеют более облегченный вид - небольшое коническое утолщение в центре и менее высокий валик. С конца 1 в. н.э. некоторые из этих зеркал начинают украшаться о наментом. Все это приводит к появлению во II в. н.э. нового варианта зеркал этого типа -уплощенных с рельефным орнаментом на обратной стороне. Эти зеркала особенно характерны для памятников II-III вв. н.э. Прикубанья /рис.1, 35-40/ и городов Северного Причерноморья. Хорошо они представлены и на территории сарматского Поволжья /рис.1, 45, 46,48-51/. Что касается территории Северного Кавказа /к востоку от Прикубанья/, то здесь число этих зеркал резко сокращается по сравнению с зеркалами 1 варианта. Мне известно всего 11 таких зеркал, из которых 9 происходят из горных районов /Чми- 1,Корца - 2, Камунта - 2, Чечня - 3, Карачаево-Черкесия - 1/ и 2 /Пседахе и Нижний Джулат/ из предгорий. Все они имеют уплощенную форму и орнамент - либо геометрический -/8 зеркал - рис.1, 15-17; 22-24, 29/, либо в виде тамги /3 зеркала, рис.1, 21, 26, 28/. Средний диаметр их - 4 см /от 3,7 до 4,5 см/, хотя есть отдельные экземпляры, достигающие 5-5,5 см в диаметре. Почти все эти зеркала обнаружены в качестве случайных находок, поэтому они не могут быть точно датированы, однако, в тех случаях, когда они найдены в комплексах /Пседахе/[26] /рис.1, 23/, шах-

25/ E.Zichy. Voyages au Caucase et en Asie Centrale II. Description de la collection archeologique par le Dr.Bela Posta. Budapest, 1897, t.VI, 3.

26/ Пседахе, Чечено-Ингушетия. Раскопки В.И.Долбежева. 1898, г.ГИМ, инв.№ 40753.

та в Карачаево-Черкесии [27] /рис.1,24/, они датируются II-III вв. н.э., т.е. так же как и на других территориях их распространения. Вызывает удивление факт резкого сокращения числа этих зеркал во II-III вв. в северо-кавказских областях, тогда как зеркала IУ-У вв. /с центральной петлей/ распространены здесь также широко, как и зеркала I века. Это может быть объяснено двумя причинами: либо малоизученностью памятников II-III вв., либо, скорее всего, тем, что в этих районах, по-видимому, уже во II в. происходит вытеснение зеркал рассматриваемого типа зеркалами с центральной петлей, широко распространенными в памятниках раннего средневековья, но в центральных районах Северного Кавказа неоднократно встречающихся в комплексах II-III вв.[28]/./рис.1, 19-20, 25/. Переходным между этими двумя типами, возможно, является зеркало из Зилги[29], отверстие для подвешивания на котором находится в верхней слегка оттянутой части диска, а утолщение в центре сквозного отверстия еще не имеет /рис.1,14/.

Зеркала III варианта исчисляются всего несколькими экземплярами. Они представляют собой плоские, иногда очень тонкие диски, гладкие с обеих сторон. Встречаются они в сарматских памятниках Поволжья /рис.1, 47/[30], один экземпляр найден в Карповке на Маныче и один - в

27/ Е.П.Алексеева. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкесии. Тр.КЧНИИ, вып.У, 1966, стр.168-169, рис.1,4.

28/ Алхасте, раск.Е.И.Крупнова, ГИМ, инв.№ 79845; Корца, рас.В.И.Долбежева, 1892 г., ГИМ, инв.№28556-28565; Карабудахкентский могильник № 3, раскопки К.Ф.Смирнова, см.К.Ф.Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени ... стр.215, рис.39, № 133.

29/ Кабардино-Балкарская АССР. Раскопки В.Ф.Миллера 1886 г. ГИМ, инв.№ 98869.

30/ II Бережновский мог.; Альт-Веймар.

Карабудахкентском могильнике № 3 /рис.1, 30/[31]. На территории горных районов Северного Кавказа такие зеркала не найдены. Все известные экземпляры этих зеркал обнаружены в комплексах II-III вв. н.э. Это позволяет, в противовес А.М.Хазанову, говорить о том, что развитие зеркал рассматриваемого типа /с боковым ушком/ шло не от плоских зеркал, а от более ранних профилированных зеркал кавказского типа, хотя для территории Поволжья нельзя не учитывать и восточного влияния.

Что касается зеркал 1 варианта, то широкое распространение их в памятниках кобанской культуры позднего ее этапа позволяет предполагать местное производство их в этих областях. Однако при этом нельзя не учитывать того факта, что в памятниках кобанской культуры более раннего времени /в том числе и классической Кобани/ зеркала не встречаются совершенно, поэтому производство их, по-видимому, велось по заимствованному образцу. Причем заимствование это шло очевидно с территории Прикубанья, где имеются более ранние их прототипы.

Анализы серий зеркал этого типа, проведенные Т.Б. Барцевой, показали, что зеркала 1 и II вариантов имеют одинаковый состав, независимо от места их нахождения /Северный Кавказ и сарматское Поволжье/, в то время как зеркала других типов этого времени на территории Поволжья отличаются по своему составу, приближаясь к изделиям более ранней, прохоровской эпохи /Мечет-Сай/. Ту же самую картину дают и зеркала Северного Причерноморья[32]. Это, по-видимому, может служить подтверждением кавказского происхождения зеркал рассматриваемого типа.

31/ К.Ф.Смирнов. Грунтовые могильники ... стр.216, рис.40, № 64.

32/ См.статью Т.Б.Барцевой в настоящем сборнике.

Более точная и детальная хронология этих зеркал, время их бытования, в частности, в отдельных районах Северного Кавказа, может быть установлена только после получения в результате новых раскопок хорошо датированных экземпляров. Сейчас подавляющее большинство этих зеркал происходит из горных районов, но и изученность этих районов на сегодняшний день гораздо лучшая, чем предгорных.

ПРИЛОЖЕНИЕ К РИС.1

Северный Кавказ: 1,2,21,25,27 - Корца; 3 - Кобань, Сев.кладбище; 4,12,29 - Нижне-Джулатский могильник; 5 - ущелье Чегем; 6,7,8,13,17 - Чми; 9 - Кобань, собр.Зичи; 10,11,30 - Карабудахкентский мог. № 1; 14 - Зилги; 15,16 - Камунта; 18 - Тарки; 19 - Кобань, Зап.кладбище; 20 - Алхасте; 22,26,28 - Горная Чечня; 23 - Пседахе; 24 - Карачаевск, 27 - шахта. Прикубанье: 31,32 - х.Саньков; 33 - Усть Лабинский мог-к; 34 - ст.Владимирская; 35 - ст.Тифлисская; 36 - Краснодар; 37 - 40 - Ясеневая Поляна.

Поволжье: 41,50,51 - Харьковка; 42 - Норка; 43,48 - I Бережновский мог; 44 - Иловля, 45 - Ново-Бережновка; 46-47 - II Бережновский мог.; 49 - Кано; 52 - Можары.

Г.Б.БАРЦЕВА

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СПЕКТРАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЗЕРКАЛ-ПОДВЕСОК ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА

В лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР было исследовано 25 зеркал-подвесок с боковым ушком, относящихся к сарматскому времени. Проанализированы зеркала из могильников Нижний Джулат, Царца, "Беахни-Куп", Кумбулты, Камунты, Верхнего Кобана, Клин-Яра, Корцы, Чанибы. Для сравнительных химических и металлургических характеристик металла зеркал-подвесок Северного Кавказа с сарматскими зеркалами рубежа н.э. с других территорий нами были привлечены анализы 26 зеркал из памятников Поволжья, Украины, Молдавии, Кубани, городов Северного Причерноморья, а также зеркала южноуральского памятника Мечет-Сай, датированного IУ-Ш вв. до н.э.[1].

До сих пор подобных работ по исследованию цветного металла сарматского времени с территории Северного Кавказа не проводилось. Изученная же серия с боковым ушком не велика, и поэтому выводы данной работы будут носить предварительный характер.

При работе с коллекцией зеркал решались с помощью методов математической статистики вопросы о характере употреблявшихся сплавов и вопросы происхождения металла, которые для разбираемого времени связаны с определенными трудностями[2].

Общая таблица анализов сарматских зеркал Кавказа /см.приложение/ и составленные на основании таблицы гис-

---

1/ К.Ф.Смирнов. Савроматы, 1964, стр.238.

2/ Т.Б.Барцева, Е.Н.Черных. О спектроаналитических исследованиях цветного металла черняховской культуры. СА, 1968, № 2, стр.93-94.

тограммы распределения всех важнейших диагностических признаков /см.рис.1 гистограммы/ показывают, что все проанализированные зеркала изготовлены из сплавов на медной основе с примесями олова, свинца, висмута, серебра, кобальта, сурьмы, мышьяка, цинка, никеля.

Гистограммы олова и свинца, а также график корреляционной зависимости этих элементов /рис.2/ позволили выделить металлургическую группу оловянистых бронз, из которых изготовлены все проанализированные зеркала-подвески с боковым ушком. В бронзах олово искусственно введено в сплав в концентрациях от 3 до 30%, имеется также свинец в концентрациях от 0,35 до 6,5%. Однако, установить границу, с которой примесь свинца можно считать искусственной, на графике затруднительно. Можно лишь полагать, что большие концентрации свинца попали в медь не случайно.

Наряду с ведущим металлическим рецептом в металле двух исследованных зеркал из могильника "Царца", "Беахни-Куп" и Камунта помимо олова и свинца в концентрациях 3 и 4,5% была введена сурьма, в результате чего образовался сложный оловяно-свинцово-сурьмянистый сплав /рис.3/.

При определении рудных источников исследованного металла для изготовления зеркал интересным является анализ гистограмм сурьмы, мышьяка, серебра, цинка, кобальта /рис.1/.

Гистограммы сурьмы и мышьяка и график корреляционной зависимости этих элементов /рис.3/ позволяют выделить три зеркала, где отсутствует мышьяк. Еще более интересным это наблюдение выглядит и потому, что в группу попали два зеркала с орнаментом /могильник Нижний Джулат и Кумбулта/. Вероятно, металл рудного источника, который дал сырье для этих изделий, отличался от металла, из которого изготовлялась основная масса зеркал.

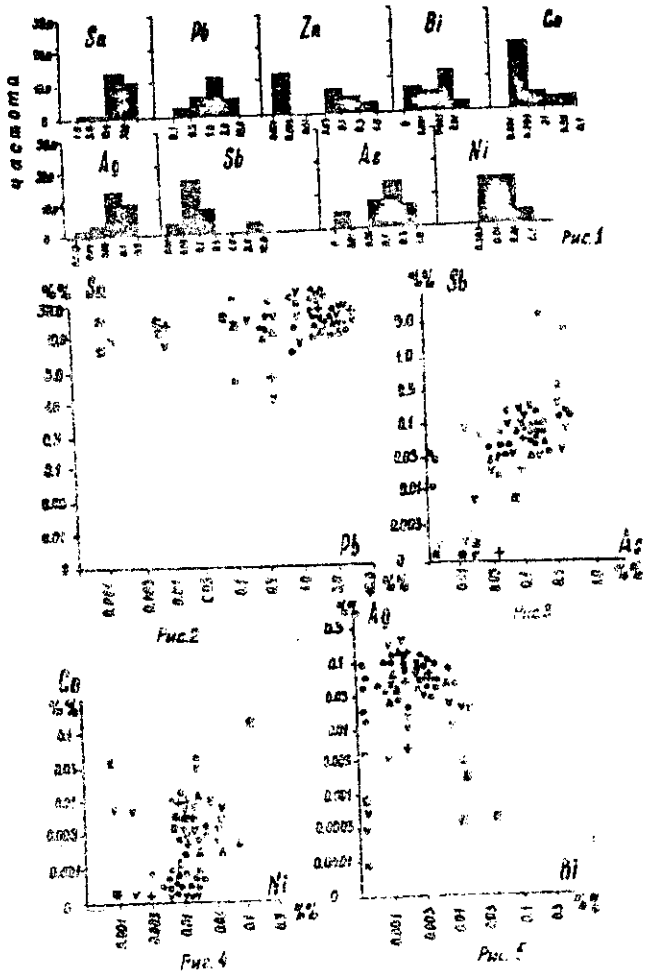


ТАБЛ.1. ГИСТОГРАММЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ВАЖНЕЙШИХ ДИАГНОСТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ И ГРАФИКИ КОРРЕЛЯЦИОННОЙ ЗАВИСИМОСТИ

В целом, металл кавказских зеркал-подвесок повторяет химические и металлургические характеристики металла позднекобанского времени, что позволяет говорить о местном кавказском производстве разбираемого типа изделий. Химические и металлургические характеристики зеркал-подвесок, привлеченных для аналогий с территорий Северного Причерноморья, Кубани, Поволжья, показывают полное сходство металларазбираемого вида зеркал-подвесок этих территорий с кавказскими /рис.2-5/. Возможно поэтому предполагать импорт с Кавказа зеркал-подвесок. Но при общем сходстве металла указанных географических районов интересно заметить и некоторые отличия. Показательны более высокие содержания кобальта в металле части зеркал Северного Причерноморья. При этом высокие содержания кобальта дают так называемые зеркала-диски, типологически отличные от зеркал-подвесок с боковым ушком. Возможно, при изготовлении зеркал-дисков употреблялся металл Балкано-Карпатского рудного региона, характеризующегося высокими содержаниями этого элемента[3/].

Еще более резкие отличия по металлургическим и химическим показателям выявлены при сравнении металла Кавказа и южноуральского могильника Мечет-Сай /рис. 2-5/. Различаются зеркала Мечет-Сая и зеркала-подвески с боковым ушком и типологически. Рудные источники, давшие металл для южноуральских изделий, абсолютно отличны от кавказских.

Из всей же серии исследованных зеркал Поволжья ближе всего к мечетсайским по своим химико-металлургическим показателям стоит зеркало из Харьковки /рис.3/, тип которого весьма своеобразен и отличается от зеркал-подвесок.

3/ Е.Н.Черных. История древнейшей металлургии. М, 1966, стр.80-82.

Подводя итоги,можно сказать следующее:

1. Зеркала-подвески с боковым ушком на Кавказе были продуктами местного производства. Они повторяют полностью металлургические традиции.более раннего времени. Сравнение состава металла зеркал с коллекциями позднекобанских памятников подтверждает местное производство и сохранение древних металлургических традиций.

2. Основным металлургическим рецептом для кавказских зеркал были оловянистые бронзы с заметными искусственными примесями свинца.

3. Рудные источники, использовавшиеся на Кавказе для изготовления зеркал-подвесок с боковым ушком,не были едины.

4. Зеркала-подвески с боковым ушком на обширных территориях /Поволжье, Северное Причерноморье, Прикубанье/ в основном повторяют по химическим и металлургическим характеристикам зеркала Кавказа, что и позволяет говорить об их импорте из районов Северного Кавказа.

Пояснение к рисункам

Условные обозначения:
- ○ - зеркала с территории Кавказа.
- ∨ - зеркала с территории Северного Причерноморья.
- △ - зеркала памятников Кубани.
- \+ - " " Поволжья.
- ✳ - зеркала южноуральского могильника Мечет-Сая.

Рис.1. - гистограммы распределения важнейших примесей в меди зеркал-подвесок с территории Кавказа.

Рис.2. - график корреляционной зависимости между оловом-свинцом.

Рис.3. - график корреляционной зависимости между сурьмой-мышьяком.

Рис.4 - график корреляционной зависимости между кобальтом-никелем.

Рис.5 - график корреляционной зависимости между серебром-висмутом.

Шифр лаборатории	Наименование предмета, шифр или инвентарн. №	Cu	Sn	Pb	Zn	Ni	Ag	Sb	As	Fe	Mn	Co	Mo	Au
8260	Зеркало Верх. Кобан ГИМ. N25276	осн	>25	6,6	0,03	0.004	0.1	0.2	0.4	0.008	0.007	(0.005	–	[illegible]
8296	–"– Кобан. N54321	–"–	30	2,8	0,6	0.007	0.1	0.08	0.2	0.008	0.02	(0.005	–	[illegible]
8373	–"– –"– N3198	–"–	30	2,4	0,03	0.004	0.1	0.1	0.1	0.05	0.03	(0.003	0.001	[illegible]
8374	–"– –"– N –"–	–"–	30	2,4	0,1	0.001	0.1	0.08	0.1	0.2	0.008	0.01	–	[illegible]
8435	–"– Корца 55/38а	–"–	30	2,4	–	0.004	0.1	0.08	0.1	0.02	0.008	–	–	[illegible]
8442	–"– Кумбулта 55/45а	–"–	30	0,1	–	(0.001	0.04	0.05	–	0.01	0.005	–	–	[illegible]
8443	–"– –"– –"–	–"–	30	0,7	0,03	0.003	0.04	0.06	0.1	0.07	0.009	0.005	–	[illegible]
8478	–"– Корца 55/36а	–"–	20	2,4	0,1	0.002	0.1	0.22	0.1	0.07	0.002	0.001	–	[illegible]
8479	–"– –"– –"–	–"–	10	6,6	–	0.01	0.04	0.1	0.2	0.01	0.02	0.05	0.01	[illegible]
8530	–"– –"– 55/35а	–"–	30	0,35	0,3	0.001	0.1	0.05	0.1	0.05	0.02	0.003	–	[illegible]
8531	–"– –"– –"–	–"–	10	0,25	–	0.002	0.02	3	0.5	0.01	0.008	–	–	[illegible]
8558	–"– –"– 55/37б	–"–	1,8	0,1	0,03	–	0.004	0.02	0.04	[illegible]	0.004	0.001	0.01	[illegible]
8559	–"– –"– –"–	–"–	20	0,35	–	–	0.02	0.01	–	0.3	0.003	–	0.01	[illegible]
8714	–"– Саниба 65/44а	–"–	20	1,8	0,1	–	0.05	0.08	0.2	3	0.02	0.002	0.03	[illegible]
8718	–"– Чэни 45/51а	–"–	10	3,5	0,03	–	0.05	0.04	0.05	3	0.02	0.002	0.03	?
8897	–"– Клин-яр. кат. 7	–"–	5	0,7	–	0.004	0.03	0.08	0.2	0.02	0.005	–	–	[illegible]
10122	–"– Н.Джулат ГИМ 1561/46	–"–	10	2,3	–	0.005	0.06	0.04	0.2	0.02	0.02	0.003	–	[illegible]
10123	–"– –"– ГИМ 100673	–"–	10	2,3	0,1	0.006	0.03	0.08	0.04	0.05	0.008	0.01	–	[illegible]
10124	–"– –"– ГИМ 1561/46	–"–	>30	0,7	–	(0.001	0.06	0.04	?	0.01	0.02	–	–	[illegible]
10125	–"– –"– ГИМ 10/203	–"–	10	2,3	0,03	0.004	0.06	0.05	0.03	0.07	0.01	–	–	[illegible]
8614	–"– Царца „Беахникуп" N 34746	–"–	10	2,3	–	0.004	0.05	4.5	0.1	0.08	0.01	0.002	0.01	0.001
8615	–"– –"–	–"–	10	3,2	–	0.001	0.03	0.03	0.06	0.4	0.005	0.001	0.01	0.001
8616	–"– –"–	–"–	10	0,7	–	–	0.1	0.1	0.5	0.3	0.01	0.003	0.01	[illegible]
8617	–"– –"–	–"–	>30	2,3	0.04	0.005	0.05	0.06	0.06	0.01	0.008	0.001	–	[illegible]
8618	–"– –"–	–"–	10	3,2	0.01	0.002	0.1	[illegible]	0.5	0.08	0.02	–	0.01	[illegible]

ТАБЛ.П. ТАБЛИЦА АНАЛИЗОВ САРМАТСКИХ ЗЕРКАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА

А.П.СМИРНОВ

ГУННСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В КУЛЬТУРЕ ВОЛЖСКИХ БУЛГАР

Вопрос о роли гуннов в этногенезе народов Поволжья и Приуралья и в формировании их культуры остается пока неясным. До настоящего времени археологи не выделили в Приуралье и на Средней Волге памятники, которые бы безоговорочно можно было приписать гуннам. В литературе неоднократно отмечалось участие гуннов в истории Среднего Поволжья, в частности, их участие в сложении Булгарского царства. Однако, как правило, эти положения основывались на общеисторических соображениях, а не на конкретных материалах.

Несомненно, большая роль принадлежала сарматским племенам, которые к началу н.э. представляли собою разноэтничную массу, включавшую и прототюркоязычные племена. Сарматские племена сыграли большую роль в формировании культуры Булгарского царства. Так же велика их роль в истории культуры Хазарского каганата и салтовской культуре. Генезис форм салтовской культуры, дунайских и волжских болгар восходит к прототипам материальной культуры сармат не только более позднего, но и раннего времени. Население середины 1-го тысячелетия н.э., в результате прихода волн кочевников из Средней Азии и Казахстана, в своей основе было тюркизировано.

Пришли ли булгары из Азии, или их имя скрыто в числе многих племен, составляющих сарматскую конфедерацию племен, в настоящее время решить трудно. Во всяком случае, бесспорных данных о присутствии в числе племенных названий народов Азии этнонима булгар нет. Правда, М.И.Артамонов и В.Ф.Каховский, ссылаясь на Иакинфа,

считают пугур /бюгур или бугур/ булгарами[1]. В.Ф.Каховский отмечает булгар в составе племен чжоу, опираясь в этом вопросе на греческий анонимный хронограф 354 г.[2] Другое дело сувары-сивары, которых справедливо включают в гуннский союз племен и которые несомненно пришли из Азии. Это положение хорошо доказывается данными средневековых авторов. Некоторые исследователи на основе лингвистических соображений и анализа этнонима булгары причисляли булгар к числу тюркских народов.

Данный вопрос освещен в книге В.Ф.Каховского "Происхождение чувашского народа". Были ли булгары по своему происхождению тюрками, или же они были тюркизированными сарматами, решить трудно. Несомненно одно: ко времени появления на исторической арене /У век н.э./ они принадлежали к числу тюркоязычных народов. В.Ф.Каховский привел многочисленные данные, указывающие на роль гуннских племен в формировании культуры булгар и затем чувашей[3]. Им, в частности, отмечены некоторые общие элементы в керамическом материале.

В настоящее время, после издания результатов раскопок Иволгинского городища, стал ясен керамический комплекс гуннов времени около н.э., до их ухода на запад, и можно сравнить не только весьма близкие формы сосудов, пропорции, но и детали орнаментации. Таковы высокие вазы с линейным и волнистым орнаментом, в частности, двумя линиями и волной между ними, часто с вертикальным лощением. Эти вазы по своим пропорциям несколько отличаются

1/ Н.Я. Бичурин /Иакинф/. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М-Л, 1950-1953, т.II, стр. 209, 203.

2/ В.Ф. Каховский. Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 1963, стр. 239, 240.

3/ В.Ф.Каховский. Указ. соч., стр. 239.

от ваз кыргызских[4]. Отличаются они и по фактуре. Такие вазы послужили прототипами ряда сосудов этого типа в Восточной Европе. Известны они в салтовской культуре и несколько более ранних памятниках черняховской культуры, где они крайне редки. Примером может служить ваза или амфора из раскопок поселения у дер. Грушевки[5]. Этот сосуд совершенно аналогичен по общей форме и деталям и пропорциям сосуду с Иволгинского городища[6]. Особенно характерен орнамент и не только по типу, но и по технике нанесения, по фактуре, по его деталям.

Если сравнить всю совокупность орнаментации керамики Иволгинского городища, то ближе всего она будет булгарской. Там есть линейные узоры, проведенные широким резцом, крутая волна, прямоугольники, зачерченные в шахматном порядке, сетка из перекрещивающихся косых линий и, наконец самым интересным является спиральный, нанесенный в верхней части сосуда[7]. В булгарском материале в качестве сравнения можно указать спираль на стенке сосуда из собрания Казанского музея[8], линейный и волнистый узоры из числа тех, которые нанесены широким резцом[9].

4/ A.B.Davydove - The ivolga gorodische, Acta archaeologica tXX f. 3-4-1964

5/ Э.А. Сыманович. Поселения культуры полей погребений в районе города Никополя. История и археология юго-западных областей СССР, М, 1967, рис. 7-3.

6/ A.B.Davydova. Ук. соч. t. 6

7/ Ibid - t.8.9.

8/ А.П. Смирнов. Волжские булгары, М, 1951, стр. 187, рис. 118.

9/ Т.А.Хлебникова. Гончарное производство волжских болгар X- начала XIII вв. МИА, III, стр. 101, рис. 5

Нельзя также не отметить короткие отрезки вертикальных ложб_нок, нанесенных также резцом с широким краем[10], узоры из линий, расположенных в шахматном порядке[11]. Все это сближает керамический комплекс обитателей Ивол гинского городища и поселений Волжской Булгарии. Указанные типы орнамента появляются в Восточной Европе в первые века н.э. Интересен в этом отношении Танаис, где аналогичный линейный узор встречен в слоях IУ-У века [12]. В более ранних слоях орнамент, нанесенный широким рез в виде отдельных линий, разделенных небольшими интерва лами, не встречается. Точно так же, как и нет зонного ли нейного орнамента, разделенного интервалами. Вся эта о наментика связана с гуннами, с тем смешанным сарматск населением, которое в первые века нашей эры перемешал с пришельцами с востока. В связи с данным вопросом при дется коснуться керамики со спиральным орнаментом, от дельные сосуды и фрагменты которой отнесены к эпохе са роматов. Один обломок происходит из сборов на развеян дюнах у станицы Сероглазово на р. Актубе, материал кото рых К.Ф.Смирнов отнес к концу эпохи бронзы и началу ран него железного века. Там, среди обломков керамики имее ся два бронзовых наконечника скифских стрел архаическог типа и обломки посуды, которые могут быть датированы вплоть до первых веков нашей эры. Среди этой посуды есть один обломок со спиральным узором, по композиции н сколько напоминающим аналогичные обломки с Ивольгинско городища [13]. Нельзя не заметить, что паспорт данного со ания дает основание не считаться с этим материалом и отвести его как недостоверный.

10/ Т.А.Хлебникова. Указ. соч., рис. 5, 28-30

11/ Т.А.Хлебникова. Указ. соч., рис. 5-32.

12/ Дата указана мне Т. Арсеньевой, за что ей благода рен.

13/ К.Ф.Смирнов. Савроматы. М, 1964, стр.296, рис.4-28.

Близкая спираль встречена на круглодонном сосуде с выступом из кургана № 2 у с.Варна[14]. Систематизируя керамический материал савромат, К.Ф.Смирнов выделил тип круглодонной посуды, в числе которой им отмечена группа сосудов с шаровидным или эллипсовидным туловом. Керамика этого вида по его данным, появляется уже в У веке до н.э., причем наиболее ранние экземпляры известны только в северо-восточном районе Приуралья. Сюда и отнесен сосуд из Варны[15].

Должен заметить, что отмеченный в данном случае сосуд имеет ручку или точнее выступ. Сосуд из Варны попал и в систематику памятников савроматской культуры, будучи датирован У в. до н.э. на основании данных раскопок В.С.Стоколоса[16]. Курган № 2, в котором найден этот сосуд, принадлежит к числу сложных курганов, основание которого датируется андроновской эпохой. Более позднее сооружение, судя по находке псалия, может быть датировано савроматским временем. По замыслу В.С. Стоколоса, курган должен был быть исследован при помощи системы траншей для снятия всей насыпи. Однако погода не позволила довести начатые работы до конца, и раскопки ограничились одной траншеей. Как отмечает исследователь, насыпь прорезали грабительские ходы[17]. Ввиду незавершенности работ, трудно решить вопрос о принадлежности данного сосуда к савроматскому времени. Он найден отдельно от псалия, вне глинобитного сооружения, отдельно от костных остатков, рядом с другим сосудиком.

14/ К.Ф.Смирнов. Ук. соч., стр. 359, рис. 6,7,9.

15/ К.Ф.Смирнов. Ук. соч., стр.114-115.

16/ К.Ф. Смирнов, В.Г.Петренко. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. САИ Д 1-9, М, 1963, стр.17, № 191, табл. 9, рис. 13.

17/ В.С.Стоколос. Археологические исследования Челябинского областного музея. Вопросы археологии Урала, вып.2. Свердловск, 1962, стр. 21.

В.С.Стоколос датирует погребения с сожжением по сосудам, привлекая в качестве аналогии Клястицкий курган близ Троицка второй половины У века до н.э., а может быть конца этого времени [18]. Нельзя не обратить внимания на форму Клястицкого сосуда, совершенно иную, чем форма сосуда у с.Варны. Ничего общего не имеет и так называемый орнамент, представляющий собою линию неповторяемых и асимметричных изображений, которые, по мнению Н.П.Кипарисовой и К.В.Сальникова, и не могли быть орнаментом [19], а скорее пиктограммой, может быть, находящейся на пути к письменным знакам.

Некоторые исследователи допускали зачатки письменности в предшествующее время, у племен срубной культуры [20]. Н.П.Кипарисова и К.В.Сальников не считали возможным изображения на клистицком сосуде выводить из орнаментальных мотивов ни савроматской, ни предшествующей эпохи.

Для нас самое важное заключается в том, что материал кургана № 2 у с.Варна не может быть сопоставлен с курганом у с.Клястицкого. Сосуды из этих курганов различны и по форме и по орнаментации. Следовать В.С.Стоколосу и датировать варнинский сосуд по клястицкому нельзя. Самый курган в настоящее время (на существующем уровне исследования) едва ли может быть использован для характеристики савроматской культуры. Его состояние и степень исследованности заставляет исключить его из числа бесспорных савроматских памятников, тем более, что данные формы керамики весьма характерны для последующей, прохоровской культуры и не только раннего ее этапа, но и позднего [21]. Пожалуй, более правильным будет сравнить данный сосуд, точнее его орнаментальные элементы с гуннскими и видеть в так называемых "рогах барана" волюты, спирали, распространенные в керамике Иволгинского городища. Нельзя не отметить близость гуннской спирали к орнаменту на обломке сосуда, происходящего с развеянной дюны у ст. Сероглазово на р.Ахтубе [22].

18/ Н.П.Кипарисова, К.В.Сальников. Савроматское погребение близ г.Троицка, СА, 1958, № 2, стр. 248
19/ Там же, стр. 249
20/ Н.П.Кипарисова, К.В.Сальников. Ук.соч., стр. 249

Гуннские племена появились в пределах Восточного Приуралья около начала н.э. [23]. Отмеченные выше керамические материалы савромат производят чуждое впечатление, а в материалах эпохи гуннов они присутствуют органически.

Круглодонный сосуд из Варны не может быть датирован только савроматским временем, или точнее, У в. до н.э. Такие сосуды, как выше отмечено, известны и позднее, и встречаются в сарматских курганах прохоровского времени и первых вв. н.э.

Для этих сосудов характерны изображения, которые едва ли можно считать орнаментом. Как пример можно привести курган у села Сартатка [24], который не имеет точной датировки.

Весь материал, который здесь приведен, заставляет с сомнением отнестись к установившейся датировке сосудов с волютами и позволяет условно отнести погребения и сосуды с волютами ко времени около начала н.э. Вероятнее всего, данные орнаментальные сюжеты, занесенные гуннами, попали на сосуды круглодонной формы, характерной для сарматского населения.

Для решения вопроса о гуннском компоненте в культуре волжских булгар немаловажное значение имеют находки с древних стойбищ по

21/ М.Г.Мошкова. Памятники прохоровской культуры. САИ Д 1-10. М, 1963, табл.13-1,4,5; табл.9-18, 19; табл.7-2,3,19.
22/ К.Ф.Смирнов. Ук.соч., стр. 296, рис.4-28.
23/ А.Н.Бернштам. Очерк истории гуннов. Л, 1951, стр.77, стр.79, прим.3.
24/ В.П.Левашева. Два сосуда из курганов Омской области. КСИИМК, вып. XX, 1948, стр.86.

р.Боянкольчику, а также ряда мест в Каа-Хемском районе Тувы, иссл
дованных первоначально С.А.Теплоуховым, а затем Л.Р.Кызласовым.
Там были вещи, аналогичные находкам с Иволгинского городища 25/.
В их числе весьма интересны обломки вазы и горшков. Один больше
сосуд типа вазы из хорошо отмученного теста с белыми известковы
включениями, высокого обжига, приготовленный на ручном гончарно
круге, повторяет иволгинские прототипы. Поверхность его покрыта
полосами вертикального лощения. Отогнутый наружу венчик имеет ха
рактерный для булгарской посуды уступ. По плечику проходит налеп
венчик. Подобные вещи довольно часты в раннегуннских памятниках
Приведенные данные не оставляют сомнения в наличии гуннских эле
ментов в культуре волжских булгар. Вероятнее всего, это и были сав
ры или сувары, которых византийские историки всегда включали в сос
тав гуннов.

В наших сопоставлениях материалов гуннов времени рубежа
н.э. с булгарским X—XII вв.н.э. имеется большой хронологический раз
рыв, который при современном состоянии нашего знания мы заполнить
почти не можем. Керамику с отмеченными весьма характерными специ
фическими чертами мы не знаем в других культурах первого тысячеле
тия н.э. и не можем указать ее ни на Среднем Поволжье, ни в Западном
Приуралье. Этих специфических черт гуннской культуры нет и в имень
ковской культуре, которую некоторые исследователи приписывают древ
ним тюркам. Можно предполагать, что савиры, появившиеся довольно
рано в Восточном Приуралье, в первые столетия попали на Восточный
Кавказ, где они известны по историческим данным в V в. н.э. Здесь они
принимали активное участие в политической жизни Ирана и Византии 27/.

25/ Л.Р.Кызласов. О памятниках ранних гуннов. МИА, 169, М, 1969, стр. 115
26/ Там же, стр. 121.
27/ М.И.Артамонов. История хазар. М, 1962, стр. 69 и сл.

Здесь они в большой степени сохранили элементы своей ранней культуры. Несколько позднее в составе булгарской орды они ушли с юга, основав в Среднем Поволжье город Сувар, сыгравший значительную роль в политической жизни государства.

Булгарская гончарная керамика не имеет никаких связей с керамикой предшествующего времени на этой территории, где мы не знаем ни таких форм, ни орнаментации, ни фактуры.

В литературе неоднократно высказывались мнения, что булгарское керамическое производство сложилось из форм сарматской керамики и ремесла городов Северного Причерноморья. Однако, анализ материала не давал возможности объяснить происхождение всех элементов из указанных двух источников. Оставались неясными генезис крупных сосудов в виде ваз, отогнутый венчик с уступом и некоторые орнаментальные мотивы, которые кроме древней гуннской посуды, известны в керамике с некоторых поселений нашего юга в первом тысячелетии н.э. и куда они могли попасть вместе с гуннами. Мысль, высказанная В.Ф.Каховским о наличии ряда гуннских элементов в культуре Волжской Булгарии, находит подтверждение в приведенном керамическом материале.

Н.В.ТРУБНИКОВА

ФИГУРКА МЕДВЕДЯ ИЗ ИВАНЬКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

На высоком холме, на берегу р.Суры, у д.Иваньково, в Ядринском районе Чувашской АССР расположен древний могильник[1].

Среди предметов, найденных при раскопках в 1969 году, особый интерес представляет фигурка медведя. Фигурка небольшая /длина ее ок.6,5 см, высота ок.3 см/, бронзовая, полая внутри. Сохранность ее в целом хорошая, отломаны лишь кусочек нижней части спины и одна нога /рис.1/.

Медведь изображен идущим, со слегка опущенной головой. В целом изображение очень реалистическое, хорошо передана несколько округленная спина зверя, небольшие впадины сбоку на животе между передними и задними ногами, морда с круглыми ушами, маленькие глазки; нос и рот намечены. Хорошо сделана передняя пара ног с пальцами на них. Фигурка литая. Отливка произведена, по-видимому, по восковой модели.

На спине круглое отверстие для подвешивания. Фигурка являлась подвеской-украшением, вероятней всего пояса.

1/ Могильник исследовался в 1926 г. П.П.Ефименко и в 1957 г. Н.В.Трубниковой. См.: Н.В.Трубникова. Отчет о работе 2-го отряда Чувашской Арх.экспедиции за 1957 г. Ученые записки ЧНИИЯЛ и Э, вып.XIX, 1960 г., стр.50-59. П.П.Ефименко. Средне-волжская экспедиция 1926-1927 гг., Сообщение ГАИМКа, II, л.1929, стр.160-173. Описываемая фигурка была найдена при погребении - трупосожжении /№ 5/ в берестяной коробочке вместе с украшениями головного убора в виде подвесок с вогнутыми бочками на спиралях и железной гривной, с бронзовой проволочной обмоткой и бусами.

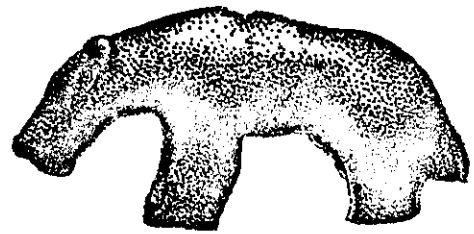


Рис.1. ФИГУРКА МЕДВЕДЯ ИЗ ИВАНЬКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Находка подобной фигурки представляет интерес со всех точек зрения - и как памятника искусства, и как предмета, характеризующего религиозные воззрения того времени.

Изображения медведей в памятниках лесного севера и средней полосы Восточной Европы, Приуралья и Западной Сибири известны в большом количестве, имеются экземпляры стилистически довольно близкие описываемому предмету. Поэтому сразу же отброшу изображения медведей, не представляющие близкой аналогии, только укажу, что подобные изображения известны в этих местах с глубокой древности, с эпохи неолита[2], также как имеются они и в более позднее, уже засвидетельствованное письменными источниками время[3].

2/ С.В.Студзицкая. Образ зверя в мелкой пластике сибирских племен в эпоху неолита и ранней бронзы. Сб.экспедиции Гос.Исторического музея, М, 1969, стр.39-63

3/ Е.И.Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. М, 1961, МИА, № 94, стр.137-148. Н.Н.Воронин. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке. Краеведческие записи Гос.Ярославо-Ростовского ист.-архит.музея. Я, 1960, стр.25-54.

А.В.Збруева, характеризуя культуру ананьинских племен, указывает на большую распространенность изображений медведя на различных предметах; например, костяных лопаточках[4]. Здесь уместно высказать предположение о назначении подобных предметов из раскопок. По данным этнографии, они употреблялись при особых медвежьих праздниках[5].

Имеются фигурки медведей из памятников 1-го тысячелетия н.э. С сарматским временем связывает подобные изображения А.П.Смирнов[6].

Разбирая напластования Гляденовского костища, А.П. Смирнов связывает слой с фигурками животных, с IУ-УП веками н.э.

Действительно, среди находок Гляденовского костища имеются фигурки медведей. /В работе Н.Н.Новокрещенных на табл.IX фиг.IO и на табл. У1, фиг.14[7]. Первая из них является также подвеской и имеет отверстие на спине. Причем, довольно близок общий стиль изображения, но есть и отличия - стоячие острые ушки, довольно острая мордочка. Острые ушки, острая мордочка отличают также и фигурки, изображенные на табл.У1, 14 в работе Н.Н.Новокрещенных.

Очень похожими на Гляденовские являются фигурки медведей из Козловского могильника в Тюменской области из раскопок В.Н.Чернецова /ГИМ № 95651/.

4/ А.В.Збруева. Прикамье в ананьинскую эпоху. МИА, №30, стр.132.

5/ Б.А.Васильев. Медвежий праздник. СЭ, № 4, за 1948 г., стр.78-104.

6/ А.П.Смирнов Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, М, 1952, стр.82 и сл.

7/ Н.Н.Новокрещенных. Гляденовское костище Пермской губернии на р.Каме. Труды Пермской губ. Ученой архивной комиссии, в X1. Пермь, 1914 г.

Близкими, по общей трактовке, будут также фигурки медведей /тоже подвески/ из могильников Башкирии начала и середины 1-го тысячелетия н.э., из Бирского и Бахмутинского могильников[8-9].

Сходные изображения имеются и среди находок на севере. Ряд деталей изображения сближают нашу фигурку с фигуркой медведя из Ванвиздина: круглые широко расставленные уши, четкая прорисовка пальцев на ногах. Автор исследования Г.М.Буров связывает находки из верхнего напластования этого памятника с серединой и второй половиной 1 тысячелетия н.э.

Хочется выбрать из числа всех этих довольно многочисленных фигурок медведя более близкие. Таковыми, на мой взгляд, оказываются фигурки второй половины 1-го тысячелетия. Ряд таких фигурок был издан А.А.Спицыным.

Фигурка идущего медведя, с несколько скругленной спиной, опущенной головой имеется в Красноярском музее. Она была в свое время опубликована А.Ермолаевым[10], который связывал подобные изображения с 1У-У1 вв. н.э. А целая серия таких предметов из Прикамья, связываемых с УП, УШ-1X вв., входит в состав коллекции Теплоухова. Имеется фигурка медведя в составе Турбинского клада середины 1-го тысячелетия н.э.[11].

Стилистическая близость нашей подвески с этими изображениями выражается, например, в трактовке уха, маленького круглого, обведенного внутри второй рельефной линией, маленькие круглые глазки, прочерченный рот, скругленная сзади спина.

8/ А.П.Смирнов. Железный век Башкирии, стр.51.

9/ Н.А.Мажитов. Бахмутинская культура, М, 1968, таб.7.

10/ А.Ермолаев. Ишимская коллекция. Красн. 1914.

11/ А.А.Спицын. Древности Камской Чуди, СПб, 1902, табл.IX [illegible] табл.XXXVI, 13.

Хронологическое отнесение всех этих находок довольно неопределенно и дата их довольно расплывчата. Как мы уже пытались показать по ряду стилистических деталей, наша фигурка ближе всего к памятникам середины и второй половины 1-го тысячелетия н.э. Постараемся уточнить эту дату, связывая манеру и стилистические детали на этих различных фигурках из ранних памятников, с остальными находками из этого погребения /№ 5/ и могильника. Иваньковский могильник не является ранним, большая часть предметов из его погребений связывается с У, У1, УII вв. Найденные вместе с фигуркой медведя подвески в виде коробочек бытовали очень долгое время. В погребении № 5 они связываются с косником, они небольшие и по форме близки к подобным украшениям второй половины 1-го тысячелетия. На дату У1-УII веков указывают пряжки-сюльгамы "с усами", трапецевидные подвески из погребения № 3, раскопок 1969 года. На это же время указывают и предметы из раскопок 1957 г. и более ранних раскопок П.П.Ефименко. Постараемся связать эти стилистические детали изображения медведя с хронологией погребений могильника в целом и получим, как мне кажется, дату погребения № 5 - У1-УII век. Для фигурки же медведя, которая могла существовать и до этого, эту дату можно несколько удревнить и считать фигурку медведя несколько более ранней, относящейся может быть к У-У1 векам.

По этнографической литературе и фольклору хорошо прослеживаются черты религиозно-магического почитания этого зверя. Культу медведя посвящена большая литература[12]. Имеется описание специальных медвежьих праздников у обских угров, например, у манси. Следы этого почитания прослежены рядом авторов по историческим и археологическим материалам; медвежьи черепа, просверленные клыки - обычная находка при раскопках.

12/ Н.Л.Гондатти. Следы язычества у инородцев северо-западной Сибири. М, 1888 г.

Следы почитания медведя прослеживаются на очень большой территории лесного севера, северо-востока Европы, Сибири и Дальнего Востока. Медведь-священный зверь, хозяин тайги, естественно почитание его охотниками.

Конечно, по отрывочным данным, сохранившимся в этнографии, невозможно в настоящее время восстановить картину почитания этого зверя в древности. Б.А.Васильев в своей работе, например, приводит названия медведя у разных народностей, за которыми только можно угадывать существовавшие в древности серии мифов, например, медведь - князь зверей у якутов, сын горного бога, или просто горный бог у айнов, царь скал - у тувинцев и т.д. У манси он сын, иногда дочь бога Нуми - торыма. Известны песни, например:

- "Сидишь ты, как великий Торым ...

... Почитают тебя великим торымом" 13/.

Н.Л.Гондатти, исследовавший религиозные представления у народов Северо-западной Сибири, указывал, что манси смотрят на медведя, как на посланника с неба, он познакомил людей с добычей огня[14].

На специальных медвежьих праздниках, по случаю удачной охоты на медведя, устраиваются особые представления, на которых поют про медведя.

Очень распространено представление о медведе, или медведице, как о превращенном человеке. Во всяком случае, медведь-существо близкое человеку, он имеет душу[15].

13/ Б.А.Васильев. Медвежий праздник. СЭ № 4 за 1948 г., стр.78-104. Е.А.Алексеенко. Культ медведя у хантов. СЭ, 1960 г. № 4, стр.90-104

14/ Н.Л.Гондатти. Следы язычества у инородцев Северо-западной Сибири. М, 1888, стр.71.

15/ Е.А.Алексеенко. Культ медведя у хантов. СЭ, 1960 г. № 4, стр.90-104.

Подобные представления о медведе сохранились у мордвы. Существует большое количество сказок, где медведь является действующим лицом. Такие сказки были записаны у мордвы[16], например, сказка "Злая мачеха и медведь", "Медведь и репа", "Портной, медведь и нечистый" и другие. Многие из них очень близки русским. В сведениях, приводимых А.Шахматовым, имеются также сообщения о следах былого почитания медведя у мордвы. "Одна старушка рассказала:

"Ведь медведи проклятые люди. В старину проклянут человека, он обернется медведем. У медведя ноги тоже человечьи и пятки тоже"[17].

Находка подобной фигурки в Иваньковском могильнике на Суре свидетельствует о почитании медведя и в этих местах, племенами поздне-городецкими. Условия находки не дают указаний на то, кто был погребен с фигуркой медведя. Сравнительная редкость подобных изображений в этих местах, мне кажется, может служить указанием, что наша фигурка не была просто амулетом, положенным в могилу наряду с другими украшениями, а скорей указывает на то, что погребенный в могиле человек /будь то мужчина или женщина/ выполнял в этом коллективе религиозно-магические функции /шамана/. Мне кажется, мы вправе высказать такое предположение.

Тем более, что имеется еще более определенное погребение в Кошибеевском могильнике, где был найден пояс, снабженный рядом таких "культовых шаманских" фигурок[18-19]. Тщательное изучение подобных находок может быть поможет восстановить картину верований древних мордовских племен.

16/ И.Н.Смирнов. Черемисы. Казань, 1889, стр.375 или образцы народной мордовской словесности, вып.II, стр.1883.

17/ А.А.Шахматов. Мордовский этнографический сборник. СПб, 1910, стр.160.

18/ А.А.Спицин. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, №25, СПб, 18.

19/ Н.В.Трубинова. Погребение шамана в Кошибеевском могильнике и верования позднегородецких племен. СА №3. М. 1969 г. стр.42-52.

А.В.УСПЕНСКАЯ

ОСТАТКИ ЮВЕЛИРНОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ГОРОДИЩЕ ПОДМОКЛОВО

Большой интерес для изучения местного ювелирного производства у верхнеокских племен первой половины 1 тысячелетия н.э. представляют украшения и остатки их производства, обнаруженные на городище Подмоклово.

Городище расположено на высоком мысу коренного берега Оки, в 0,5 км от села Подмоклово. С напольной стороны городище защищено валом и рвом.

Культурный слой, мощностью 1,2 м у склонов и 0,3 в центре площадки, состоял из двух, нечетко разграниченных горизонтов[1].

Наиболее интересные находки были сделаны в нижнем культурном слое, где обнаружено множество изделий из кости, глины, железа и бронзы, позволяющие датировать этот слой временем последних веков до н.э. и первой половины 1-го тысячелетия н.э. По ним можно составить представление о характере материальной культуры населения и близости ее культуре других Верхнеокских городищ этого времени[2].

Настоящая статья посвящена публикации найденных на городище ювелирных изделий, полуфабрикатов и орудий труда, связанных с ювелирным производством.

Из украшений прежде всего следует остановиться на фибуле-застежке, найденной при расчистке остатков наземного столбового жилища Ш-У вв. н.э. /рис.1,1/. В одном

1/ А.В.Успенская. Древнерусское поселение на городище Подмоклово. Сб. "Древности Восточной Европы". М, 1970, стр.245.

2/ Т.Н.Никольская. Культура племен бассейна Верхней Оки в 1 тыс.н.э. МИА, 72. М, 1959.

с данной находкой обнаружены небольшой чернолощеный горшок, железное зубильце, грузики "дьякова типа", глиняные пряслица и обломок железного серпа.

Верхняя часть фибулы представляет выпуклый умбоновидный диск из спирально соединенных проволочек, законченный бордюром из довольно крупной зерни. Нижняя часть - ажурный прямоугольник из филигранного переплетения, обратная сторона которого плоская. Внутри фибулы пропущен железный стержень, служивший для застегивания. Изготовлена фибула из бронзового сплава с помощью литья по восковой модели.

Бронзовые украшения, выполненные в той же технике, найдены на многих городищах первой половины 1 тысячелетия н.э. и даже на памятниках более раннего времени[3]. Однако таких фибул как наша, с очень сложным рисунком, известно только одна - аналогичная найдена на городище Дуркиха в Подмосковье, которая, к сожалению, не опубликована.

Привески в виде выпуклых дисков, напоминающих умбон, из спирально соединенных проволочек, также изготовленные путем литья по восковой модели, известны из раскопок Федяшевского и Троицкого городищ[4].

На другом участке городища, поблизости от остатков мастерской литейщика, обнаружены еще две фибулы, сохранившиеся не полностью. Одна из них представляет ажурную пластину из полусферических шариков, имитирующих зернь. На обратной стороне на концах напаяны петельки для прикрепления к одежде. Данная фибула, изготовленная также при помощи литья по восковой модели, имеет аналогии среди материала городища Соколовая гора Подольского

3/ А.Ф.Дубынин. Троицкое городище Подмосковья. СА, 1964. № 1, стр.190-191. С.А.Изюмова. Бронзолитейное производство Сатинского городища. СА, 1967, № 1, стр.122.

4/ Т.Н.Никольская, Указ. работа, стр.43; А.Ф.Дубынин. Указ. работа, стр.191.

района[5].

Другая фибула трапециевидной формы состоит из как бы спаянных бронзовых проволочек. По краям украшена филигранной проволокой и спиральными завитками в виде волют. Часть украшения утрачена.

Итак, все перечисленные вещи были отлиты по восковой модели, выполненной в технике так называемого "воскового вязания". Для отливки таких сложных фибул-застежек надо было изготовить сложную модель с филигранным узором, эсовидными завитками, проволочными переплетениями из провощенных нитей и шнуров. Затем в несколько приемов эта модель заливалась жидкой тонкоотмученной глиной, при этом каждый раз перед нанесением нового слоя глины она просушивалась. После этого форма сильно прокалялась, чтобы удалить из нее воск и остатки шнура. И каждый раз после одной отливки такие сложные формы приходилось разрушать.

Большой интерес представляют остатки мастерской литейщика, найденные на городище. Вблизи восточного склона нашего памятника, на глубине 0,5 м от современной поверхности обнаружена яма округлой формы /диаметр 0,8 м, глубина 0,25 м/, заполненная золой и мелкими угольками. С одной стороны стенка ямы была сильно прокалена. На краю ямы лежал большой четырехугольный камень, верхняя плоскость которого была выровнена и имела следы многих ударов по ней каким-то инструментом. В яме среди золы и углей найдены три глиняные льячки, бронзовый браслет, а также прослежены еле заметные зеленые пятна расплавленной меди. Льячки в виде небольших глиняных ковшиков с массивными длинными ручками имели сильно шлакированные стенки /0,7 см толщиной/. В

5/ П.В.Трубникова. Городище Соколовая гора под Москвой. Труды ГИМ, вып.37, М. 1960, стр.76-78.

одной из льячек сохранились следы расплавленной меди. Льячки, видимо, служили не только для разлива расплавленного металла, но и разогрева его на сильном огне. Подобные льячки неоднократно встречались на Верхнеокских городищах: Огубском, Свинуковском, Зайцевском, Синюковском, Сатинском и др.[6].

На Подмохловом городище найдены льячки и другой формы, которые напоминают круглые сковородки с диаметром дна 8-10 см и с толстыми краями высотой 4-5 см. Эти льячки также снабжены длинными ручками. Для выливания расплавленного металла в стенке льячки имеется отверстие диаметром около 1 см.

Возможно, эти льячки или ковшики служили также для разогрева металлических заготовок украшений перед их дальнейшей обработкой.

На расстоянии 1 метра к северу от вышеупомянутой зольной ямы найден обломок литейной формы из краснова-того песчаника, однако, сохранился лишь литник, а рисунок отливаемого предмета утрачен.

Кроме перечисленных находок, свидетельствующих о развитии бронзолитейного дела на городище, большой интерес представляют ювелирные изделия и заготовки для них, найденные в составе клада в северной части городища. Клад состоял из 4 предметов: спирального браслета и заготовки другого браслета из плосковыпуклой проволоки и двух спирально свернутых мотков проволоки, аналогичной той, из которой изготовлены браслеты; длина одного куска достигает 2,65 м, другого - 2,58 м. Первоначально, видимо, они составляли одну заготовку длиной более 5 м, потом почему-то ее разделили на две почти равные части, каждая часть имеет один конец закругленный, другой откушенный кусачками /рис.1,5/. Такой длины проволоку могли из-

6/ Т.Н.Никольская. Указ.работа, стр.103-104, 140; С.А.Изюмова. Указ.работа, стр. 129.

готовить только проковкой в специальной форме с желобками[7].

Браслет, найденный в составе клада, представляет собой спираль из 15 оборотов такой же кованой плосковыпуклой проволоки /рис.1, 3/. Длина проволоки, из которой сделан браслет, достигает трех метров, диаметр браслета 6,5 см. Концы его раскованы в тонкие пластины, украшенные по контуру круглыми углублениями, нанесенными чеканом в виде шильца. Браслеты такой формы широко распространены в восточно-финских и прибалтийских памятниках середины первого тысячелетия нашей эры.

Второй бласлет является полуфабрикатом, выкован из такой же плосковыпуклой проволоки, концы его закруглены и украшены орнаментом из нескольких насечек, имитирующих схематичную головку животного /рис.1,4/. Но это только заготовка, браслету не успели придать форму руки. Поблизости от найденного комплекса встречалась черная лощеная керамика Ш-У1 вв. н.э. и обломок серпа 1У-У вв. н.э.[8].

Таким образом, исходя из наличия вышеописанных остатков ювелирного производства, можно считать, что украшения, найденные в культурном слое городища Подмоклово, имеют местное происхождение.

Самым распространенным техническим приемом ювелирного дела на городище в середине первого тысячелетия н.э. было литье по восковой модели в глиняные литейные формы. Большого совершенства местные мастера достигли также в изготовлении проволоки и изделий из нее.

7/ Н.В.Рындина. Технология производства новгородских ювелирных изделий. МИА, 117, стр.212.

8/ В.П.Левашева. Сельское хозяйство в древней Руси. Труды ГИМ, вып.32, М, 1956, таблица.

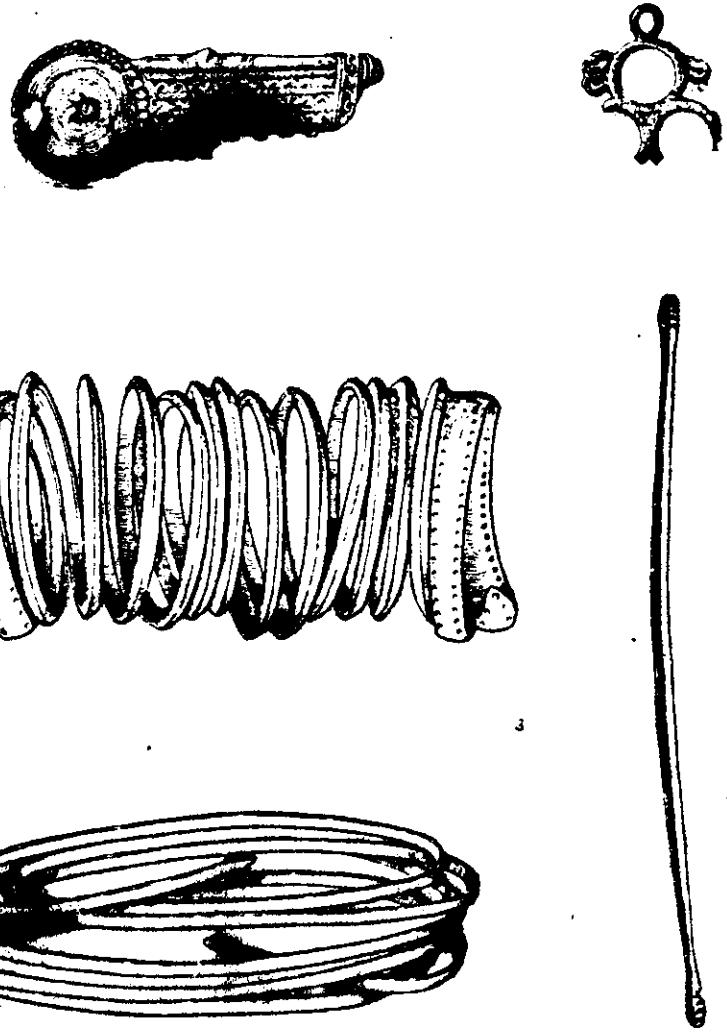


Рис.1. ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ С ГОРОДИЩА ПОДМОКЛОВО

Н.В.ТУХТИНА

ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ПОГРЕБЕННЫХ В КУРГАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ

В 1895 г. исследователь приладожских курганов Н.Е.Брандербург определил их культуру как несомненно финскую. А.А.Спицын отметил, что приладожские курганы в отношении этнической принадлежности погребенных отличны от некрополей, оставленных соседними племенами, и тяготеют к северо-западу, будучи ближе всего к древностям Готланда и Аландских островов 1/.

Большая заслуга в определении этнической принадлежности приладожского населения принадлежит лингвистам. Д.В.Бубрих считал Приладожье прародиной Веси. Этой же точки зрения придерживались Н.И.Богданов, П.А.Аристэ и Х.А.Моора 2/. Между этими исследователями имеются лишь небольшие разногласия относительно времени появления Весивепсов в Приладожье.

1/ Н.Е.Брандербург. Курганы южного Приладожья. МАР, № 18, СПб, 1895, стр. XII–XУ.

2/ Д.В.Бубрих. О двух этнических элементах в составе карельского народа. Уч. зап. ЛГУ, серия востоковедческих наук, в.2, Л, 1948; Н.И.Богданов. Народность вепсы и их язык. Прибалтийско-финское языкознание. Труды К–Ф филиала АН СССР, вып. XII. Петрозаводск, 1958, стр.70; П.А.Аристэ. Формирование прибалтийско-финских языков в древнейший период их развития. Сб. "Вопросы этнической истории эстонского народа". Таллин, 1956, стр. 15; Х.А.Моора. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. Там же, стр. 49.

В.И.Равдоникас в своих ранних работах рассматривал интересующие нас курганы тоже как памятники Веси, но со временем изменил свою точку зрения 3/. Он пришел к заключению, что в Приладожье происходил процесс формирования лишь карельской народности, а племя Весь занимало территорию вокруг Белого озера, т.е. тот район, где по данным летописи это племя обитало 4/.

Точку зрения В.И.Равдоникаса разделяли и другие исследователи, в частности, А.М.Линевский 5/. В 1934 г. Я.В.Станкевич в диссертации, посвященной хронологической классификации приладожских погребений, вновь высказалась за их вепсскую принадлежность, не приведя, правда, аргументированных доказательств 6/.

После выхода в свет работы В.В.Пименова "Вепсы", в которой дана этническая история интересующего нас народа и определено историческое место Веси и современных вепсов, нельзя уже говорить, как раньше, что племя Весь представляет собой загадку. Автор пришел к заключению, что население Приладожья в X–XI вв. было однородным и что этот район был заселен только Весью 7/.

3/ В.И.Равдоникас. Доисторическое прошлое Тихвинского края. Тихвин, 1924.

4/ V.Paudonikas. Die Normannen der Vikingerzeit und das Ladogagebiet. Stokholm, 1930, стр. 122.

5/ А.М.Линевский. Общество Юго-Восточного Приладожья в XI в. Известия К–Ф научно-исследовательской базы АН СССР, № 1, Петрозаводск, 1949, стр. 57; А.М.Линевский. Отчеты о раскопках курганов на реке Ояти, Ленинградской обл., за 1947–49 гг. Архив ИА, № 154, 258 и 400.

6/ Я.В.Станкевич. Хронологическая классификация погребений Ю–В Приладожья X–XII вв. Л, 1934 (Рукопись).

7/ В.В.Пименов. Вепсы. М, 1965.

Однако в последнее время против этого положения В.В.Пименова выступила С.И.Кочкуркина, которая полагает, что население Приладожья было разноэтничным и лишь район Ояти был населен вепсами 8/.

Таким образом, вновь встает вопрос, действительно ли вепсы населяли район юго-восточного Приладожья в курганный период.

Всего в Приладожье исследовано 389 курганов с 619 погребениями (174 по способу кремации и 445 по способу ингумации) 9/. В 116 курганах прослежены ритуальные очаги, зачастую со сковородами, котлами, железными лопатами и пр. очажными принадлежностями. При чем, очаги обнаружены в насыпях как с обрядом трупосожжения (42), так и с обрядом трупоположения (54) 10/. По характеру инвентаря курганы с очагами и без них не отличаются друг от друга.

Для приладожских курганов характерно наличие нескольких захоронений, расположенных зачастую в насыпи на разной глубине. Сожжение трупа, судя по имеющимся данным, производилось на стороне. Мужские и женские захоронения располагались в строго определенных частях насыпи (первые к востоку, вторые к западу от центра) и эта черта устойчива для всех приладожских курганов X–X1 вв. Для захоронений X1 в. по способу ингумации типична ориентировка покойника головой на юг. В XII в. появляются одиночные и парные захоронения в ямах, ориентированные головой на запад; более древние погребения обнаружены, как правило, в насыпи выше материка.

8/ С.И.Кочкуркина. Курганные группы юго-восточного Приладожья. КСИА, № 120, М, 1969, стр. 20.

9/ Дана несколько заниженная цифра исследованных курганов, в связи с тем, что не все памятники опубликованы. А.М.Липовским, например, раскопано 175 курганов, однако, сведения, зачастую неполные, в отчетах имеются только по 114 памятникам. А.М.Колмогоровым исследовано 64 кургана, а краткие сведения имеются лишь по 17 памятникам.

10/ Н.В.Тухтина. Ритуальные очаги в курганах Южного Приладожья. Древности Восточной Европы, М, 1969, стр.242; Очаги обнаружены также в кенотафах (13) и в курганах со смешанным обрядом погребения.

Следует отметить, что для приладожских курганов характерным является сочетание в погребальном инвентаре богатых захоронений скандинавских и прибалтийских вещей с изделиями местной работы – украшениями, оружием и предметами бытового назначения.

Ссылаясь на данные антропологов, которые выявили скандинавские черты при обследовании современного населения Волховского района Ленинградской области, С.И.Кочкуркина выдвинула точку зрения, что скандинавы составляли значительный процент населения Приладожья X в. 11/ Нам представляется, что погребальный обряд и инвентарь приладожских курганов настолько однороден, что нет основания для выделения скандинавских некрополей.

Скандинавские погребальные памятники в настоящее время известны лишь около Ст.Ладоги, к ним, по-видимому, относятся сопки с каменными кладками, а также курганная группа в урочище Плакун 12/.

В.И.Равдоникас, исследовавший курганы в местности Плакун, отмечает, что по устройству и обряду погребения они отличаются от одновременных им приладожских насыпей и близки к шведским могилам, например, к могилам около г.Бирки. В двух насыпях урочища Плакун обнаружены сожжения в ладьях: в одной насыпи найдено сто заклепок от ладьи, в другой – пятьдесят. По мнению В.И.Равдоникаса, это пока единственная в районе Приладожья курганная группа, которую определенно и надежно можно связывать с норманнами: "... Историческое значение данного весьма важного факта заключается в том, что норманны в X в. хоронили около Ладоги своих мертвых по скандинавскому

11/ С.И.Кочкуркина. Курганные группы юго-восточного Приладожья. КСИА, № 120, М, 1969, стр. 20.

12/ Н.В. Тухтина. Об этнической принадлежности погребенных в сопках волховского типа. "Славяне и Русь", М, 1968, стр. 188; В.И.Равдоникас. Старая Ладога. КСИИМК, в.X1, М, 1945, стр. 30.

обряду и что, следовательно, массовые курганы Приладожья с совершенно иным обрядом, несмотря на то, что в них вещи скандинавского происхождения не редки, принадлежат не норманнам, а местному населению 13/". Существование норманских захоронений близ большого города, присутствие скандинавов в котором подтверждается также и другими источниками, вполне правомерно.

К числу скандинавских отнесены четырнадцать одноярусных курганов с остатками трупосожжений, в которых обнаружены очаги 14/. Доказательством того, что указанные погребения оставлены скандинавами, С.И.Кочкуркина считает находки согнутого или воткнутого в землю оружия или заклепок от ладьи в мужских захоронениях, а в женских могилах – набор из двух овальных скорлупообразных фибул в сочетании с трилистной круглой или подковообразной фибулой. К специфически скандинавским украшениям исследовательницей отнесены также железные гривны в мужских комплексах.

Тринадцать же погребений, совершенных по обряду сожжения, в которых отсутствовали очаги, С.И.Кочкуркина предположительно связывает с выходцами из Южной Финляндии и Северной Прибалтики. Для инвентаря этой группы погребений характерны фибулы с многогранными головками без шипов и гривны так называемого глазовского типа.

Очаги в погребениях известны на территории Швеции, однако, они отличаются от приладожских. В Швеции очаги, как правило, прослежены в кенотафах, а если они имелись в обычных курганах, то на них переносили кальцинированные кости человека, сожженного вне кургана. В Приладожье же кострища носили исключительно ритуальный характер 15/.

13/ В.И.Равдоникас. Старая Ладога. Указ.соч., стр.41.

14/ С.И.Кочкуркина. Приладожье в X–XIII вв. 1969. Диссертация. Рукопись. Архив ИА, Р–2, № 2029, стр. 20.

Итак, рассмотрим захоронения с воткнутым в землю копьем 16/. В них обнаружены вещи, обычные для приладожских захоронений. Если наличие согнутого или намеренно сломанного оружия в погребении считать одним из признаков скандинавских захоронений, то непонятно, почему многоярусные курганы с согнутым копьем или мечом С.И.Кочкуркиной отнесены к захоронениям, оставленным местным населением 17/.

Вряд ли вообще разделение на одноярусные норманские и многоярусные местные насыпи правомерно, т.к. целый ряд курганов с погребениями, выделенными С.И.Кочкуркиной в качестве скандинавских, оказались вопреки ее утверждению, не одноярусными, а многоярусными. Хотя действительно наличие захоронений в насыпи на разной глубине характерно для района Приладожья, но здесь встречаются и одноярусные насыпи. По-видимому, одновременно совершенные захоронения находятся в насыпи на одном уровне, а разновременные погребения – на различной глубине. Вполне возможно, что в связи с неоднократным использованием насыпи под погребения, курган постепенно мог досыпаться. Поэтому делать упор на это явление при столь ответственном выделении разноэтничных захоронений нам кажется неправомерным.

С.И.Кочкуркина права, что для норманнов характерными являлись захоронения в ладьях, однако, погребение из кургана № 7, раскопанного Н.Е.Бранденбургом, она ошибочно рассматривает как захоронение в ладье, т.к.найденные в нем железные оковки являются не лодоч-

15/ M.Stromberg. Untersuchungen zur jungeren cisenzeit in Schonen. Acta Archaeologica Zunaesia. Series, N 4, 1961, стр. 50.

16/ Курганы №№ 80, 101 (раскопки Н.Е.Бранденбурга).

17/ Курганы №№ 46, 69 и 116 (Н.Е.Бранденбург).

ными заклепками, а деталями колчана.

В Приладожье единственное погребение в ладье содержал курган № 19, раскопанный Н.Е.Бранденбургом у с. Усть-Рыбижна. В мужском захоронении этого кургана обнаружено около ста лодочных заклепок, лежавших на протяжении 10 м в направлении с севера на юг, и богатый набор вещей – меч, копье, топор, рог для питья в серебряной оправе, гири, замок и т.д. Это погребение всеми исследователями признано скандинавским 18/.

Судя по наличию гирек, это было погребение торговца. Даже если это был житель Скандинавии, то похороны, вероятно, совершались в Приладожье уже под влиянием местных традиций, т.к. обряд захоронения в этом кургане носит не только скандинавские черты (наличие ладьи), но и местные приладожские – очаг со сковородой и котлом, а также помещение мужского захоронения к востоку от центра насыпи.

Еще два кургана (№№ 48 и 49), раскопанные Н.Е.Бранденбургом на реке Сязьге, отнесены С.И.Кочкуркиной к скандинавским на основании находки в них железных гривен. Всего в Приладожских курганах найдено семь железных гривен, но признаком скандинавского захоронения может служить лишь находка гривны в мужской могиле. При внимательном рассмотрении погребального инвентаря оба указанные погребения оказались женскими 19/.

Женские погребения, как отмечалось выше, С.И.Кочкуркина относит к скандинавским в случае нахождения при них двух овальных

18/ В.И.Равдоникас. Доисторическое прошлое Тихвинского края. Тихвин, 1924; Я.В.Станкевич. Указ.диссертация, стр. 67.

19/ В кургане № 48 обнаружены следующие вещи: железная гривна, браслет, кольцеобразная пряжка, игольник, бусина, горшок. В кургане № 49 – гривна, игольник, цепочка и два браслета.

и одной трилистной, круглой или подковообразной фибул. Таких погребений С.И.Кочкуркина выделила девять 20/. Причем некоторые из них, как выяснилось, оказались в курганах с ярусным расположением захоронений в насыпи 21/. В шести из указанных курганов обнаружено не менее, чем по три-пять погребений, как мужских, так и женских с обычным для Приладожских погребений инвентарем.

Нам представляется, что вряд ли скандинавы, даже если допустить существование их колонии здесь, в Приладожье, стали бы хоронить своих сородичей на одном кладбище с местными жителями, а тем более под одной насыпью с ними. Даже аборигенное население, вероятно, помещало под одной насыпью только родственников. А курганы со скандинавскими захоронениями, выделенные С.И.Кочкуркиной, не всегда являются одиночными, особняком стоящими насыпями, зачастую они входили в состав обычной курганной группы. Наличие многоярусных захоронений в указанных курганах противоречит утверждению С.И.Кочкуркиной, что скандинавам принадлежат курганы только с одноярусными захоронениями.

Точка зрения относительно скандинавской принадлежности захоронений с набором из трех фибул выдвинута не впервые. Этого же взгляда придерживаются некоторые другие исследователи, в частности, Г.Ф.Корзухина и И.П.Шаскольский 22/.

20/ В указанной диссертации С.И.Кочкуркиной указано шесть женских скандинавских захоронений (Н.Е.Бранденбург, кк. №№ 8, п.2, 10, п.2,60, п.5,89, п.2,102, п.2 и Европеус.с.Залощик, к. № 1). В указ. статье "Курганные группы..." указано десять скандинавских женских захоронений (№№ насыпей отсутствуют).

21/ Курганы №№ 8, 60 и 89, а относительно к. I у д.Залощик в публикации H. Salonen нет сведений относительно ярусов.

22/ Г.Ф.Корзухина. Новые находки скандинавских вещей близ г.Торопца. Скандинавский сборник, т.УШ, Таллин, 1964, стр. 297; И.П.Шаскольский. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.-Л. 1965.

Анализ приладожских женских захоронений, на наш взгляд, дает возможность сделать иные выводы. В 32 захоронениях Приладожья с сожжением и трупоположением обнаружено по три и более различных фибул (на костяках они располагались в области груди), которые могли служить для скрепления бретелей верхней юбки.

До последнего времени роль центральной фибулы в костюме шведских и норвежских женщин IX–X вв. оставалась неясной. Но сейчас назначение этой третьей застежки выяснилось. Оказывается, в IX в. в Швецию из Византии проникла мода закалывать фибулами шаль на груди 23/. Этой модой и объясняется присутствие третьей застежки наряду с фибулами для застегивания бретелей юбки. Для закалывания шали использовали любые фибулы: подковообразные, круглые, колесовидные, равноплечие и т.д. Судя по приведенным нами данным, обычай закалывать шаль проник и в Приладожье.

Многие овальные и подковообразные фибулы соединены цепочками, а на Ояти иногда вместо цепи – ожерельем из флаконовидных бус, которые являются исключительно местным украшением 24/. Зачастую к фибулам самых различных типов были подвешены цепочки с бубенчиками, игольником, зооморфными подвесками, ключами и т.д.

Из сказанного следует, что фасон юбки с бретелями и скрепление их различными фибулами проник из Швеции к приладожским финно-уграм, которые многое заимствовали из прибалтийских и скандинав-

23/ Gunilla Ruthstrom, Jansson Malmo Nation. Synpunkter pa det treflikiga spannet med utganspunkt fran danskеt och spanskt material.

24/ А.М.Линевский. Гайково, к.1, компл.2; Нюбиничи, к.№ 2 (162). В одном из этих комплексов фибулы были соединены ожерельем из 53, в другом – из 77 флаконовидных бус, в других случаях между фибулами были обнаружены цепи.

ских стран 25/. Этой же точки зрения придерживается М.В.Фехнер, обратившая внимание археологов на реконструкцию женской юбки с бретелями, предложенную А.Гейер 26/.

Судя по приведенным примерам, а также учитывая этнографические данные, что вепсские женщины, в отличие от окружавшего их русского населения, носили именно юбку, а не сарафан, можно заключить, что прибалтийская мода на подобные фибулы и обычай скреплять ими бретели юбки именно в финно-угорской среде нашли себе благоприятную почву 27/.

Вероятно, вполне правомерно считать захоронение с набором из трех скандинавских фибул не местным по происхождению, встретив его в русской среде X в. Однако, оно же может быть признано местным среди финно-угорских памятников.

Важным доказательством правомерности высказанной точки зрения является то, что к концу X–XI вв. именно в Приладожье появился новый тип овальных фибул – фибулы так называемого карельского типа, которые даже шведские ученые считают местными. Местное население носило их также всегда с двух сторон груди, следовательно, они выполняли те же функции, что и овальные скандинавские.

25/ В Прибалтике обычай скрепления бретелей юбки фибулами сохранялся довольно долго, а именно даже в XIII в. А.М. Стубавс. Археология в Советской Латвии (1945–1967 гг.). СА, 1967, № 4, стр. 103. Погребение № 1212 из могильника в Мартиньсале, рис. 12, стр.121. Здесь овальные фибулы соединены двумя цепями и к ним подвешены различные украшения и бытовые вещи.

26/ М.В.Фехнер. Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников. Ярославское Поволжье в X–XI вв., М, 1963, стр. 75.

27/ В.В.Пименов. К вопросу о карельско-вепсских культурных связях. СЭ, 1960, № 5, стр. 87.

Курганы с обрядом трупосожжения без очага С.И.Кочкуркина предположительно считает оставленными выходцами из Финляндии и Прибалтики 28/. Из украшений в них наиболее распространенными являются шейные гривны с гранчатыми головками и подковообразные застежки с такими же головками. Несмотря на это, два из вышеуказанных кургана она считает скандинавскими, поскольку в одном из захоронений насыпи найден набор из трех фибул, в другом – заклепки от ладьи. 29/

Во всех курганах, выделенных С.И.Кочкуркиной в качестве финских и прибалтийских, прослежены местные черты погребального обряда – захоронения в насыпи на разной глубине, специфические местные вещи и т.д. А главное, что курганы с обрядом трупосожжения без очага, кроме указанных тринадцати насыпей, известны еще в количестве тридцати. Нам кажется неосновательным часть из них считать финскими, тем более при сохранении остальных местных черт погребального обряда.

Дать объяснение, почему в одних насыпях жгли ритуальные костры, в других – нет, затруднительно, так как наши знания о погребальном обряде того периода ограничены, тем более, что раскопок приладожских многоярусных курганов X в. в последние годы почти не производилось и приходится ограничиваться старыми отчетами, не отвечающими современным требованиям.

В качестве подтверждения нашего положения о том, что неправомерно придавать столь важное значение наличию очага в кургане,

28/ С.И.Кочкуркина. Указ. диссертация. Курганы №№ 61, 69, 71, 72, 104, 107, 109, 119 и 128 (из раскопок Н.Е.Бранденбурга), Горка, № 14 (В.И.Равдоникас), а также Винница, к.№ 2(214), раскопки А.М.Линевского.

29/ Курганы №№ 61 и 69 (Н.Е.Бранденбург).

приведем следующие примеры. На реке Сязьге Н.Е.Бранденбургом исследованы два кургана – №№ 48 и 49, расположенные рядом и близкие по инвентарю, но отличающиеся друг от друга тем, что в одном обнаружены остатки очага, в другом их нет. Кроме того, в ряде курганов, выделенных С.И.Кочкуркиной в качестве финских, оказались вещи несомненно местного характера, в то время как привозные отсутствуют 30/.

Нельзя также забывать о том, что в курганах с трупоположением наблюдается та же картина – т.е. имеются синхронные насыпи с очагами и без них.

В курганах Ярославского Поволжья наблюдается гораздо большее разнообразие в деталях погребального обряда внутри одного некрополя – здесь и сожжение на месте, и на стороне, в погребальных урнах, на горизонте и в ямках, но для исследователей ярославских курганов это не явилось достаточным основанием для того, чтобы считать их оставленными разноэтничными коллективами 31/.

Мы считаем, что в приладожских курганах X – первой половины XI в. представлен единый обряд погребения, единая материальная культура, т.е. единая племенная культура.

Каковы же доказательства того, что эта племенная культура принадлежала именно вепсам?

Нам ясно, что приладожские курганы оставлены не славянами, т.к. и обряд захоронения (ярусные погребения с очагом и южная ориентировка при ингумации), и погребальный инвентарь отнюдь не славянские. Вещи славянского происхождения и славянские захоронения появляются здесь не ранее второй половины XI в.

30/ Винницы, к. № 2 (А.М.Линевский), кк. №№ 72, 103, 124 (Н.Е.Бранденбург)

31/ Ярославское Поволжье X–XI вв. М, 1963.

Следовательно, в курганах X–XI вв. представлена не славянская культура. Что это не скандинавы и не жители Финляндии или Прибалтики, мы выше постарались доказать на конкретном материале.

В X в. на северо- западе Европейской равнины могли обитать либо финно-угорские, либо балтские племена.

Лингвисты на основании изучения языка и топонимов считают, что Приладожье в X–XI вв. было заселено вепсами и относят их к прибалтийской группе финно-угров. Более того, Д.В.Бубрих доказал, что вепсы и Весь русской летописи – один и тот же народ 32/. Эти лингвистические данные не только не противоречат, но и полностью соответствуют археологическим материалам.

Нам представляется, что Весь в X–XI вв. обитала не только на реке Ояти, как это считает С.И.Кочкуркина, но на всей территории Приладожья. В последнее время попытки выделения специфических вещей приладожских вепсов были предприняты дважды 33/. В.В.Пименовым составлен список довольно разнородных и случайных вещей 34/. С.И.Кочкуркина выделила пять категорий женских украшений и кресала с ромбовидным вырезом в качестве исключительно оятских и пять категорий вещей – общеприладожских.

32/ Д.В.Бубрих. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947

33/ В.В.Пименов. Вепсы. М–Л, 1965, стр. 86; С.И.Кочкуркина. Оятские могильники X–XI вв. СА, 1968, № 2, стр. 72.

34/ В.В.Пименов в качестве типично приладожских выделил: точильные бруски, удила без псалиев, сковороды или тарелочки из бронзы (?), фибулы с длинной иглой, полые подвески-уточки, копоушки с двумя привесками. Точильные бруски однотипные для многих народов, сковородцы, наряду с другими очажными принадлежностями, действительно характерны для приладожских курганов, но не бронзовые, а железные; фибулы с длинной иглой были привозными, как, вероятно, и указанные удила. Подвески-уточки и собаки-олени выделены правильно. Копоушки же с привесками найдены в малом количестве и вероятно явились привозными из Прикамья. В.В.Пименов. Указ. соч.стр. 86.

К первым он отнесены плоские и полые уточки, изображения бегущих животных с кругом на голове, ключи-амулеты и флаконовидные бусы; ко вторым – копоушки, гребни, игольники, бубенчики и подковообразные застежки. Почти все эти типы вещей, за исключением флаконовидных бус и ранних типов подковообразных застежек – это вещи XI, а некоторые даже XI–XII вв. Следовательно, более чем для 170 трупосожжений X века специфичные вещи не выделены.

С.И.Кочкуркина считает, что Оять была не просто районом, где сосредоточены наиболее характерные специфические черты вепсского погребального обряда и инвентаря, но что здесь существовали этнические группы, хронологически более ранние, чем в остальном Приладожье 35/.

В целом на Ояти раскопано больше половины всех исследованных в Приладожье курганов. Сведения имеются по 158 памятникам, в которых обнаружено 180 погребений – 32 сожжения и 148 трупоположений (29 курганов не содержали находок). Таким образом, из 174 приладожских погребений по способу сожжения лишь 32 обнаружены на Ояти, хотя общее количество исследованных здесь памятников составляет 40,8% всех приладожских курганов. Следовательно, основная часть наиболее ранних памятников сосредоточена не на Ояти.

Что же дало возможность С.И.Кочкуркиной утверждать, что именно район бассейна Ояти был заселен одно-, одним вепсским населением, и предполагать здесь нечто вроде прародины Веси?

Действительно, надо признать, что на Ояти отдельные детали погребального обряда представлены более ярко. Например, заворачивание останков погребенного в бересту здесь прослежено как при обряде ингумации, так и при кремации. В отчетах А.М.Линевского указаны от-

35/ С.И.Кочкуркина. Оятские могильники X–XI вв. Указ.соч., стр. 72.

дельные случаи посыпания остатков скелета кальцинированными костями. При погребениях в ямах прослежены срубы, состоявшие иногда всего из трех стенок, своеобразные подушки из конопли или из меха в изголовье погребенного в южной стороне сруба и т.д.

Что касается использования при обряде погребения бересты, то не следует забывать, что следы ее в могилах найдены не только на Ояти. Н.Е.Бранденбург при описании погребального обряда в целом отмечал, что остатки бересты обнаружены в 30% всех погребений, причем он имел в виду именно не оятские погребения, т.к. им было раскопано на Ояти всего лишь шесть курганов.

Относительно посыпания скелетов кальцинированными костями нам представляется, что из-за незначительного количества фактов подобного явления говорить столь определенно об этом обряде пока преждевременно, тем более, что нередко в курганах встречаются случаи, когда остатки сожжения разбросаны по всей насыпи без всякого порядка; здесь может быть разновидность подобного случая при наличии в насыпи смешанного обряда погребения.

Остальные специфические оятские черты погребального обряда касаются погребений в ямах, которые относятся в основном к XII или рубежу XI—XII вв., в других районах Приладожья памятники этого времени не изучены и вполне возможно, что впоследствии они здесь будут обнаружены, но пока об этом говорить преждевременно 36/

На Ояти действительно более ярко представлен комплекс украшений несомненно местного производства. К ним относятся зооморфные подвески (полые и плоские птички, изображения бегущего животного с кругом на голове и т.д.), обилие флаконовидных бронзовых бус и очень крупных глазчатых бус из глухого стекла.

36/ Исключение составляют несколько насыпей, раскопанных С.И.Кочкуркиной на р.Паше. См. С.И.Кочкуркина. Ук. соч.

В оятских памятниках характерные черты вепсского погребального обряда и украшения женского костюма проявляются ярче, но это не является доказательством того, что вепсы обитали только здесь. Это объясняется, видимо, тем, что на Ояти в основном исследованы погребения XI в., а именно в это время получают большое распространение зооморфные и шумящие подвески.

Нахождение на Ояти изделий типа изображения бегущего животного или подвесок-якорьков с антропоморфными чертами, которые за пределами данной территории найдены в единичных экземплярах, являются неоспоримым доказательством того, что здесь существовали свои меднолитейные мастерские 37/.

Большая часть украшений, найденных в оятских курганах XI в., несомненно изготовлена на месте. Например, в коллекции А.М.Линевского имеется много примитивно изготовленных подковообразных застежек из проволоки с раскованными закрученными концами, зачастую очень небольших размеров (до одного сантиметра в диаметре), иногда с завязанными концами, височные проволочные кольца, простейшие дротовые и пластинчатые браслеты, перстни, игольники, ключи-амулеты, отлитые в одной литейной форме. Отдельные экземпляры ключей более сложной формы нигде кроме р.Ояти не встречены. Здесь же обнаружены уникальные плоские бронзовые копоушки, сильно расширяющиеся в центре, с орнаментом из зигзагов и кружков.

37/ Изображение животного с кругом на голове за пределами Ояти найдено в раскопках В.И.Равдоникаса и Г.П.Гроздилова на р.Суде в Вологодской обл., здесь же — подвеска типа якорьковой. МАЭ, коллекция 6912. Еще один экземпляр изображения бегущего животного обнаружен А.И.Колмогоровым в Тихвинских курганах. А.И.Колмогоров. Тихвинские курганы. Труды XV археологического съезда. М. 1914, стр. 411.

С.И.Кочкуркина считает, что на Ояти больше найдено богатых захоронений, чем в других районах Приладожья. К ним отнесены в первую очередь погребения с ожерельями из крупных глазчатых бус, насчитывающих более, чем по 100 бусин. Население Ояти, как предполагает С.И.Кочкуркина, "имело больше возможности приобретать роскошные ожерелья" 38/. Для подкрепления этой мысли автор ссылается на устав Святослава 1137 г, где сказано, что селения на Ояти от Алексовщины до Соцкого погоста облагались десятиной в три гривны, а ряд административных центров на Паше – одной гривной 39/.

Всего на Ояти только четырнадцать курганов содержат богатые женские захоронения с гривнами, ожерельями из большого количества бус, скандинавскими фибулами и браслетами, т.е. по количеству богатых захоронений район Ояти не отличается от остального Приладожья. Данными же устава 1137 г. надо пользоваться осторожно, т.к. неизвестно, равные ли территории указаны в данном случае для Паши и для Ояти.

Нам представляется, что те особенности в обряде и погребальном инвентаре оятских могильников, которые перечислены выше, являются не более, чем локальными отличиями в единой приладожской культуре. Черт, объединяющих оятские и приладожские памятники, больше, чем отличий между ними.

Для погребального обряда всего Приладожья характерны следующие черты – расположение захоронений на разных уровнях насыпи как при обряде кремации, так и ингумации (в X–XI вв. всегда выше материка и лишь с XII в. – в ямах), отсутствие погребальных урн и очаги в 30 % насыпей.

38/ С.И.Кочкуркина. Оятские могильники X–XI вв. СА, 1968, № 2, стр. 81.

39/ Памятники русского права, вып. 2, М, 1953, стр. 118.

Характер погребального инвентаря с помощью этнографических параллелей дает возможность восстановить отдельные черты вепсского костюма.

Выше мы уже сделали попытку доказать, что вепсские женщины, как и жительницы Прибалтики и стран Фенноскандинавии, носили верхнюю юбку с бретелями, которые были сколоты овальными или подковообразными фибулами. Вероятно, дорогие скорлупообразные фибулы могли использовать только наиболее богатые женщины, т.к. найдены они лишь в богатых захоронениях. Из двухсот женских погребений лишь в двадцати пяти было найдено по две и более фибулы. Позже мода изменилась, и юбку стали просто застегивать у пояса, либо носить сплошные бретели, т.к. в этнографической литературе отмечено существование юбок у вепсских женщин, но они уже не застегивались на груди. В Прибалтике обычай скрепления фибулами бретелей юбки просуществовал гораздо дольше. Это прослежено не только археологически, но и этнографически – на эстонском наряде, даже при отсутствии юбки, прикалывали фибулы с двух сторон груди, когда они утратили свое функциональное назначение, сохранив лишь декоративное 40/

К фибулам, как правило, подвешивались цепочки с большим или меньшим количеством бубенчиков, ключами, копоушками, гребнями, зооморфными подвесками. В X в. зооморфные подвески представлены полыми, приземистыми, как бы плывущими уточками, напоминающими городецких (на других территориях точные аналогии приладожским образцам неизвестны), безшумящих подвесок, они найдены исключительно при трупосожжениях 41/. В XI в. типы подвесок-уточек измен..отс..

40/ А.Я.Стубавс. Указ.соч., стр. 103; Х.А.Моора. Из истории развития эстонской народной одежды. Сборник "Эстонская народная одежда XIX и XX вв.", Таллин, 1960, стр. 15, рис.7–а.

41/ В статье С.И.Кочкуркиной почему-то подобный тип уточек не фигурирует. См. С.И.Кочкуркина. Оятские могильники X–XI вв. Указ соч., стр. 72.

В конце X в. появляются прорезные плоские подвески в виде птичек с выпяченной грудью (подобные известны в Новгороде и др. местах), а в XI в. – полые, типа курочек с подвесками-лапками (известны в Прикамье, Вологодской и Костромской обл.). Копоушки в X в. в основном бронзовые, без орнамента, более вычурные появляются в XI и XII вв. Этим набором из привесок и амулетов, прикреплявшихся к фибулам, и ограничивался в X в. набор шумящих подвесок у вепсов.

Бусы представлены типами, характерными не только для Приладожья, но и для синхронных памятников других мест. Исключение составляют уникальные ожерелья из очень крупных глазчатых бус из нескольких погребений на Ояти. Эти бусы практически не имеют себе аналогий.

Браслеты в памятниках X в. обнаружены в основном ладьевидные и массивные пластинчатые с расширяющимися концами, которые представляли собой предмет импорта. Местные дротовые и пластинчатые найдены в незначительном количестве.

В каждом богатом захоронении обнаружены гривны, подковообразные застежки, во многих – монеты, круглые скандинавские подвески и т.д.

В XI в. при появлении обряда трупоположения основные детали женского костюма сохраняются, но резко уменьшается количество скандинавских украшений. На смену им появляются украшения прикамского типа – коньковые подвески, застежка в виде всадницы на коне, спиралевидные подвески с шумящими привесками и т.д. Изменяется форма бубенчиков и бутылкообразных подвесок. Для скрепления бретелей юбки используются подковообразные застежки и местные овальные, так называемого карельского типа.

Но, несмотря на эти изменения в костюме, не возникает сомнений, что памятники с обрядом трупоположения оставлены тем же на-

ром, что и курганы с сожжением, т.к. основные черты погребального обряда при этом сохранились, в частности, в сорока курганах XI в. с обрядом ингумации обнаружены очаги.

Славянские изделия появляются в курганах Приладожья лишь в конце XI в., а целые некрополи – в XII в., но этой темы в данной работе мы касаться не можем.

Одновременно с появлением в XII в. славянских курганов с западной ориентировкой, известны и вепсские некрополи с меридиональной ориентировкой погребенных. В XII в. появились новые типы зооморфных изображений (плоских и полых), украшенных многочисленными налепами и натуралистическими деталями, игольники приобрели вычурные спинки и т.д.

Таким образом, дорогими привозными украшениями и оружием пользовалась в Приладожье, в основном, верхушка общества. В рядовых захоронениях как X, так и XI вв. найдены изделия местного производства – гребни, подковообразные застежки, горшки, игольники и т.д. Но даже в богатых захоронениях привозные скандинавские вещи всегда найдены в сочетании с местными (зооморфными подвесками, змеековидными бусами, копоушками, амулетами-ключами и т.д.).

Кроме того, нужно отметить, что у Приладожского населения никогда не были в такой степени распространены шумящие привески, как у поволжских финно-угров. Эта черта роднит вепсов с прибалтийской, а не с поволжской группой финно-угорских племен.

Н.Г.НЕДОШИВИНА

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ВЯТИЧЕЙ

Археологическая характеристика летописных племен основывается обычно на вещевом материале из курганов. Погребальный же обряд почти не принимается во внимание. Лишь за последние годы сделано несколько попыток положить в основу характеристик отдельных племен и детали погребального обряда. Таковы работы Г.Ф.Соловьевой о вятичах, радимичах и северянах, И.П.Русановой и Е.И.Тимофеева о южнорусских курганах, приведшие их авторов к весьма существенным историческим выводам. Так, Г.Ф. Соловьева выделяет на территории вятичей памятники отдельных племен, И.П.Русанова очерчивает территорию летописных полян[1/].

Однако для того, чтобы добиться убедительной аргументации этих положений, необходимо прежде всего комплексное изучение как общих черт погребального обряда, к которым можно отнести, например, захоронения на материке или в яме, так и частных его деталей - положение рук и головы, топография и состав находок, остатки ритуального костра и т.д. Однако исследователь сталкивается здесь с целым рядом трудностей, главной из которых является состояние источников. Ведь большей частью мы оперируем данными нескольких раскопанных курганов из групп остав-

1/ Г.Ф.Соловьева. Славянские союзы племен по археологическим материалам /вятичи, радимичи, северяне/. СА, XXУ, М, 1956; И.П.Русанова. Курганы полян - X-XII вв. САИ Е 1-24, М, 1966; Е.И.Тимофеев. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X-XIII вв. СА, 1961, № 3.

шихся неисследованными до конца. Полностью раскопанных курганных групп очень мало. Тем не менее именно с них и следует начинать анализ погребального обряда для того, чтобы выявить основные закономерности этого ритуала. Отталкиваясь от полученных данных, можно анализировать и те курганные группы, которые были раскопаны лишь частично. Затрудняет изучение погребального обряда также суммарное описание его во многих старых отчетах. Поэтому, к сожалению, значительная часть материала не может быть привлечена для изучения данного вопроса. Выяснение общих и частных деталей погребального обряда вятичей, соотношение этих обрядов, отличаются ли погребения на материке от ямных во всем комплексе своих деталей и датирующих предметов и как распределяются погребальные обряды на территории вятичей, а также в какой мере все эти данные могут служить источником для характеристики летописного племени вятичей, - таковы основные задачи настоящей статьи.

Классическую схему смены погребального обряда наметил еще в конце XIX века А.А.Спицын в своей статье "Расселение древнерусских племен по археологическим данным"[2/]. Он считал, что трупосожжения сменяются обрядом трупоположения на горизонте, который господствовал в течение всего XI века, уступая в XII веке место погребениям в ямах - в более ранних погребениях ямы были менее глубокие, чем в более поздних. Кроме того, им было отмечено, что в более ранних захоронениях погребальный инвентарь значительно богаче, чем в более поздних могилах, в которых вещи часто совершенно отсутствуют.

Эти положения А.А.Спицына не раз подтверждались многими исследователями, изучавшими курганные древнос-

2/ ЖМНП, 1899, УШ.

ти Костромского Поволжья и бассейна Верхней Волги, Белорусского Полесья и Смоленского Поднепровья X-XIII вв.[3], объяснявшими положение умерших на горизонте или в подкурганной яме хронологическими различиями этих погребений.

Однако ряд авторов выступает против схемы А.А.Спицына, считая различия в погребальном обряде не хронологическим, а этническим признаком[4].

Остановимся подробнее на погребальном обряде вятичей и попытаемся выяснить, зависит ли уровень захоронений в курганах от этнических особенностей населения этого района или же глубина погребений является хронологическим признаком.

В вятичских курганах, как и на остальной территории северо-восточной Руси, наблюдаются два основных обряда захоронения: на материке и в яме. Курганных групп, в которых встречается лишь один из названных обрядов, чрезвычайно мало. Можно назвать, например, полностью раскопанную курганную группу у д.Беседы, где все 30 насыпей содержали захоронения на материке, или курганные кладбища у д.Акатово и Поваровки, где большинство костяков лежало в ямах. Эти группы представляют собой исключение, потому что, как правило, в каждой курганной группе присутствуют и захоронения на материке, и ямные погребения[5]. Оба эти обряда имеют свои отличительные особенности. Необходимо заметить, что особенности того или иного обряда в наиболее чистом виде наблюдаются в памятниках, между которыми имеется большой хронологический разрыв. В тех же памятниках, которые по времени близки, встречаются вместе детали ритуала, характерные как для захоронений на материке, так и для ямных погребений.

3/ П.Н.Третьяков. Костромские курганы. ИГАИМК.X.1931. П.Н.Третьяков. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. СА, 1У, 1937; Т.Н.Никольская. Хронологическая классификация верхневолжских курганов. КСИИМК, ЗО, 1949; А.Б.Успенская. Курганы южной Белоруссии X-XIII вв. Тр. ГИМ. XXII. М. 1953. Е.А.Шмидт. Курганы XI-XIII вв. у д.Харлапова в Смоленском Поднепровье. Материалы по изучению Смоленской обл., в.2,1963.

4/ Г.Ф.Соловьева. Указ.соч.; И.П.Русанова. Указ.соч., И.Е.Тимофеев. Указ. соч.

Одной из особенностей погребений на материке является положение покойника с вытянутыми вдоль тела руками. Большой интерес в этом отношении представляют курганы, раскопанные Н.И.Булычовым. Материал этот очень ценен благодаря своей массовости и хорошей документации[6]. Так, в курганной группе Колчино II в 49 погребениях /из 51 кургана с материковыми захоронениями/ умершие лежали с вытянутыми вдоль тела руками. Голова большинства из них лежала прямо на затылке. В таком же положении находились все 28 погребенных на материке курганной группы Ступенки II. В курганном кладбище у д.Беседы в 30 случаях из 36 умершие захоронены также с вытянутыми вдоль тела руками. Преобладают костяки с вытянутыми руками и в курганах с.с.Колоколово, Осеево, Марусино, Царицыно и др.

5/ Иногда может создаться неправильное впечатление, что в курганной группе присутствует лишь один обряд погребения. Однако такое ложное впечатление может сложиться за счет неполного исследования памятника.

6/ Н.И.Булычов. Раскопки по среднему течению р.Угры. М, 1913; Н.И.Булычов. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М, 1963.

Частой находкой в захоронениях на материке являются целые сосуды, стоящие в ногах или головах погребенного. Так, в курганном кладбище Черемушки, где раскопано 15 насыпей с захоронениями на материке, в 10-ти найдены у костяков целые горшки. Целые сосуды, стоявшие преимущественно в ногах умерших, найдены в 26 курганах д.Беседы. Интересно отметить, что в одном из горшков лежало два височных кольца[7].

В некоторых курганах вместо целых сосудов найдены только обломки горшков, положенные также рядом с покойником. Следовательно, обломки сосудов в погребении имели то же значение, что и целые сосуды.

В ряде курганов обломки посуды найдены в насыпи кургана. Большой интерес представляет в этом отношении кладбище у д.Одинцово, где превалировал обряд трупоположения на материке. Здесь почти в каждой насыпи встречалась керамика: иногда это был целый сосуд, стоявший в ногах погребенного /Одинцово, УП, 3/, но чаще всего обломки одного или нескольких горшков были разбросаны по всей насыпи.

Другой особенностью захоронений на материке является то, что при этом обряде сохраняются еще некоторые пережитки обряда трупосожжения. Так, в насыпях часто находят разбросанные угольки, под костяками - угольные прослойки, рядом с умершими встречаются и кострища, видимо, ритуального характера /Черемушки, кург.7, Матвеевская, кург.3/. В курганах у д.Шишимрово, например, в нескольких захоронениях в головах и ногах погребенных грудой лежали куски угля. В кургане 5 у д.Черемушки рядом с умершим на груде угля стоял горшок.

7/ Количество примеров можно было бы увеличить. Например, в курганной группе Колчино II целые горшки и их обломки найдены в 26 захоронениях на материке; в курганных группах Ступенки 1 и Ступенки II горшки обнаружены в 10 и в 14 погребениях.

Погребения на материке отличаются от ямных также тем, что в них частой находкой являются кости животных и птиц, встречающиеся как в насыпях курганов, так и рядом с умершими.[8] Так, кости лошади, свиньи, тетерева и зайца найдены в 6 курганах у д.Черемушки, а во многих насыпях курганного кладбища близ д.Беседы встречены кости лошади и свиньи. Интересно, что в кургане 15 этого могильника кости животных были положены в горшок, стоявший в ногах погребенного. Кости коровы и других животных встречены также в насыпях курганов близ д.Одинцово.

Наконец, последней отличительной чертой захоронений на материке является богатство погребального инвентаря. Наряду с большим количеством украшений, являющихся составной частью костюма погребенного /височные кольца, бусы, браслеты, перстни и т.д./, в захоронениях встречается и целый ряд вещей, положенных рядом с покойником с ритуальными целями. К таким предметам можно отнести, например, ножи, которые, правда, в целом ряде случаев также входили в состав костюма. Об этом свидетельствует их положение в захоронении - на тазу, у бедра. Однако во многих курганах ножи находят в головах или у ног погребенного, часто рядом с сосудами. Интересно, что ножи встречаются не только в мужских, но и в женских погребениях. Так, в женском захоронении /Беседы, 30/ нож лежал у головы костяка, а в кургане II у д.Богоявлечие нож был воткнут в землю у головы погребенного. Помимо ножей, рядом с костяком встречается и целый ряд других предметов: серпы, пряслица, замки, кресала и т.д.[9].

8/ К сожалению, археологи не всегда отмечают находки костей животных. Не всегда производилось и их определение.

9/ Все серпы у вятичей найдены в погребениях на материке /Беседы, 29; Черемушки,1,13; Зюзино,1; Волково,30/; за исключением 4-х экземпляров /дд.Авдотьино, Черпево, Котяково/, условия находки которых неизвестны. Пряслица - Одинцово - У1,86,87,91; замки - Одинцово, Черемушки; кресала - Волково.

Таким образом, отличительными особенностями погребений на материке являются: обилие вещей и наличие сосудов в захоронении, находки костей животных в насыпи кургана, сохранение пережитков обряда трупосожжения и положение умерших с вытянутыми вдоль тела руками.

Перейдем теперь к характеристике погребений в ямах. Глубина могильных ям различна - она варьирует от 0,1-0,2 до 1,5 м. По-видимому, наиболее мелкие ямы являются более ранними, позднее глубина ям достигает значительных размеров.

Положение костяков в ямах отличается от их положения на горизонте. Если на материке костяки лежат, как правило, с вытянутыми вдоль тела руками, то у покойников, лежащих в ямах, руки обычно положены на грудь или живот. Чаще всего одна рука лежала на груди или животе, а вторая оставалась вытянутой. Однако часть погребений в ямах продолжает сохранять вытянутое положение рук, что является, видимо, пережитком их положения в материковых захоронениях.[10]

Целые сосуды, встречающиеся в большом количестве в погребениях на материке, в ямных захоронениях, как правило, отсутствуют, хотя в насыпи и находят обломки керамики. Так, если в курганной группе Колчино II в 26 погребениях на материке найдена керамика, то в 19 ямных захоронениях этой же группы горшки ни разу не встречены. Целые

10/ Из 19 погребений в ямах в курганной группе Колчино II в 11 случаях руки были сложены на груди, а в 8 - вытянуты вдоль тела. В Монастырских курганах около г.Пр[ес]ка из 35 ямных погребений в 33-х костяки лежали со сложенными руками. В д.Маклаково все костяки /21/ ле[жа]ли в ямах со сложенными руками. В д.Акатово из 27 ямных захоронений в 18 случаях руки умерших были по[ло]жены на грудь и только в 7 курганах погребенные лежа[ли] с вытянутыми руками.

сосуды ни разу не найдены и в Маклаковских курганах, где все костяки были похоронены в ямах.

Интересно отметить, что в некоторых курганных группах, в которых встречены оба обряда захоронения, целые сосуды, как правило, стояли в погребениях на материке[11]. Однако, отмечены и такие насыпи, где горшки найдены в ямных захоронениях. Правда, как правило, ямы эти имеют незначительную глубину - 0,1-0,35 м[12]. Видимо, в данном случае мы имеем дело с пережитками погребального обряда, характерного для захоронений на горизонте.

В ямных погребениях пережитки обряда трупосожжения встречаются редко, так же как, редки в этих курганах находки костей животных.

Вещи, которые мы находим в ямных погребениях, - это, в основном, украшения, составляющие часть женского костюма. Предметов, положенных в могилу рядом с умершими в ритуальных целях, становится значительно меньше. Важно отметить, что все амулеты из курганов, раскопанных Н.И.Булычовым, найдены в захоронениях на материке и ни разу не встречены в ямных погребениях.

Вместе с тем появляется большое количество безинвентарных погребений. Так, в Акатовских курганах 13 покойников были захоронены в ямах без вещей. Большинство захоронений Маклаковского кладбища также не содержало украшений - лишь в трех погребениях найдены семилопастные височные кольца и бусы.

Чем же можно объяснить отличие погребений на материке от ямных захоронений?

11/ Например, в двух насыпях д.Никольское и трех д.Большево, содержащих погребения на материке, были найдены целые сосуды; в этих же группах в ямных погребениях керамика отсутствовала.

12/ "Звездочка", кург.5; Волково, кург.19,21,33; Спас-Тушино, кург.2, 11, 12.

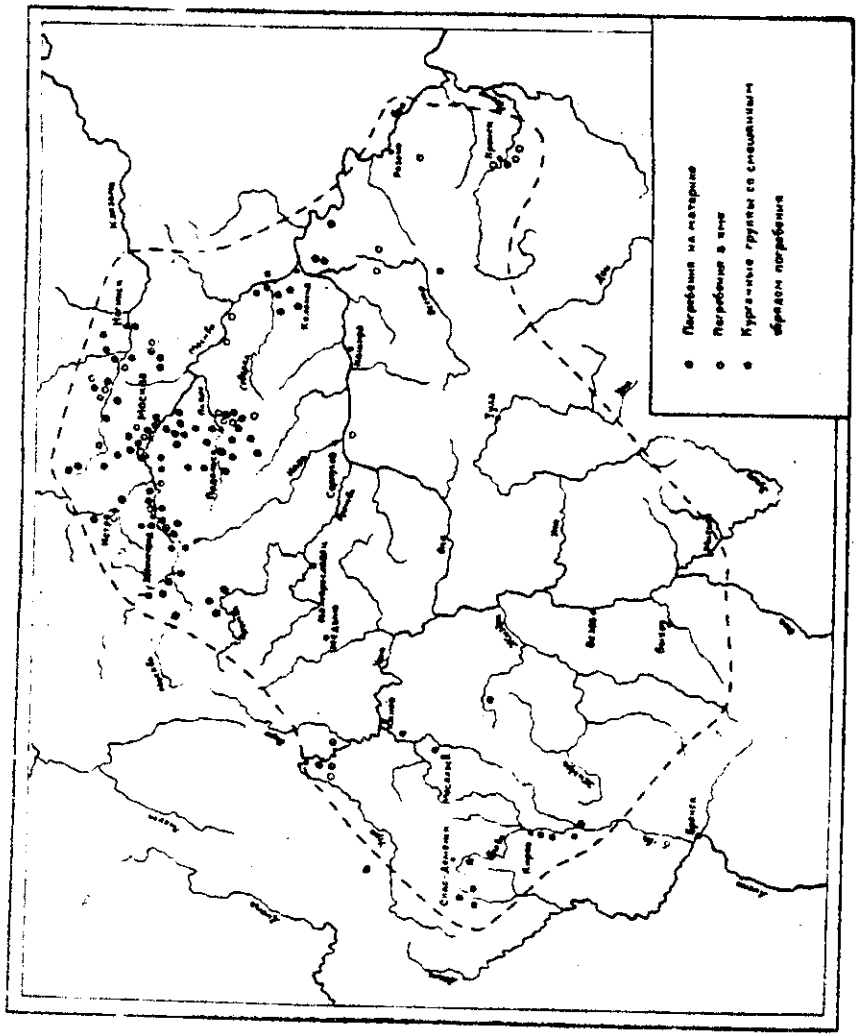


Рис.1. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ ВЯТИЧЕЙ

Для того, чтобы попытаться ответить на этот вопрос, нами произведено картографирование погребального обряда вятичей[13]. На карте хорошо видно, что оба обряда погребения /на материке и в ямах/ равномерно распределены по всей территории вятичей и встречаются часто вместе внутри одного кладбища. Никаких локальных групп в распределении погребального обряда проследить не удалось. Правда, на востоке преобладают захоронения в ямах, а на западных границах больше встречено погребений на материке, но на причинах этого мы остановимся ниже. Отсутствие локальных групп в размещении погребального обряда лишний раз свидетельствует о единстве изучаемой территории, которая и в письменных источниках и на основании вещевого материала выступает как единая земля вятичей.

Нельзя объяснить различия названных обрядов принадлежностью их разным этническим группам: как в материковых, так и в ямных захоронениях встречаются семилопастные височные кольца, характерные для вятичей.

Все вышеописанные отличия обрядов можно, как нам кажется, объяснить хронологически: захоронения на материке являются более ранними, в ямах - более поздними.

В настоящее время вятичские курганные древности датируются концом XI - серединой XIII века[14]. Интересно, что на Серенском городище /вятичский город Серенск/ славянские слои относятся к тому же времени[15]. Это положе-

13/ Всего учтено 127 курганных групп - около 1200 курганов; учитывались лишь те памятники, в которых точно известен погребальный обряд.

14/ Т.В.Равдина. О датировке вятичских курганов. СА,1965, № 1; Она же. Типология и хронология лопастных височных колец. Сб. "Славяне и Русь". М, 1968; Н.Г.Недошивина. О датировке Белевского клада. Сб. "Славяне и Русь", М, 1968.

15/ Доклад Т.Н.Никольской "Историческая география земли вятичей", прочитанный на заседании сектора славяно-русской археологии в феврале 1970 г.

ние является лишним доказательством правильности датировки, установленной для вятичских курганов. Для датировки погребального обряда большое значение имеет установление даты отдельных категорий вещей, в том числе семилопастных височных колец[16].

Наиболее ранние семилопастные относятся к концу XI века или рубежу XI и XII веков /Черемушки-2, Ступенки-1, 9, Бочарово, 5, Харлапово, 25, Шишимрово/. При рассмотрении обряда погребения указанных выше комплексов выясняется, что все костяки в них лежат на горизонте. То же можно сказать и относительно второй группы вятичских захоронений, височные кольца которых датируются первой половиной XII века. Они обнаружены в курганах с трупоположениями на материке близ дд.Беседы, Матвеевской, Одинцова, Савина и др. Однако, можно отметить и некоторые исключения, когда ранние формы семилопастных найдены в ямных погребениях, например, в курганах у д.Спас-Тушино.

Основанием для ранней датировки погребений на горизонте является присутствие в них и других, хорошо датированных предметов.

Если рассмотреть инвентари курганов, раскопанных Н.И.Булычовым, то окажется, что все вещи XI - начала XII века - височные кольца и браслеты с завязанными концами, золото- и серебростеклянные бусы, круторогие лунницы встречаются только в погребениях на материке. В ямных же захоронениях появляются различного рода подвески: монетовидные гладкие, косорешетчатые, выпукловогнутые, которые начинают бытовать, в основном, со второй половины XII века.

Как выше было упомянуто, курганные группы у д.д. Черемушки, Беседы, Шишимрово, Одинцово, в которых господствовал обряд трупоположения на материке, являются по инвентарю наиболее ранними среди памятников вятичей. Так, Шишимровская курганная группа всем комплексом вещей может быть датирована второй половиной XI - началом XII века[17]. К этому же времени относится и кладбище у д.Беседы, в котором встречаются железные кольцевидные фибулы, золотостеклянные бусы, крестопрорезные бубенчики, ранние формы семилопастных височных колец.

К середине XII века захоронения на материке начинают уступать место ямным погребениям[18].

Именно в ямных захоронениях у д.д.Одинцово, Никольское, Ославское, Чертаново и встречаются в основном семилопастные височные кольца второй половины XII - середины XIII века, хотя в некоторых случаях их находят и в погребениях на материке /например, в курганах у д.д.Дубки, Зюзино/. XII-м - началом XIII века могут быть датированы и ямные погребения Монастырских курганов около г.Пронска, большинство которых не содержало вещей. Лишь находка в одной из могил семилопастных височных колец развитых форм позволяет датировать это кладбище указанным временем.

Большой интерес представляют Маклаковские курганы Рязанской области, раскопки которых производились автором настоящей статьи в 1969 году. Здесь была вскрыта 21 насыпь - покойники лежали в ямах со сложенными на груди руками. Большинство захоронений не содержало вещей, лишь в 9 курганах найдены перстнеобразные височные кольца, перстни и пуговицы, не дающие, однако, достаточных ос-

16/ Типология и хронология лопастных вятических колец проведена Т.В.Равдиной. Указ.соч.

17/ Т.В.Равдина. Шишимровские курганы. Сб. "Культура древней Руси". М, 1966.

18/ Смена обряда - процесс длительный и сложный. В разных местах она происходила в разное время. Однако, в основном, этот процесс падает на XII век, на вторую его половину.

нований для датировки могильника. Важным моментом для датировки курганов могут служить находки в погребениях фрагментов золотных тканей и особенно шелковой ткани из кургана 17 с вышивкой, характер которой позволяет отнести это захоронение к концу XII - середине XIII века[19].

Таким образом, погребения в ямах у вятичей могут быть датированы концом XII - первой половиной XIII века.

Мы уже говорили о том, что на западных границах вятичских земель преобладают погребения на материке, а на востоке большинство умерших лежит в ямах. Это, видимо, можно объяснить тем, что первоначально вятичи занимали меньшую территорию, расселяясь постепенно на восток и колонизуя земли, населенные финно-угорскими племенами.

Распространение ямных захоронений можно связывать, как нам кажется, с проникновением христианства, которое начинает распространяться в земле вятичей с XII века.

Интересно, что в Московском Кремле была найдена вислая свинцовая печать, принадлежавшая Киевской митрополии. Наиболее вероятная дата печати - конец XI - начало XII века[20]. В начале же XII века около города Серенска был убит монах Киево-Печерского монастыря Кукша за проповедь христианства.

О степени христианизации вятичей можно судить и по грамоте Ростислава Смоленского 1150 года. Согласно этой грамоте устанавливались размеры дани, которую население должно было платить в пользу учрежденной в 1136 году Смоленской епископии. Наименьшую дань должны были платить восточные и южные районы Смоленской земли. Н.Н.Воронин высказал предположение, что малой данью облагалось на-

19/ М.О.Новицька. Гаптування в Київській Русі. Археологія, ХУШ, Київ. 1965, стр.36-38.

20/ Н.С.Шеляпина. Археолог поправляет летописца. Наука и жизнь, 1965, № 9.

селение, которое не было еще христианизировано или было христианизировано слабо[21]. Восточная часть Смоленской земли, о которой идет речь, включает в себя верховья рек Москвы, Пахры, Нары, Протвы и Бори, - т.е. земли, принадлежавшие вятичам. Следовательно, в первой половине XII века земли эти были еще слабо христианизированы.

Однако уже во второй половине XII века христианство получает более широкое распространение, о чем говорят, например, находки литейных форм для крестов-тельников. Потребность в крестах была уже, видимо, настолько велика, что ювелирам приходилось делать литейные формы для массового их изготовления. Такие литейные формы для отливки крестов найдены на Серенском городище в слоях XII-XIII веков[22] и в одном из курганов д.Митяево, который также может быть датирован тем же временем. Доказательством того, что в Маклаковских курганах умершие похоронены уже по христианскому обряду, является находка в кургане 17 налобного погребального венчика с изображением деисусной композиции. Аналогичные венчики из золотной ткани /правда, без изображений/ обнаружены еще в 3-х захоронениях этого могильника. Дата курганов, как мы уже говорили, - конец XII - начало XIII века. Церковный закон предписывал хоронить умерших со скрещенными на груди руками и карал языческие пережитки при погребении[23]. В

21/ Заключительное слово после доклада В.В.Седова. Некоторые вопросы географии Смоленской земли XII века. КСИА, вып.90. М, 1962

22/ Т.Н.Никольская. Кузнецы железу, меди и серебру от вятич. Сб. Славяне и Русь. М, 1968. Рис.3 на стр.130.

23/ В Чехии в 1037 г. был издан закон, по которому запрещалось ставить в могилу пищу в сосудах и класть украшения.

связи с этим захоронения на материке с вытянутыми руками, с сосудами и большим количеством вещей можно рассматривать как языческие. С распространением христианства начинают появляться погребения в ямах, со сложенными на груди руками, с малым количеством погребального инвентаря.

Таким образом, на основе проведенного исследования погребальных обрядов мы приходим к заключению, что погребения на материке и в ямах встречаются повсеместно на всей территории вятичской земли, что различия между ними относятся к различиям хронологического порядка. Однако непроходимой границы между ними нет, что свидетельствует против их этнической или социальной разницы. Постепенное развитие обряда идет в сторону полной его христианизации.

Р.А.МАЛЬМ

ШИФЕРНЫЕ ПРЯСЛИЦА И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Письменные источники, ограниченные для периода раннего средневековья, недостаточно освещают многие стороны жизни древней Руси, в том числе и вопросы экономических связей, как между отдельными областями, так и с другими странами. В этом отношении изучение археологического материала значительно восполняет пробелы письменных данных.

Одна из многочисленных категорий вещей – шиферные пряслица – не раз привлекали внимание исследователей. Изучение этого материала дало возможность Б.А.Рыбакову в монографии "Ремесло древней Руси" осветить многие вопросы, связанные с этой категорией вещей, как например, их датировка, размах производства мастерских по изготовлению пряслиц из шифера в окрестностях г.Овруча на Волыни, широкий рынок сбыта и посредничество купцов-коробейников между потребителем и камнерезами, вывоз пряслиц за пределы Руси и др.[1]. Надписям на пряслицах посвящены отдельные небольшие статьи ряда авторов. Совершенно по-новому рассматривается вопрос о роли пряслиц в работе В.Л.Янина, в которой автор проводит мысль, что пряслица из шифера в безмонетный период играли роль товаро-денег[2].

Таким образом, эти небольшие предметы из шифера позволяют делать различные выводы об их значении в экономической и культурной жизни древней Руси.

В настоящее время количество шиферных пряслиц, обнаруженных на разных археологических памятниках, исчисляется в несколько тысяч.

1/ Б.А.Рыбаков. Ремесло древней Руси. М, 1948, стр. 182–202, 466–471.
2/ В.Л.Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. М. 1956, стр. 188–189.

На одном только Неревском раскопе в г. Новгороде пряслиц из шифе
найдено 779 экземпляров, в г.Пскове – 150 экземпляров, в г.Белоозе
265 экз., на поселении близ г.Кимр Калининской области – 42 экз.,
поселении близ д.Ратмино Московской области – 55 экз. 3/ и т.д. С
дым годом число находок увеличивается, выявляются новые памятн
с наличием шиферных пряслиц и в таких отдаленных районах, где но
ные находки не были ранее известны. Так, впервые в 1957 г. прясл
из розового шифера было найдено в г.Вологде 4/. Это крайний северо-
восточный пункт, известный сейчас с находкой шиферного пряслица.
Благодаря новым раскопкам, область распространения шиферных прял
лиц стала значительно шире по сравнению с картой, намного раньше со
тавленной в указанной выше монографии Б.А.Рыбакова.

Шиферные пряслица в основном сосредоточиваются в городах и
на поселениях, расположенных близ наиболее важных в торговом отноше
нии водных магистралей. В районах, отдаленных от главных речных пут
они встречаются в меньшем количестве. Пряслица, изготовленные в ок
рестностях г.Овруча, находили широкий рынок сбыта в связи со значи
тельным на них спросом. В пряслицах нуждались крестьяне и основная
масса горожан, удовлетворявших свои потребности в одежде домашним
производством. Для прядения использовали деревянное веретено, пред
ставлявшее собой палочку, утолщенную в нижней или средней части. На
нижний конец веретена надевалось пряслице, выполнявшее роль махо
вого колеса. Пряслице придавало веретену более быстрое вращательное
движение, необходимое при скручивании нити из кудели. Из 150 целых

3/ МИА, № 55, М, 1956, стр. 125; Археологический сборник № 4. Л, 1962, стр. 75–76; ГИМ, инв. №№ 82858, 83205, 83485, 83481 (раскопки Л.А.Голубевой в г.Белоозере в 1949–1952 гг); МИА, № 13, М–Л, 1950, 363 1965 гг).

4/ КСИИМК, вып. 79, М, 1960, стр. 90.

веретен, обнаруженных при раскопках в г.Новгороде. 3 экземпляра оказались с надетыми на них шиферными пряслицами. Деревянные веретена, кроме Новгорода, найдены и в других городах, на поселениях же сельского типа они ни разу не обнаружены. Единственный только раз деревянное веретено с надетым пряслицем из шифера было найдено в кургане близ д.Комаровичи Минской области. Оно лежало близ правого бедра женского костяка 5/.

Пряслица из розово-красного шифера овручских мастерских имеют различную форму: бочковидную, битрапецоидную (чаще ее называют б..конической, но это неправильно, так как вершины конусов срезаны) и дисковидную. Очень редко встречаются и другие формы, например, в разрезе представляющие овал или же трапецию. Одно из бочковидных пряслиц красного шифера имело выступающий валик, опоясывающий его боковую поверхность 6/. Диаметры пряслиц колеблются в пределах 1,2–3,4 см. Большинство же имеют 2,6–2,8 см. Высота их варьировала от 0,5 до 2,6 см, причем для дисковидных пряслиц высота, как правило, была меньшей, чем у бочковидных или битрапецоидных. Приведенные данные о размерах пряслиц не дают возможность говорить о стандартизации этого вида изделий. Поэтому не совсем убедительным является предположение В.Л.Янина о том, что пряслица в безмонетный период выступали в роли товаро- денег, благодаря их якобы большой стандартности. 7/

Разной величины пряслица, а величина их была прямо пропорциональна весу, предназначались для прядения нитей неодинаковой толщины. Более тяжелый груз на веретене требовался для пряжи более тонкой. Поэтому большие и тяжелые пряслица, необходимые для прядения таких тонких нитей, как шелковые, были не нужны, так как производства шел-

5/ В.В.Завитневич. Археологическая экспедиция в Припятское Полесье. Чтения в Обществе Нестора Летописца, книга 1У. Киев, 1890, стр. 28.

6/ В.Л.Янин. Указ. соч., стр. 189.

7/ Д.Эдинг. Сарское городище, Ростов Ярославский, 1928, табл. У1, 5.

ка древняя Русь не знала. Существующие же пряслица вобщем небольшого размера вполне годились для шерстяной, льняной и конопляной пряжи. По археологическим и письменным источникам известно, что ткани вырабатывались разных сортов, причем на верхнюю одежду шли более толстые и грубые ткани, чем на нижнюю. Возможно, что некоторые пряхи в своем распоряжении имели несколько разных по величине пряслиц и меняли их в зависимости от характера пряжи.

Шиферные пряслица встречаются не только при раскопках городов и других населенных пунктов, но и в могильниках. Материал погребений дает возможность выявить различный характер использования пряслиц, хотя их в захоронениях и находят крайне редко. Так, из 1670 курганов, исследованных в бывшей Костромской губ. Ф.Д.Нефедовым и членами Костромской Ученой Архивной комиссии с 1894 по 1898 гг., каменных (вероятно, шиферных) пряслиц найдено всего лишь несколько штук. Из 234 курганов, раскопанных В.З.Завитневичем в 1892 г. в бывшем Бобруйском уезде Минской губ., пряслица были обнаружены в двух случаях. Всего в двух курганах найдены пряслица из 229 погребальных комплексов, приведенных А.В.Арциховским в работе "Курганы вятичей". При раскопках П.М.Еременко 265 курганов в бывшем Новозыбковском и Суражском уездах Черниговской губ., пряслиц из шифера найдено несколько экземпляров 7/. Можно количество подобных примеров значительно умножить. Однако, по имеющемуся в нашем распоряжении материалу, далеко не полностью собранному, возможно сделать ряд наблюдений. Обычно пряслица сопровождают женские захоронения или захоронения девочек, так что наличие пряслица при отсутствии других показа-

7/ Материалы по археологии восточных губерний России. М, 1899, стр. 238; Отчет археологической комиссии за 1892 г., СПб, 1894, стр. 141, 152; А.В. Арциховский. Курганы вятичей. М, 1930, стр. 167 (Богоявленское, курган 11), 190 (Ступенки II, курган 4); ЗРАО, т.VIII, вып. 1, СПб, 1896, стр. 72, 84, 101.

телей может служить надежным признаком в определении половой принадлежности погребенного. Из всех известных нам захоронений с пряслицами на территории Руси только один раз пряслице из розового шифера находилось при мужском костяке. Оно лежало ниже бедра, с левой стороны 8/. По-видимому, этот факт следует рассматривать как своеобразный дар умершему. Об обычаях даров умершему В.А.Городцов, рассматривая погребальный инвентарь Подболотьевского могильника, писал: "Интересен обычай даров покойникам. Дары, насколько можно судить по доступным нашему пониманию фактам, приносились женщинами мужчинам (вероятнее всего женами мужьям), затем детям, но мужчины женщинам таких даров не приносили" 9/. В данном случае, очевидно, жена положила мужу необходимую и дорогую для себя вещь – шиферное пряслице.

Шиферные пряслица начинают впервые встречаться еще в погребениях по обряду трупосожжения, хотя случаи подобных находок редки. Они известны из нескольких курганов владимирских, гнездовских, русятовских на берегу р.Вязьмы, близ д.Городиловки в окрестностях Новогрудка и других 10/ По сопровождаемому погребальному инвентарю эти погребения с трупосожжениями можно датировать концом X – первой половиной XI в. Наряду с розово-красными шиферными пряслицами волынского происхождения (для залежей шифера на Волыни характерны только розово–красные и темно-лиловые тона), в курганах находят пряслица из серого шифера местного производства. Следует отметить, что находки

8/ Курган 2 близ Гразовиц под Оршей. Працы, т.II, Менск, 1930, стр. 36.

9/ Древности. Труды Московского археологического общества, т.XXIV, М, 1914, стр. 68.

10/ А.С.Уваров. Меряне и их быт. М, 1872, стр. 209, 210; Известия Археологической комиссии. Вып. 15, СПб, 1905, стр. 45; ГИМ, инв. № 42536; Е.Н.Клетнова. Археологические разведки Вяземского уезда. М, 1915, стр. 26; Культура и искусство древней Руси. Сборник статей в честь проф. М.И.Каргера. Л, 1967, стр. 29.

серошиферных пряслиц как в погребениях, так и на поселениях чрезвычайно редки.

Большее количество находок шиферных пряслиц приходится на погребения по обряду трупоположения. В этих погребениях можно проследить местоположение пряслица при костяке. Обычное, если можно так выразиться, правильное положение пряслица было у нижних конечностей костяка (бедра или голени), с правой или левой стороны. Для костромских курганов характерно положение пряслица около правого бедра женских костяков, например, у д.Татариново, в кургане 8 пряслице и серп лежали около правого бедра женского захоронения 11/. Как было уже отмечено выше, шиферное пряслице находилось у правого бедра женского костяка и в кургане 123 близ д. Комаровичи Минской области. Для курганов же, исследованных П.М.Еременко в быв.Черниговской губернии, характерно положение пряслиц у левого бедра или голени 12/. Иногда пряслица лежат около правой или левой вытянутой руки костяка. Возможно, в руку покойницы было вложено веретено с пряслицем. В одном из курганов близ д.Веськово Переяславского района Ярославской области около правой вытянутой руки костяка находились два пряслица из красного шифера, одно из них было, по всей вероятности, запасное. Такое местонахождение пряслиц у руки, бедра, голени или ступни можно считать как бы близким к рабочему положению веретена и вероятно пряслица в этих случаях были положены вместе с деревянным веретеном. Однако, пряслица находят и в других местах костяка. Однажды пряслице было обнаружено в кожаном мешочке, лежавшем слева на тазу 13/, что указывает на бережное к нему отношение. Ведь шиферные пряслица, привезенные издалека, представляли известную ценность для их обладательниц. Неоднократно пряслица находили в области таза с левой или правой стороны, по-видимому, их носили подвешенными к поясу, чтобы не потерять. В то же время они, как и другие привески, могли служить украшением пояса. Материал погребений показывает, что женщины использовали пряслица нередко в качестве украшения (различным способом). В ряде случаев пряслица обнаруживают на груди вместе с привесками и амулетами, например, в кургане 8 близ погоста Хвошня Осташковского района Калининской области шиферное пряслице лежало на груди вместе с четырьмя крестопрорезными грушевидными бубенчиками с нарезкой в нижней части, а в кургане 45 близ д.Жилые Горы Волоколамского района Московской области бочковидное шиферное пряслице вместе с амулетом--коньком на большом проволочном кольце находилось на грудной клетке женского костяка 14/. Пряслица носились не только на груди вместе с другими привесками, но значительно чаще они использовались в качестве бус. Еще в свое время А.С.Уваров подметил, что большинство шиферных пряслиц во владимирских курганах были найдены в числе бус на шее погребенных 15/. Шиферные пряслица в составе ожерелий по своей форме не отличаются от обычных. Это те же бочковидные и трапецоидные пряслица, только иногда небольшого размера (диаметром около одного сантиметра или несколько больше), специально сделанные для использования их в качестве бус. О шиферных пряслицах-бусах неоднократно упоминают и исследователи поселений. Н.П.Милонов при раскопках селища близ г.Кимр в одном из жилищ обнаружил несколько десятков битрапецоидных бус из шифера и 42 пряслица такой же формы 16/. К сожалению, материал раскопок не сохранился и размеры бус остались неизвестными.

11/ Костромская Старина. Вып.1. Кострома, 1901, стр. 337, 347
12/ ЗРАО, т.УШ, вып. 1, СПб, 1896, стр. 101
13/ Известия Археологической комиссии, вып. 6, СПб, 1904, стр. 42

14/ Записи Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества – ЗОРСА, т.УП, вып.1, СПб, 1905, стр.100,123
15/ А.С.Уваров. Указ.соч., стр. 106.
16/ МИА, № 13, М–Л, 1950, стр. 158.

Маленькие битрапецоидные бусы из шифера найдены были и на поселении близ городища Петровское на берегу р.Сожа Смоленской области. Небольшие пряслица-бусы находились в составе ожерелья и на Райковецком городище близ Бердичева [17]. Судя по розово-красному цвету шиферных бус и их бочковидной и битрапецоидной форме, следует, что они наверное изготовлялись в тех же мастерских, что и пряслица.

Большей частью среди бус и привесок ожерелья шиферные бусы или обычной величины пряслица находятся в небольшом количестве. А.С.Уваров отмечает, что во владимирских курганах пряслица попадались среди бус в количестве 3–4 экземпляров. Тип пряслица – одно бочковидное и два битрапецоидных находились среди сердоликовых призматических и золотостеклянных цилиндрических бус и металлических позолоченных привесок, расположенных в области шеи женского костяка, а четвертое битрапецоидной формы пряслице большей величины лежало близ правого бедра [18]. Это было богатое женское захоронение в вышеупомянутом кургане близ г.Комаровичи.

Иногда единственное пряслице в составе ожерелья выделено тем, что подвешено на отдельном проволочном колечке. Иногда в области шеи находится всего лишь единственное пряслице обычной величины, носившееся в качестве привески или может быть являвшееся пуговицей. В.К.Гончаров отмечает, что на Райковецком городище были найдены пряслица, служившие в качестве пуговиц для одежды [19]. Таким образом пряслица использовались не только по своему прямому назначению в качестве грузика для веретена, но как украшения.

Пряслица из шифера бытовали, кроме славянского населения, и у ряда соседних племен и народов. Начиная с XI в. шиферные пряслица

17/ В.К.Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 125

18/ Чтения в Обществе Нестора Летописца, книга IУ, Киев, 1890, табл. 1, рис. 4 и 6.

19/ В.К.Гончаров. Указ. соч., там же.

являются в могильниках муромы, мордвы, мари и других. Примерно с этого же времени пряслица встречаются и у народов Прибалтики. Их находят в Латвии и Литве [20].

Шиферные пряслица доставлялись в разные районы Руси и к соседним народам купцами-коробейниками, являвшимися посредниками между овручскими камнерезами и потребителем.

На основании анализа погребального инвентаря, совместно с которым находились шиферные пряслица, можно заключить, что большинство находок пряслиц в погребениях относятся к XI – первой половине XII в. Многие шиферные пряслица были обнаружены в захоронениях, среди погребального инвентаря которых находились такие датирующие предметы, как бусы золото- и серебростеклянные цилиндрической и бочковидной формы, сердоликовые призматические и бипирамидальные, лимонки, синие стеклянные кольцевидные, восточные серебряные монеты без ушков и монеты с ушками, используемые в качестве привесок в конце X – первой половине XI века, привески-амулеты, бубенчики грушевидные крестопрорезные, браслетообразные височные кольца с завязанными концами, а также с завязанными концами браслеты и перстни и другие украшения. Перечисленные категории вещей бытуют преимущественно в XI – начале XII века или в XI – первой половине XII века. Меньшее количество пряслиц приходится на захоронения более позднего времени, то есть второй половины XII – XIII веков.

Изучение пряслиц по сопровождаемому погребальному инвентарю и обряду погребения дает основание сделать заключение, что шиферные пряслица битрапецоидной и бочковидной формы бытовали одновременно в течение длительного периода, то есть в XI–XIII веках. Высказанное в ли-

20/ В Латвии найдено 101 шиферное пряслице, более чем из 30 мест; в Литве – 37 из 16 мест. Э.С.Мугуревич. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига, 1965, стр. 35, 41, примечание.

тературе мнение, что датировка пряслиц зависит от величины диаметра их внутреннего канала, то есть для более древних пряслиц характерен больший диаметр 21/, не является правильным. Это положение не подтверждается данными пряслиц из погребений, так же , как и данными из раскопок в Новгороде. Во всех ярусах Новгорода, как более древних, так и более молодых, встречаются пряслица различной формы с самыми различными диаметрами их внутренних отверстий.

21/ Р.Л.Розенфельдт. О производстве и датировке овручских пряслиц. Советская Археология, М,1964, № 4, стр. 222–223.

М.В.ФЕХНЕР

ШЕЛКОВЫЕ ТКАНИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ

При исследовании русско-восточных экономических связей X - нач.XIII вв., сравнительно слабо отраженных в памятниках письменности, привлечение археологического материала представляется особенно важным. В частности, для разработки данной темы могут представить интерес найденные на территории Руси в курганах и кладах этого времени фрагменты шелковых тканей - предметы ввоза из Византии и стран Востока. Этот исключительный по своей значимости археологический источник до последнего времени оставался незаслуженно забытым.

Как известно, шелковые нити, благодаря своим высоким технологическим качествам - прочности в сочетании с необыкновенной тонкостью, мягкостью и способностью легко окрашиваться, в эпоху раннего средневековья рассматривались как ценнейшее текстильное сырье[1/]. Шелководство и производство шелковых тканей было широко развито в Византийской империи, в Испании и в ряде стран Ближнего и Среднего Востока - Сирии, Иране, Египте, а также в окрестностях Бухары, где, по словам бухарского историка Нершаха /X в./, имелись большие ткацкие мастерские. Продукция этих стран находила сбыт далеко за их пределами, в европейских и азиатских государствах[2/].

1/ H.Silbermann. Die Seide. Dresden. 1897,t.1, стр.9-12.

2/ O.Falke. Kunstgeschichte der Seidenweberei. Berlin, 1936, стр.20-29; D.G.Shepherd and W.B.Henning. Zandaniji Identified ? В сб. „Aus der Welt der islamischen Kunst". Festschrift für Ernst Kühnel. Berlin, 1959. стр. 15-16, 20.

Восточно-европейская торговля шелком осуществлялась главным образом через Константинополь, который, по образному выражению К.Маркса, явился золотым мостом между Востоком и Западом[3]. Этот огромный рынок мирового значения сосредоточивал среди прочих товаров, привозимых из стран Востока, шелк-сырец, шелковую пряжу, разнообразные сорта шелковых тканей, золотные нити на шелковой или льняной основе. Отсюда Византия наряду с изделиями своих собственных шелкоткацких мастерских вывозила в европейские государства, в том числе и на Русь, шелковую продукцию Востока. С точки зрения некоторых специалистов по истории шелкоткачества, среди экспортируемых Византией шелковых материй наиболее роскошными и дорогими были ткани восточного происхождения.

Наряду с дорогой через Константинополь по Черному морю и далее по Днепру восточный шелк попадал на русский рынок и Волжским путем, который особенно в X - нач.XI вв. играл значительную роль в экономических сношениях с восточными странами. Через Амуль и Сари,- главные гавани на Каспийском море,-поток восточных товаров шел в Волжскую Болгарию, а оттуда, с одной стороны - на верхнюю Волгу, в Новгородскую и Псковскую землю, с другой - к верховьям Десны, Днепра и Сожа, двигаясь затем к югу в Киевскую землю. Как известно, этой дорогой, в основном, проникали в Восточную Европу дирхемы и такой объект восточной торговли как стеклянные бусы из двухслойного стекла с металлической прокладкой, товар несколько специфический, но ходовой[4].

3/ К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т.1X, стр.240.

4/ История Ирана с древнейших времен до конца XУШ в. Л, 1958, стр.194; М.В.Фехнер. Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей до середины XI в. В сб. "Международные связи России до XУII в." М, 1961.

По-видимому, шелк поступал на русский рынок в значительных количествах, поскольку он отсюда частично реэкспортировался в Западную и Северную Европу - Польшу, Чехию, Южную Германию, Скандинавские и др. страны. Характерно, что во французской литературе XII-XIII вв. шелковые ткани называются "русскими", возможно, потому, что во Французское королевство они привозились русскими купцами[5].

Согласно летописи, на Руси были известны различные шелковые материи - "паволоки", "оксамиты", "фофудьи" и "оловир Грецкий"[6]. Еще не ясно, какие сорта тканей имели эти наименования. У исследователей русских тканей в этом отношении нет единого мнения. Например, В.Клейн, крупнейший специалист в области древнего текстиля, полагая, что "паволоками" назывались вообще все дорогие шелковые или золотные ткани, что в это понятие входят, как аксамит, фофудья, оловир, так и другие сорта шелковой материи. По мнению В.Ф.Ржиги, под паволоками следует понимать шелковые ткани с цветным узором, чрезвычайно распространенные в древней Руси. Отметим, однако, что обе эти точки зрения не аргументированы в достаточной мере[7].

5/ Y.Brutzkus. Trade with Eastern Europe 800-1200. The economic history. Revieu, v.XIII, N 1-2, London 1943, 31-42. Seminarium Kondakovianum т.IУ. Прага, 1931, стр. 311; H. Silbermann. Указ.соч., стр. 63-64. A.Geijer. Die Textilfunde ausden Gräbern. Birka III, Uppsala 1938, стр. 66.

6/ ПСРЛ, т.1, СПб, 1846, стр. 16; ПСРЛ, т.II, СПб, 1843, стр. 92 и 187.

7/ В.Клейн. Путеводитель по выставке тканей УII-XIX вв. в собрании ГИМ, М, 1926, стр. 11; В.Ф.Ржига. О тканях до-монгольской Руси. Byzantinoslavia, Прага, 1932, IУ, 2, стр. 406-407.

Нам кажется, что,основываясь на одних только данных письменных источников, скудных и отрывочных для рассматриваемого времени, нельзя получить конкретное представление о шелковых тканях, бытовавших на Руси. Только обращение к вещественным памятникам даст возможность определить, из каких сортов шелковых материй складывался русский импорт. В этом отношении большой интерес представляет коллекция археологических тканей Государственного Исторического музея X - нач. XIII вв. Она содержит 134 фрагмента разнообразных шелковых изделий, найденных на территории Восточной Европы в 38 различных пунктах. Преобладающая часть материала происходит из раскопок нескольких десятков курганов. Следует подчеркнуть, что подавляющее большинство находок падает на сельские курганные могильники. Остатки шелковых тканей найдены, как правило, в захоронениях женщин, притом богатых по составу погребального инвентаря.

Помимо курганного материала, в составе коллекции находится часть тканей из гробницы Андрея Боголюбского во Владимире, а также ткани из клада, случайно обнаруженного при земляных работах в Киеве в 1903 г. /в усадьбе бывш. Михайловского монастыря/. Здесь наряду с серебряными украшениями обнаружены оторванные от парадной одежды куски шелковых материй одиннадцати различных сортов. Некоторые ткани из клада украшены золотным шитьем и расшиты мелким жемчугом.

Несмотря на то, что данная коллекция количественно не велика, она включает образцы шелка, найденные на достаточно обширной территории /рис. 1/ и может характеризовать ассортимент тканей, распространенных на Руси в домонгольское время.

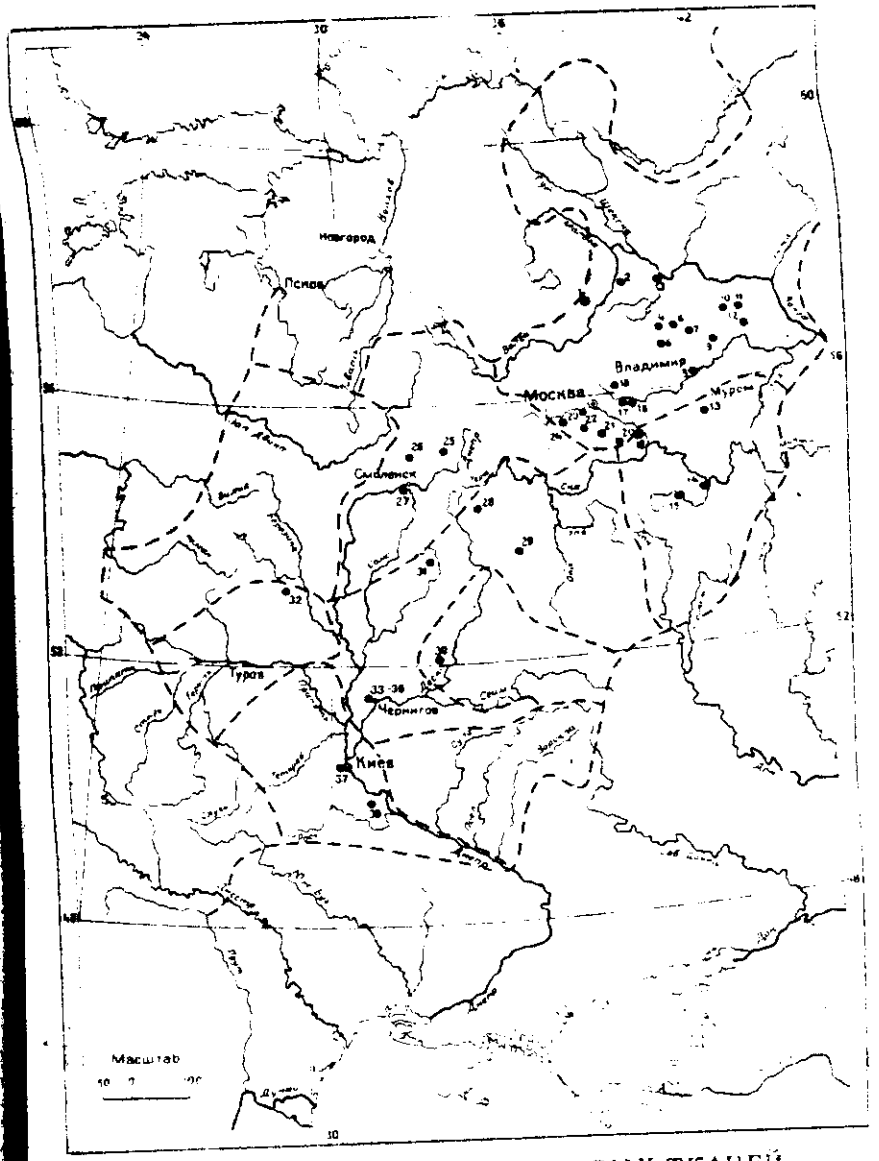


РИС.1. НАХОДКИ ШЕЛКОВЫХ ТКАНЕЙ

МЕСТА НАХОДОК /к рис.1/

У дд. 1 - Воробьево,
2 - Кирьяново,
3 - Б.Тимерево,
4 - Караш,
5 - Осиповцы,
6 - Кубаево,
7 - Давыдково,
8 - г.Владимир
9 - Васильки,
10 - Исады,
11 - Сизино
12 - Быково
13 - Шушпаново,
14 - ст.Рязань,
15 - Маклаково,
16 - Осеево,
17 - Аниськино,
18 - Пушкино,
19 - Никульское;
20 - Воскресенский посад
21 - Горки,
22 - Новленская,
23 - Тушино,
24 - Колчуга,
25 - Волочек,
26 - Елисеевичи,
27 - Гнездово,
28 - Коханы,
29 - Войлово,
30 - Ларионовка,
31 - Влазовичи,
32 - Вирково,
33-36 - г.Чернигов,
37 - г.Киев,
38 - Россава.

Некоторые из тканей, хранящиеся в Историческом музее, изданы [8], однако коллекция в целом осталась неизученной. Настоящая работа является первой попыткой дать описание всего собрания археологических шелковых тканей музея, выявить сорта шелка, имевшие преимущественное распространение на Руси, и выяснить, по мере возможности, места их производства.

В связи с тем, что большинство шелковых тканей происходит из старых, дореволюционных раскопок, пришлось провести большую работу по их реставрации /промывке, закреплении, пропитке смягчающим составом [9], прежде, чем приступить к структурному анализу всех образцов, который внес новые, важные штрихи в отношении технологии изготовления шелковых материй. Если по орнаменту трудно бывает выяснить происхождение отдельных сортов тканей, т.к. рисунки византийских и восточных материй близки между собой, то различия в способе переплетения нитей, а также характер используемого материала и качество пряжи в ряде случаев могут помочь в определении центров шелкоткачества, поставлявших свою продукцию на русский рынок.

Техника переплетений шелковых тканей из коллекции Исторического музея в данной работе не рассматривается. Этому вопросу посвящена статья Н.Т.Климовой, помещенная в этом же сборнике.

8/ Прохоров В.А. Материалы по истории русских одежд и обстановка жизни народной. СПб., 1881, кн.1.
Уваров А.С. Атлас к исследованию о мерянах и их быте. М, 1872, табл. XXXУ.
Гущин А.С. Памятники художественного ремесла древней Руси X-XIII вв., табл. XXII.

9/ Эта трудоемкая работа проведена в предельно короткий срок реставраторами ГИМ' а Т.Н. Никитиной и К В.Мозжориной, за что приношу им глубокую благодарность.

В X - начале XIII вв. на Руси бытовало большое количество шелковых тканей различного характера. Их можно разделить на три основные группы: шелковые ленты /тесьма/, ткани гладкоокрашенные и ткани с вытканным узором.

Начнем рассматрение материала с шелковых лент - тесьмы, которые составляют половину всей нашей коллекции /68 фрагментов/. Из всех видов шелковых изделий тесьма чисто шелковая и золотная встречается в курганах чаще всего.

Шелковая тесьма небольшой ширины /0,5-1,7 см/ представлена в нашей коллекции только 5 экземплярами, в то время, как число золотных лент достигает 63 экземпляров. Такое соотношение, конечно, не может свидетельствовать о том, что шелковые ленты импортировались на Русь в меньшем количестве, чем золотные. Видимо, это объясняется тем, что золотная тесьма сохраняется в земле лучше чисто шелковой.

Шелковые ленты встречаются с полотняным и саржевым переплетением. Особое место занимает шелковая ажурная тесьма с рельефным полосатым узором /в двух вариантах/ из раскопок в с.Россава /Киевская область/. Аналогии этим лентам неизвестны /рис. 2,9/. По-видимому они относятся к плетеным изделиям и изготовлены из привозного сырья на месте.

Остальная тесьма нашей коллекции относится за небольшим исключением к так наз. трехслойным тканям, т.е. тканям с двумя основами и двумя утками, из которых один был золотным.

Почти на всех исследованных нами образцах узорный уток состоит из шелковой нити, плотно обвитой тонкой узкой серебряной позолоченной лентой. В отдельных случаях основой служила, по всей видимости, нитка льняная, почти полностью разрушенная от длительного пребывания в земле, и

на образцах сохранилась только металлическая ленточка в виде тонкой спирали. Какое волокно использовалось в качестве основы золотной нити, является важной деталью для определения места изготовления золототканных материй. Известно, что в Византии и Испании применялись золотные нити на шелковой основе, в то время, как в других странах для этой цели использовалась нить льняная 10/.

Золотная тесьма отличается большой плотностью и обычно бывает шире чисто шелковой. Ширина ее колеблется в пределах от 1,3 см до 3,5 см.

Наиболее распространены были в древней Руси золотные ленты с узором в виде плетенки /Рис. 2, 1-2/. В коллекции музея находится 27 фрагментов такой тесьмы из погребений XI-XII вв. 11/. В XVII в подобный орнамент именовался "черенок простой".

Из курганов преимущественно владимирских этого же времени имеется тесьма/13 фрагментов/ с зигзагообразным орнаментом /в "елочку"/ и с узором в виде косых линий /7 фрагментов/, известными в XVII в. под названиями "городок" или "копытечко" и "рядки" /рис. 2,3-4/. Единичными экземплярами представлена в нашей коллекции тесьма с ромбовидным узором различных вариантов /рис. 2, 5-8, 10/. К примеру можно привести ленту из курганной группы близ д.Караш, где имеется сочетание плетеного узора с ромбами /рис.2,11/.

10/ O.Falke. Указ. соч., стр. 28-29.

11/ В коллекции ГИМ имеется тесьма из областей Бобруйской /д.Вирково/, Владимирской /дд.Васильки, Осиповцы, Сизино, ст.Быково, Шушпанов/, Ивановской /д.Давыдково/, Московской /дд. Аниськино, ст.Пушкино/, Рязанской /д.Маклаково, ст.Рязань/, Черниговской /Гущинская, Стрижневская, Троицкие группы, д.Лариновка/, Ярославской /д.Караш/.

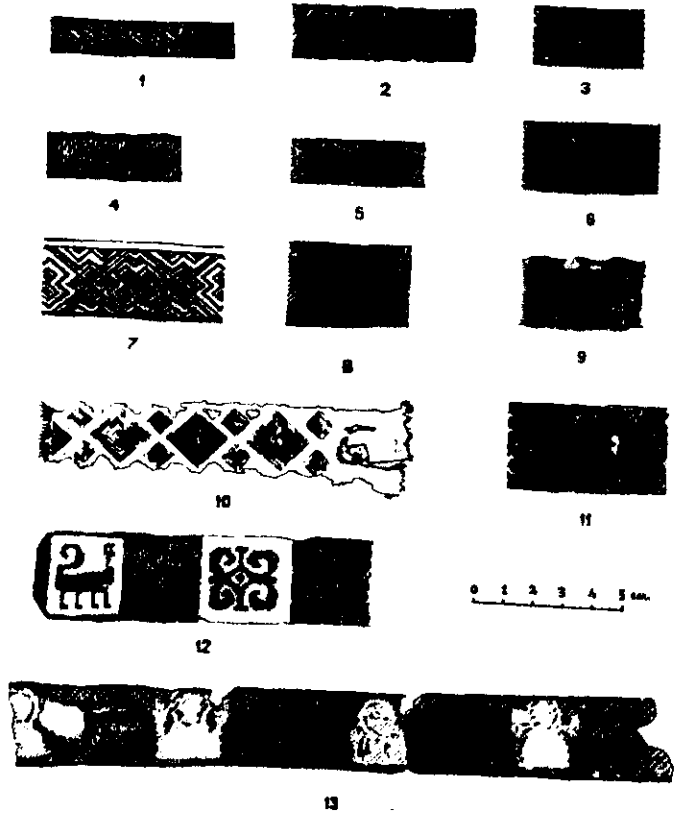


Рис.2. ОБРАЗЦЫ ТЕСЬМЫ XI - нач.XIII вв.

Среди образцов трехслойной тесьмы большой интерес представляют ленты из курганов XII - нач.XIII вв. близ д.Маклаково /Рязанская обл./. На золотном фоне одной из них имеется изображение зверей, на другой - поясная деисусная композиция /рис.2,13/. Аналогичная лента с ликами святых найдена в Московском Кремле под Успенским собором, в женском погребении XII в.[12/].

В связи с тем, что в рассматриваемое время нигде кроме Византии не производились шелковые ткани с изображениями святых, мы имеем основание всю группу трехслойных лент отнести к изделиям византийских мастерских, тем более, что основа золотных нитей этих лент является шелковой.

Несколько особняком стоит золотная лента из Михайловского клада с изображением зверей и орнаментальных мотивов /рис.2,12/, относящаяся к тому же времени, что и маклаковские ленты. По своей структуре этот образец отличен от вышеописанной золотной тесьмы - он имеет одну основу и два утка - шелковый и золотный /позолоченное серебро на шелковой основе/, но по своему узору эта тесьма близка золотной ленте из Маклаковской курганной группы.

В нашей коллекции имеется еще несколько фрагментов золотных лент из курганов XI-XII вв. Владимирской и Московской областей[13/], которые по ряду признаков не могут быть причислены к изделиям Византии. Основа золотных нитей этих образцов не сохранилась, ввиду того, что она была льняной, а не шелковой. Отличаются они от византийских и по типу ткачества: это двуслойная ткань с одной основой и

12/ Н.С.Шеляпина, В.И.Федоров. Археологические наблюдения в Успенском соборе Московского Кремля. Сб.Археологические открытия 1968 г. М, 1969, стр.83.

13/ Из курганных групп близ дд.Горки, Исада, Кубаево, Осиновки, ст.Быково.

двумя утками. Известное отличие наблюдается и в орнаменте, он несколько крупнее и по форме сложнее, чем узор на византийской тесьме /рис.2,5,7,8/.

Любопытно, что некоторые фрагменты этой тесьмы близки по своему орнаменту к шелковой ткани с изображением львов и птиц из гробницы Андрея Боголюбского; только геометрических узор из ромбов, который составляет фон этой ткани, выполнен не золотным, а шелковым утком.

Происхождение этой ткани определить трудно, так как многие шелкоткацкие мастерские востока производили парчевые ткани и употребляли золотые нити на льняной основе[14].

Важно отметить, что среди образцов золотной тесьмы имеются два фрагмента с зигзагообразным узором, найденные в погребениях Старой Рязани и у д.Шушпаново /Владимирская область/, которые в отличие от всех других лент нашей коллекции тканы при помощи "дощечек". Эта техника тканья тесьмы была широко известна на Руси. В крестьянском хозяйстве этим способом выделывалась шерстяная тесьма /сравнительно частная находка в курганах X-XIII вв/, которая вытканна нередко тем же узором "в елочку"[14]. Это дает основание считать эти два фрагмента тесьмы изделиями русской работы, тем более, что русский импорт из Византии и стран Востока состоял не только из шелкового текстиля, но также из шелковой пряжи и золотных нитей.

На основании коллекции Исторического музея можно заключить, что вышеописанная золотная тесьма была в обиходе у населения древней Руси в течение XI - начала XIII в.

14/ М.Н.Левинсон-Нечаева. Ткачество. Труды ГИМ, вып. 33, М, 1959, стр.32. Подобная же золотная тесьма с геометрическим узором, тканая на "дощечках", имеется на пелене XII в. из В.Новгорода с вышивкой русской работы. Она хранится в отделе тканей ГИМ.

В памятниках X в. подобные ленты не встречаются. В Гнездовском могильнике в одном из курганов X в. найден небольшой фрагмент тесьмы, но совсем иного характера. Это узенькая, шириной менее 1 см узорная лента, сплетенная из шелковой нитки и тонкой серебряной проволоки[15].

Возникает вопрос, какое применение находила шелковая тесьма, которая, судя по нашему материалу, поступала на русский рынок в больших количествах. Некоторые данные по этому вопросу содержатся в отчетах по раскопкам отдельных курганных групп. Правда, не все отчеты являются в достаточной мере подробными,и местоположение шелковой ткани в погребениях отмечается далеко не всеми исследователями. Тем не менее даже на основании этих неполных сведений выясняется разнообразное использование шелковых лент для украшения женской и мужской верхней одежды.

На примере ряда погребений из различных областей Руси видно, что тесьмой обшивался ворот одежды. Так обрывки золотной тесьмы находились на шейных позвонках скелетов, под нижней челюстью, большей частью в сопровождении мелких бронзовых пуговиц. В некоторых случаях тесьма лежала на куске бересты, которая подкладывалась под воротник, для придания ему, вероятно, большей твердости[16]. В двух курганах Московской области - у дд.Ст.Пушкино /рис.3/ и Новленская золотной тесьмой обшиты роскошные "ожерелья" женского платья.

Тесьма использовалась и для украшения рукавов. В кургане у д.Никульское Московской области тесьма с золотным узором найдена на правом предплечье погребенного.

Обнаружены в ряде курганов и женские головные венчики из шелковой тесьмы[17]. Среди них особенно интересна

15/ Найдена в кургане 95, в раскопках С.И.Сергеева.

16/ В черниговских, владимирских курганах и в курганах Маклаковской группы.

17/ Курганы у д.Аниськино Московской области, Давыдково Ивановской области и д.Маклаково Рязанской области.

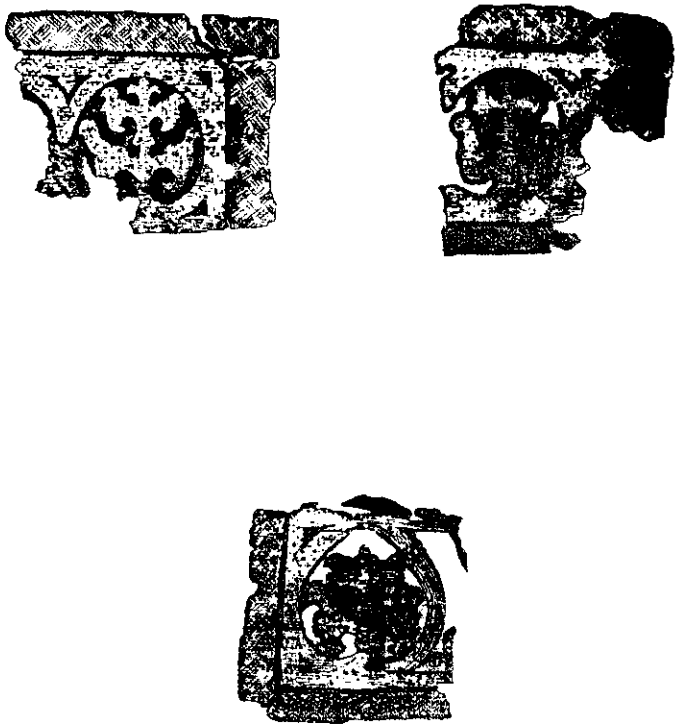


Рис.3. ШЕЛКОВАЯ ТКАНЬ С ВЫШИВКОЙ
Курган у д.Ст.Пушкино Московской области

лента с изображением зверей на золотном фоне, которая лежала на черепе скелета в одном из погребений Маклаковской курганной группы. В другом кургане этой же группы хорошо сохранился налобный погребальный венчик из золотной тесьмы с поясной деисусной композицией, уже ранее нами упомянутой. Несомненно, что здесь мы имеем дело с христианским захоронением и венчик является как бы прототипом более поздних погребальных венчиков, сопровождавших покойников как христианский амулет вплоть до настоящего времени[18].

Известно, что золототканная тесьма широко применялась и для украшения княжеской и боярской одежды. В богатом захоронении воина XII - нач.XIII вв. в урочище Лучки у д.Россава /Киевская область/ тесьмой оторочен головной убор.

На фреске церкви Спас-Нередицы кн.Ярослав Владимирович представлен в плаще /корзно/, обшитом по краям золотной лентой. В летописи под 1252 г. описывается платье кн.Даниила Галицкого. На нем был надет "кожюх же оловира Грецького и круживы златыми плоскыми ошит". Вероятно, под летописным "кружево златое плоское", которое нашивалось на верхнее платье, следует понимать как золототканную тесьму, так и вышивку золотными нитками[19].

В древней Руси, как и в других европейских странах, вышивка золотом и шелком была чрезвычайно распространена. Упоминаемые в археологической литературе находки парчи, золототканного шелка, оказываются при тщательном

18/ В.П.Левашева. Венчики женского головного убора из курганов X-XII вв. Сб. "Славяне и Русь". М, 1965, стр.95.

19/ ПСРЛ, т.II, СПб, 1843, стр.187; М.Н.Левинсон-Нечаева. Золото-серебряное кружево. "Русское декоративное искусство", т.1, М, 1962, стр.453.

изучении этого материала в большинстве случаев шелковыми тканями с вышивкой, выполненной золотными нитками[20]. Вышивкой украшались преимущественно гладкие, безузорные ткани. В коллекции Исторического музея из 57 фрагментов гладкого шелка только на 9 кусках отсутствовали следы шитья, в то время как из 15 образцов узорного шелка только один был с вышивкой.

Одноцветный безузорный шелк составляет значительную группу импортных тканей. В нашей коллекции он представлен 57 образцами, окрашенными преимущественно в красный цвет. От длительного пребывания в земле эти куски ткани полностью изменили свой цвет и в настоящее время имеют однообразный коричневый тон.

Безузорный шелк состоит из тканей полотняного /16 фрагментов/ и саржевого /1 фрагмент/ переплетений и двухличных с саржевым переплетением на лицевой стороне /40 фрагментов/. Среди тканей полотняного переплетения имеются образцы хорошего качества значительной плотности. Один из лучших таких образцов происходит из Троицкой курганной группы Черниговской области. Отличаются также своим качеством куски фаты из Михайловского клада в Киеве. Эта прозрачная материя вытканна из тонких, сильно крученых нитей, что является характерным для мастерских византийского круга. Во владимирских же курганах встречаются ткани полотняного переплетения из некрученой пряжи, что указывает на иное их происхождение[21].

Принимая во внимание, что отсутствие крутки нитей основы, как показали исследования последних лет, типично для шелков занданечи, /получили свое название от бухарского селения Зандана/ можно считать, что ткани полотня-

20/ М.О.Новицька. Гаптування в Київській Русі. Археологія, т.XVIII, Київ, 1965, стр.24.

21/ Из курганов близ дд.Давыдково, Исады, Кубаево, Шушпанове.

ного переплетения из некрученого шелка, найденные во владимирских курганах, привезены на Русь из Средней Азии[22].

Основываясь на материале коллекции Исторического музея, можно заключить, что на Руси наиболее распространен был двухсторонний гладкий шелк различных по качеству сортов. Одни двухличные ткани - плотные, эластичные, отличались, видимо, большой прочностью, другие - менее плотные имели блестящую ребристую поверхность за счет удвоенных нитей нерабочей основы, свободно лежащей между двумя утками. Следует отметить, что у всех наших образцов двухличных тканей нити основы были крученые. Из каких центров шелкоткачества этот вид шелка поступал на русский рынок, сказать трудно, т.к. он производился как в Византии, так и в Иране, Сирии и др.странах.

Безузорный гладкий шелк встречается в различных по времени памятниках. Он найден в погребениях X в. /в Безымянном кургане, Черной могиле и Тимеревском могильнике/, а также в захоронениях XI и XII вв., разбросанных по всей территории древней Руси.

Безузорный шелк шел на изготовление мужского и женского платья феодальной знати. Что касается сельского населения, то, судя по нашему материалу, создается впечатление, что среди крестьян одежда из шелка не была распространена. Этот дорогой материал использовался главным образом в качестве отделки платья, сшитого из другой ткани. Например, шелк использовался для украшения головного убора; каймой из шелка с золотной вышивкой обшивался ворот платья; широким вышитым обшлагом из шелка /"опястье"/ заканчивались рукава. Интересно, что в кургане у

22/ А.А.Иерусалимская. К вопросу о связях Согда с Византией и Египтом. Народы Азии и Африки, № 3, за 1967, стр.121. М.Г.Рощектурова. Ткани из замка на горе Мут. [illegible] АН Таджикской ССР

д.Аниськино Московской области найдены остатки кожаного кошелька в шелковом вышитом чехле.

Шелковые ткани с вытканным узором представлены в коллекции музея только 15 фрагментами. Эти интересные, чрезвычайно разнообразные по своему характеру ткани обнаружены в Черной могиле - княжеском захоронении, в гробнице Андрея Боголюбского, в захоронении богатого воина у д.Россава /рис.4/, в составе Михайловского клада и только в трех деревенских курганах[23]. По-видимому, узорная материя являлась наиболее дорогим шелковым товаром, находившим сбыт почти исключительно в феодальной среде.

Узор на этих тканях делался с помощью различных переплетений основы и утка. Самой простой тканью этой группы является ткань с одной основой и одним утком из кургана у д.Воробьево Калининской области. Эта ткань низкого качества вытканна из некрученых нитей, что свидетельствует о том, что, как говорилось выше, она является продукцией среднеазиатских мастерских.

Бо́льшая же часть узорных материй относится к числу двухсторонних, с основой из крученого шелка и двумя утками. Среди них встречаются ткани полосатые, ткани, у которых полосы сочетаются с орнаментом в виде кругов, ткани с орнаментом каплеобразной формы и крупнорапортные ткани, у которых орнамент состоит из кругов и растительных мотивов. Способ переплетений узорных тканей этого типа, известный в Иране, Сирии, Византии и других центрах шелкоткачества еще в У1-1Х вв., продолжал, как мы видим, широко применяться и в Х-ХП вв.

Наконец, несколько фрагментов узорных тканей нашей коллекции имеют одну основу и 3-4 цветных утка. Из числа

23/ У д.Воробьево Калининской области, д.Тушино Московской обл. и Кубаево Владимирской области.

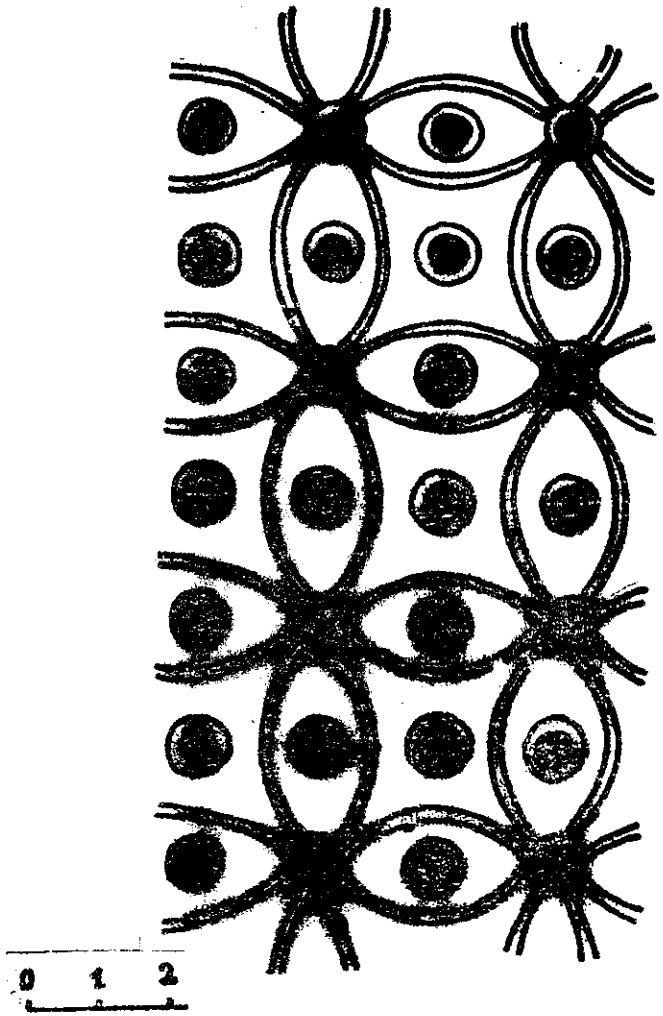


Рис.4. ШЕЛКОВАЯ УЗОРНАЯ ТКАНЬ
д.Россава Киевской области

этих образцов большой интерес представляют ткани XII в. из кургана близ д.Россава /рис.4/ и из гробницы Андрея Боголюбского с изображениями львов и птиц. Золотный уток этих тканей состоит из шелковой нити, которая обвита серозной оболочкой кишек животных, покрытой тончайшей золотой амальгамой. Подобные нити, впервые появившиеся в XI в. на византийских тканях, более дешевые и гибкие, чем нити из тонких металлических волос, к XV в. почти полностью вытеснили последние. Применение таких золотных нитей не ограничивалось только Византией, но распространившись повсюду, где существовало шелкоткачество. При этом византийские и испанские золотные нити из серозной оболочки кишек с золотой амальгамой отличались от других тем, что по-прежнему основой им служила не льняная нить, а шелковая[24].

Узор ткани Андрея Боголюбского, который состоит из парных животных /львов/ и птиц, чередующихся с орнаментом в виде пальм, близок к испанским и сицилийским тканям. Как и на последних, золотом вытканы только отдельные детали орнамента - головы львов и птицы[25]. Хотя между испанскими и сицилийскими тканями трудно провести резкую грань, мы склонны отнести владимирскую ткань к изделиям испанских шелкоткацких мастерских. Эта ткань, положенная в гробницу в 1175 г., должна была быть привезена на Русь в 50-60-х годах XII в. В середине XII века в Сицилии только начало возникать шелкоткачество, в Испании же эта отрасль производства достигла большого развития уже в X веке.

24/ O.Falke. Указ. соч. стр.28-29.

25/ Florence Lewis May. Silk textiles of Spain. New York, 1957, стр.23-27; Н.Н.Соболев. Очерки по истории украшения тканей. М-Л, 1934, стр.212, 249. R.P.Wilson. Islamic Art. London, 1957, стр.53, 61.

В итоге проделанной работы мы приходим к выводу, что остатки шелковых тканей, обнаруженные в раскопках, представляют важный источник для изучения внешних экономических связей древней Руси. Анализ этого материала дает возможность установить наличие товарооборота Руси со странами Средиземноморья и Среднего Востока и об интенсивности этой торговли в различные периоды. Данный источник характеризует ареал шелковых тканей на территории Руси и основного потребителя этого дорогого импортного товара. Вместе с тем он делает возможным установить наличие транзитной торговли древней Руси со странами Западной и Северной Европы.

Н.Т.КЛИМОВА

ТЕХНОЛОГИЯ ШЕЛКОВЫХ ТКАНЕЙ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Структурный анализ шелковых тканей из раскопок показал, что в домонгольский период на Руси бытовало их большое количество и самого различного назначения.

Чаще всего в курганах встречаются шелковые ленты /тесьма/, которые применялись для отделки костюма и головных уборов.

Наиболее простыми являются гладкие узкие шелковые ленты полотняного переплетения с плотностью 50х50 нитей на сантиметр. Кроме гладких лент широко была распространена узорная тесьма.

Во Владимирских курганах часто встречаются широкие золотные ленты /2,5-3 см/ с крупным геометрическим орнаментом. Особенностью этих лент является простота ткацких переплетений. Они относятся к двухличным тканям с одной основой и двумя утками. Шелковое полотно этих лент имеет полотняное или саржевое переплетение /2/1 из основы/ с плотностью нитей от 60 до 80 нитей на сантиметр по основе от 30 до 60 по утку. Узорный золотный уток обычно по рисунку переходит с лица на изнанку и обратно, как при вышивке гладью по счету нитей и ложится небольшими стежками на поверхность ткани /рис.1,1/. В результате такого расположения узорного утка образовывался блестящий золотный орнамент, который четко выделяется на матовом шелковом фоне ленты. На изнанке узор по фактуре похож на лицевую сторону, но с обратным изображением орнаментальных мотивов, т.е. шелковый узор на золотом фоне. Почти все ленты этого круга имеют узорный уток из позолоченного серебра, где металлическая узкая лента была

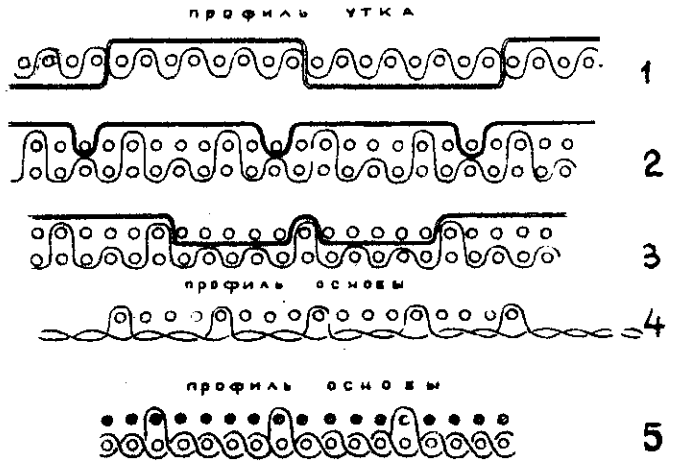


РИС. 1. ПРОФИЛИ УТКА И ОСНОВА ШЕЛКОВЫХ ЛЕНТ

навита на нить средней толщины. К сожалению нить, которая служила основой для металлической спирали,не сохранилась. Вероятно, она была не шелковой, как у большинства лент, а льняной.

Широко были распространены в это время ленты, где геометрический узор из золотного утка с небольшим раппортом плотно закрывает всю лицевую поверхность шелковой ткани. По типу ткачества эти ленты относятся к трехслойным тканям с 2 основами и 2 утками. Здесь шелковый уток, переплетаясь с двумя основами, образует на лице саржу 2/1 или 3/1 и гарнитур на изнанке. Во время образования шелкового полотна ленты на лицевую сторону прокладывался золотный уток, который приклеплялся основой по рисунку /рис.1, 2/. Ширина таких лент колеблется от 1 до 3,5 см. Они имеют плотность на основе от 40 до 160 нитей на сантиметр. Эти ленты отличаются добротностью, ровнотой нитей основы и утка, регулярностью переплетения и хорошим качеством золотых нитей, которые всегда имеют шелковую основу желтого цвета. Чаще всего, прикреп узорного золотного утка осуществляется основой по узору, который всегда имел геометрический характер.

Усложненным типом этих лент являются образцы из курганов д.Маклаково /Рязанской обл./. Эти ленты отличаются высокой плотностью, где количество основы достигает до 120 нитей на см, а утка до 70-80 нитей на см. Они имеют золотный фактурный фон и шелковый узор в виде изображения святых, птиц и зверей. Эти ленты, как и предыдущие, состоят из 2-х основ и 2-х утков и имеют те же самые переплетения основного полотна.В том месте, где выступает на лице шелковый узор,структура ткани усложняется. Лицевая основа, образующая узор, с золотным утком переплетается по саржe 3/1, а шелковый уток в тоже время с изна-

лотным утком захватывает нити лицевой основы,объединяя два слоя ленты вместе /рис. 1,3/.

Интересной по структуре является лента из Михайловского клада, относящаяся к XII в. с изображением зверей в орнаментальных мотивов. Она имеет одну основу и два утка - шелковый и золотный /позолоченное серебро на шелковой основе/. Однако шелковый уток здесь работает только в тех промежутках, где имеется узор. В квадратах с гладким золотным фоном его нет. Здесь шелковая основа переплетается с золотным утком по саржe 1/2. В узорном квадрате появляется шелковый уток, который работает поочередно с золотным. Когда золотный уток, образуя на лице узор, переплетается с основой по саржe 1/3, шелковый уток на изнанке в то же время с этой же основой переплетается по саржe 1/3. В том месте, где на лицевой стороне появляется шелковый фон,утки меняются местами.

В кургане у с.Россава /Киевская область/ были найдены шелковые ленты необычные по структуре. На одной ленте две рядом лежащие основные нити в процессе образования ленты скручивались в виде шнура и укладывались рядами. На расстоянии 0,6 см эти скрученные нити основы переплетались с толстыми шелковыми утками по ломаной саржe 1/3. В определенном месте по узору одна нить основы перед тем как переплестись с другой отходила в сторону и захватывала уток /рис. 1,4/. В результате образовалась ажурная лента с рельефными полосами.

На другой ленте нити основы также были скручены по две вместе. При скручивании основных нитей внутрь каждого витка прокладывался тонкий шелковый уток, который скреплял по ширине ленты все основные нити. На поверхность ткани уток не выходил, поэтому на лице и на изнанке ткани образовалась полосатая поверхность в виде плетеных нитей в елочку. На лицевую сторону ленты в процессе образования ткани по узору прикреплялся золотной уток.Как и в

предыдущей ленте, в определенном месте одна из основных нитей перед скручиванием с другой, отходила в сторону и захватывала золотный уток /рис. 1,5/. Эти ленты сложны по структуре, отличаются хорошим качеством, ровнотой пряжи и регулярностью переплетений.

Среди шелковых образцов из погребений большую долю занимают гладкокрашенные ткани простого полотняного и саржевого переплетения /рис.2, 1а,б/. Образцы тканей полотняного переплетения отличаются большим разнообразием. Есть ткани хорошего качества, выполненные из ровной пряжи со значительной плотностью нитей основы и утка. Лучшие из них встречаются в Троицкой курганной группе /Черниговская область/ с плотностью 50х50 нитей на сантиметр. Но в коллекции Исторического музея имеются ткани и с низкой плотностью, примерно 20х20 н/см или 20х25 н/см. Особенно часты эти находки во владимирских курганах. Характерной особенностью этих тканей является отсутствие крутки нитей как основы, так и утка. Большой интерес представляет прозрачная ткань-фата из Михайловского клада 1903 г., которая отличается повышенной круткой тонких шелковых нитей. В данном случае, даже при большой плотности /30х30 н/см/ уточные и основные нити ложатся на значительном расстоянии друг от друга, в результате чего образуются просветы, которые придают ткани легкость и воздушность.

Большую группу образцов представляют двухличные шелковые ткани из одной основы и двух утков. Основным видом переплетения этих тканей на лице является уточная саржа 1/5 /т.е. уток переплетается с основой через 5 нитей/. Второй уток на изнанке в это время переплетается с основой по саржe 1/2, 1/3 или мелкоузорчатым переплетением, производным от саржи 1/5 /рис.2,2/.

Характерной особенностью этой группы тканей являет-

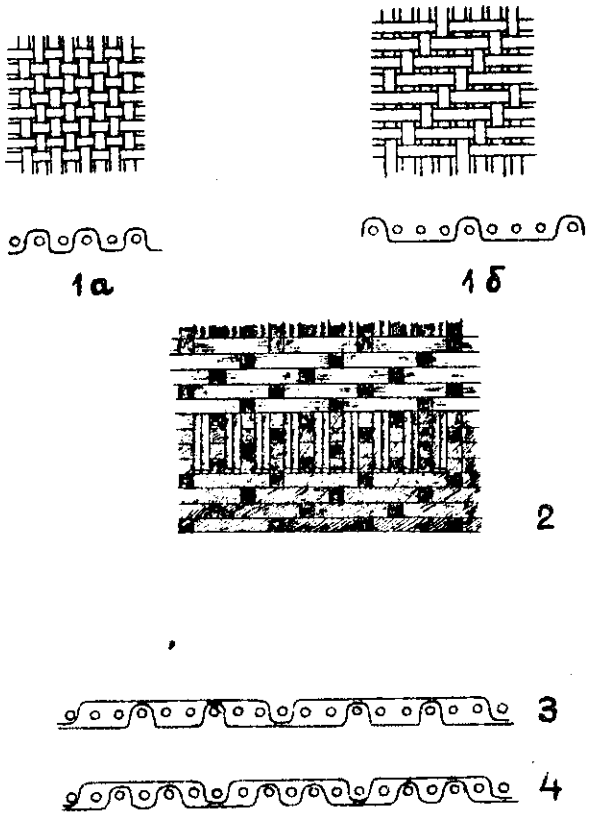


РИС. 2. РИСУНКИ ПЕРЕПЛЕТЕНИЙ И ПРОФИЛИ УТКОВ ШЕЛКОВЫХ ГЛАДКИХ ТКАНЕЙ

ся то, что они всегда имеют нити основы, не участвующие в переплетении и свободно лежащие между двумя утками. Причем встречаются две группы таких тканей. На одних подкладная основа всегда состоит из двух рядом лежащих нитей /рис. 2,3/. Наличие не рабочей основы может быть вызвано желанием получить плотную упругую ткань, которая собиралась в красивые складки и имела блестящую ребристую поверхность. Возможно, такая структура ткани была вызвана и чисто производственными целями. Наличие основы, которая чередовалась то с одной, то с двумя нитями, без усилий давала возможность определить последовательность работы лицевого и изнаночного утков.

Во второй группе двухличных уточных тканей подкладная основа, как и рабочая, состоит только из одной нити. /рис.2,4/. Правда, эта подкладная основа всегда толще или темнее по цвету. Ткани второй группы распространены были гораздо шире. Они отличаются большей плотностью, чем образцы первой группы, и в основном имеют количество нитей на сантиметр по основе от 44 до 68-70, а по утку от 60 до 100. В первой же группе количество нитей основы не превышает 24-30 на см. Таким образом, ткани второй группы добротнее, эластичнее и прочнее.

Почти все гладкие шелковые ткани, найденные в курганах, были украшены вышивкой. В ряде случаев вышивка на образцах не сохранилась, остались только отверстия от золотных нитей в ткани, по которым можно определить характер узора. Однако на большом количестве образцов вышивка хорошо сохранилась. По ним можно сделать вывод, что самым распространенным материалом для вышивки в X-XII вв. был шелк и золотные нити, близкие тем, которые применялись при изготовлении узорных лент и тканей.

В отдельных случаях на образцах имеются только металлические ленточки в виде тонкой спирали. Основа, на

которую была навита металлическая ленточка, не сохранилась. Вполне возможно, что здесь вместе шелка был лен. Особенно часто золотные нити без основы встречаются во владимирских курганах. На некоторых образцах с вышивкой встречаются тонкие гибкие золотные нити, где металлическая лента очень плотно навита на основу и не дает просветов между двумя витками.

Существовали разные приемы вышивки золотными нитями. Наиболее распространенной является вышивка на проем с образованием петель на изнанке /рис. 3,1-2/. Для подобного закрепления золотных нитей на ткани существовали два приема. Один осуществлялся при помощи крючка, который с изнанки выходил в определенном месте на поверхность ткани, захватывал золотную нить и протаскивал ее вниз. Образовавшаяся петля прикрепляла нить к ткани. Вероятно, через эти петли пропускались льняные нити, которые не давали возможность при ослаблении ткани выпрямляться упругим золотным нитям и нарушать блестящую поверхность вышивки /рис. 3,3/. В другом случае золотная нить пропускалась иглой на изнанку и, захватив одну-две нити ткани, возвращалась на лицо, образовав петлю на изнанке /рис. 3,4/. На лицевой стороне золотные нити при этом укладывались небольшими параллельными линиями, так что конец одного стежка приходился на середину рядом лежащего /рис. 3,5/. Часто, таким образом, укладывали стежки в одну нитку, заполняя как большие поверхности узора, так и тонкие гибкие детали орнамента. Этим приемом создавалась ровная блестящая поверхность вышивки гладью.

Иногда стежки укладывались не в одну, а в три нити /так наз. клопчик в 3 нитки/ /рис. 3,6/. При этом получалась ровная золотая поверхность узора равномерно заполненная штрихами, расположенными в шахматном порядке.

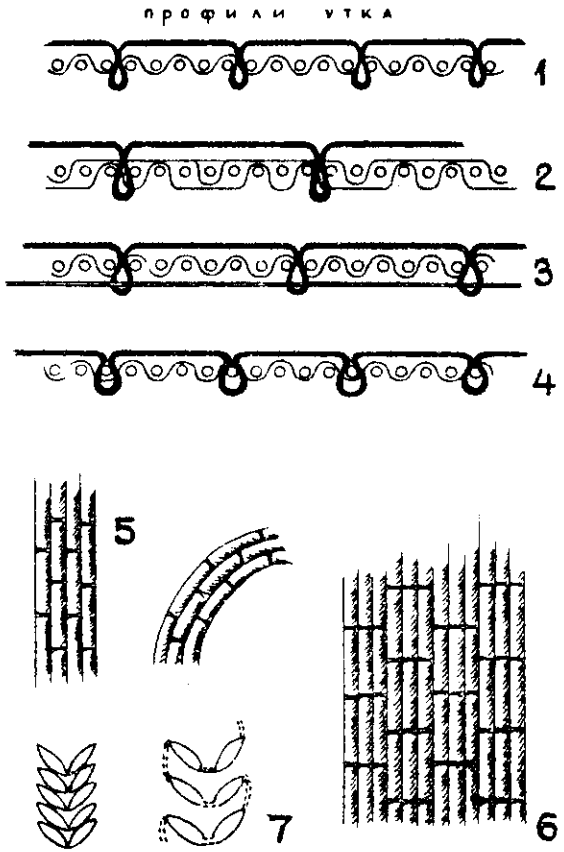


РИС. 3. ПРОФИЛИ УТКОВ ГЛАДКИХ ТКАНЕЙ С ЗОЛОТНОЙ ВЫШИВКОЙ И РИСУНКИ ШВОВ

Сочетание этих двух приемов обогащало фактуру вышивки, придавало узору особую декоративную выразительность.

В вышивке применялся также шов, где стежки укладываются под углом друг к другу, наполняя узор в виде перышек или елочек /рис. 3,7/. Выполнялся этот шов также непрерывной золотной нитью с образованием петель на изнанке.

Во многих курганах встречается вышивка золотными нитями, выполненная на проем с образованием длинных стежков на лице и коротких - на изнанке. На лицевой стороне нити укладывались по узору параллельными стежками /рис. 4 /. Поверхность узора при этом получалась не гладкой, как в первом случае, а с небольшими просветами ткани /рис. 4, 1-3/.

Наконец, следует заметить, что имеются вышивки, которые выполнены двумя приемами, часть узора заполнена золотными нитями, которые на изнанке образуют петли, а часть со стежками на лицевой и обратной стороне. Так выполнена вышивка, которая была найдена при раскопках в Старой Рязани.

В памятниках к.XII - нач. XIII в. встречаются вышивки, выполненные комбинированным способом. Гибкие тонкие элементы узора на этих вышивках заполнены золотными нитями, которые к ткани прекреплялись на проем с образованием петель на изнанке. Большие же плоскости орнамента вышивались золотными нитями в прикреп /рис.4,4/. Шелковые нитки, прикрепляющие золотные нити к ткани, часто образовывали геометрический орнамент, который встречается на узорных лентах и фасонных тканях. Своеобразно выполнена вышивка к. XII - нач. XIII вв. из Михайловского клада 1903 г. Она также, как и большинство образцов, выполнена на проем с образованием петель на изнанке. Однако здесь

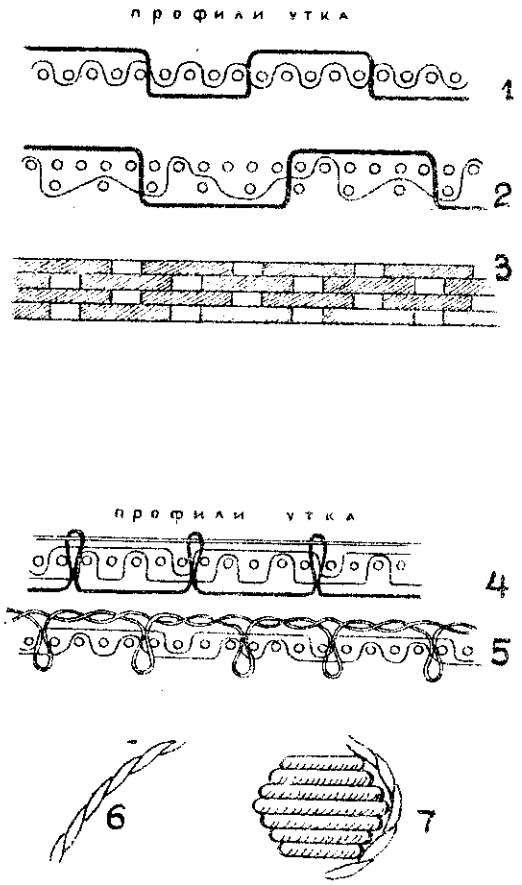


РИС. 4. ПРОФИЛИ УТКОВ ГЛАДКИХ ТКАНЕЙ С ВЫШИВКОЙ И РИСУНКИ ШВОВ

имеется одна существенная разница. Золотные нити в данном случае, обходя контур узора, в процессе выполнения вышивки скручивались по две вместе, образовывая тонкий шнур. Для того, чтобы шнур прикрепить к ткани, одна из нитей периодически протаскивалась крючком на изнанку, где и образовывала петлю /рис.4,5/. Между двумя шнурами поверх ткани прокладывалась толстая шелковая нить, которая прикреплялась к ткани тонкой ниткой.

На большинстве сохранившихся образцов золотный узор всегда имел тонкий шелковый контур, который выполнялся небольшими стежками в виде современного стебельчатого шва /рис. 4,6/.

В черниговских, рязанских, ярославских курганах встречаются образцы, где наряду с золотными нитями некоторые детали узора выполнены гладью красным, желтым и зеленым шелком /рис. 4,7/.

На вышитой ленте из кургана близ д.Караш Ярославской области лики и руки святых вышиты шелком, где шелковые нити укладываются по форме узора небольшими стежками.

В древнерусских курганах домонгольского периода встречаются еще и шелковые фасонные ткани. Узор на них, как и на лентах получен с помощью различных переплетений основы и утка.

В Калининской обл. у д.Воробьево найдена самая простая ткань этой группы с плотностью 40х20 нит./см. Она имеет 1 основу и 1 уток. Узор на ткани получен путем смены уточной саржи 1/3 на основную 3/1 /рис.5,1/. Ткань эта плохого качества, у нее малая плотность, неравномерная толщина некрученных нитей основы и утка. Кроме этого, при переходе уточной саржи в основную образуются длинные нити основы, которые значительно снижают качество ткани.

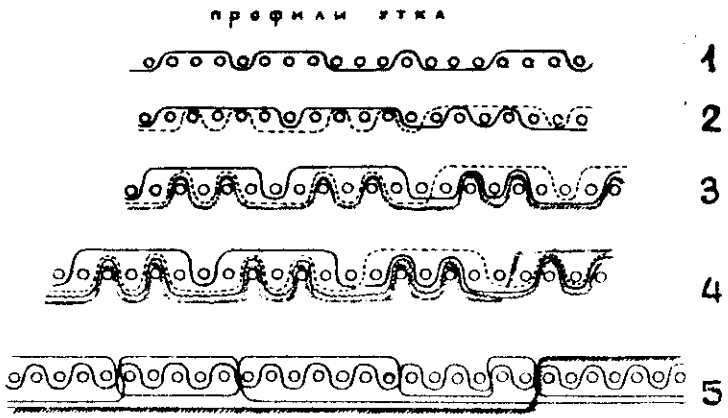


РИС. 5. ПРОФИЛИ УТКОВ УЗОРНЫХ ШЕЛКОВЫХ ТКАНЕЙ

Однако широкая закрайка полотняного переплетения говорит о том, что у ткача имелся определенный опыт в работе с шелковыми тканями.

Большая группа фасонных тканей имеет одну основу и два утка. Эти ткани относятся к уточным двухличным тканям. Они отличаются добротностью, ровнотой нитей, наличием крутки основы, регулярностью переплетений и значительной плотностью. На лицевой стороне эти ткани почти всегда имеют уточную саржу 1/5, на изнанке мелкоузорчатое переплетение. Подобно гладким двухличным, фасонные ткани этого круга имеют рабочую и подкладную основу. Плотность нитей колеблется по основе от 40 до 68 на сантиметр, по утку от 40 до 80 на сантиметр /рис.5,2/.

В киевских и черниговских курганах были найдены образцы фасонных тканей, которые имеют одну основу и три цветных утка. /Один фоновый и два узорных/. Эти ткани отличаются большой плотностью по утку от 100 до 120 прокидок на см. Как и на предыдущих образцах эти ткани на лице имеют уточную саржу 1/5, а на изнанке мелкоузорчатое переплетение. На одном образце узорные утки работали поочередно, т.е., когда один узорный уток кончал образование определенной формы орнамента, его снимали со станка и в работу пускали другой узорный уток. Таким образом, ткань по структуре не отличалась от образцов второй группы, но имела уже не два, а три цвета. В этом случае цветные формы орнамента располагались полосами. На другом образце три утка работали вместе. Порядок переплетения не нарушался, т.е. на лицевой стороне фоновый или узорный уток с основой переплетался по саржe 1/5, на изнанке же два утка укладывались в один зев и переплетались с той же основой мелкоузорчатым переплетением /рис.5,3/. В данном случае распределение цветных пятен в орнаменте

5
0
5
1
09
120
132
38
147
155

как это было необходимо по замыслу мастера.

На ткани из кургана близ д. Россава в переплетении участвовало 4 утка-3 шелковых и один золотный /позолоченная кожа на красной шелковой основе/. Золотный уток был сменным - он проходил только на тех участках, где появлялись золотые формы орнамента. Порядок переплетения был тот же самый, только на изнанке в один зев укладывалось уже не два, а три утка /рис. 5, 4/. Особенно интересным по структуре являются две ткани из гробницы Андрея Боголюбского. Полосатая двухличная ткань с узором из цветных розеток имеет,как все фасонные ткани этой группы,не только рабочую основу,но и толстую подкладную. Данная ткань имеет 4 цветных утка: красный, зеленый, желтый, коричневый. Утки на ткани идут участками. Там, где расположены гладкие полосы, одновременно участвовало в переплетении два утка. В том месте, где появлялся узор,в переплетении участвовало 3 утка. Порядок переплетения основы и утка обычный. Ткань эта особенно интересна по распределению цвета на лицевой стороне и изнанке. На лице узор образуется за счет переплетения с основой красного/, желтого и зеленого утков. Коричневый уток все время оставался на изнанке и создавал широкие гладкие полосы, которые перемежались узкими цветами. В результате своеобразной смены цветных утков ширина полос,их ритм и цвет на лице и на изнанке не одинаков.

Другая шелковая ткань из гробницы Андрея Боголюбского по структуре не имеет себе аналогии в коллекции Гос. Исторического музея. Эта ткань отличается также от других образцов сложностью узора. Она имеет 1 основу и 4 утка, которые работали не равномерно, поэтому плотность ткани по утку возрастает в определенных местах от 46 прокидок на см до 176. Основой ткани является полотняное

переплетение красной основы с одним красным утком. Узорные утки, как и при вышивке гладью, переходят с лица на изнанку по рисунку. На лицевой стороне узорные утки укладываются небольшими параллельными стежками. На изнанке, из-за отсутствия прижимной основы,утки свободно висят на расстоянии 6-7 см. Там, где идет сложный геометрический узор из ромбов, в переплетении участвуют одновременно два красных утка. В том месте, где идет узор из растительных мотивов, птиц и зверей,появляется зеленый уток, который обрисовывает контур узора. Головы зверей выполнены золотным утком /позолоченная кожа на шелковой основе/. В этом месте одновременно в переплетении участвуют 4 утка /рис. 5,5/.

5
0
5
1
09
120
132
38
147
155

Г.Ф.ПОЛЯКОВА

БАЛЫКУЛЬСКИЙ КЛАД БОЛГАРСКИХ УКРАШЕНИЙ ДОМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ

Для разрешения многих вопросов, связанных с историей Болгарского государства, немаловажное значение имеют найденные на его территории ювелирные изделия. Без их изучения была бы неполной характеристика местного ремесла, культурных связей, социальных отношений и т.д. Поэтому каждая новая публикация болгарских ювелирных изделий представляет большой интерес.

В Государственном Историческом музее хранится клад, найденный в 1906 году у деревни Балыкуль бывш. Спасского уезда Казанской губернии местным жителем Магомед-Гали-Мостюковым. В состав клада входят шейная гривна ажурного плетения, 10 аналогично изготовленных браслетов и 9 слитков серебра[1]. /Рис.1/. По имеющимся сведениям, все перечисленные предметы лежали в глиняном горшке, который, к сожалению, в музей не поступил.

Шейная гривна сплетена из трех пар слабо перекрученных серебряных проволок сечением около 2-х мм. Плетение составляет почти половину гривны, далее концы проволок собраны вместе, вставлены в раструбы двух дротов и прокованы. Один из дротов частично обломан, конец другого загнут в крючок. Размеры гривны: 24х26 см.

Браслеты Балыкульского клада тоже плетеные. Для их изготовления применялась проволока длиной около 1,5 м, сложенная в шесть раз и переплетенная. Размеры браслетов: 5,2-6 х 6,4-7,6 см. Сечение проволок различно от 1,5 до 2,5 мм. Концы браслетов слегка прокованы.

1/ ГИМ, инв. № 44222.

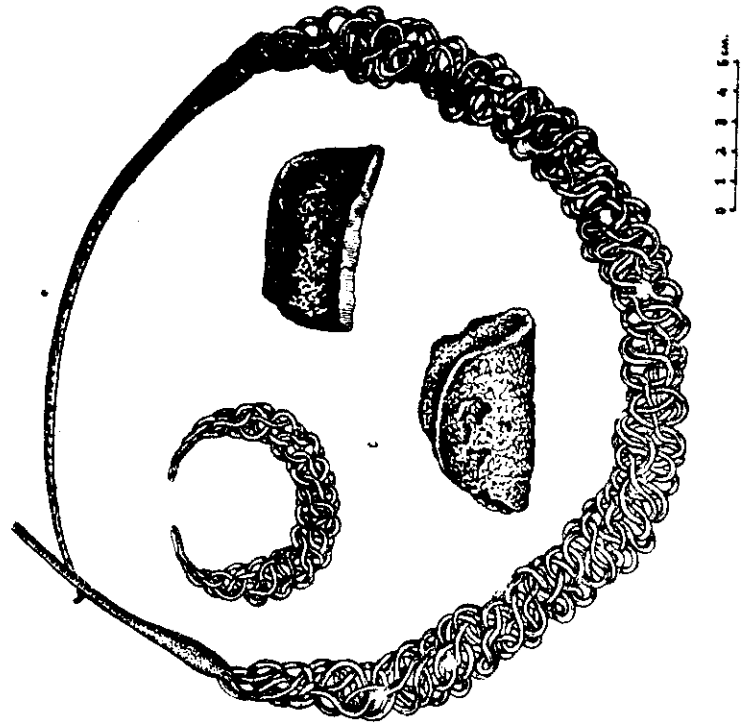


РИС. 1. ВЕЩИ ИЗ КЛАДА

Плетеные украшения, подобные балыкульским, получили чрезвычайно широкое распространение в Волжской Болгарии домонгольского времени. Убедительным примером тому может служить тот факт, что только в 10 пунктах Болгарского государства обнаружено около 70 плетеных браслетов [2].

Несколько экземпляров подобных украшений было найдено и за пределами Волжской Болгарии. Среди них большой интерес в решении вопроса о происхождении болгарских изделий ажурного плетения и их датировке, представляют плетеные гривны, входящие в состав древнерусских кладов, опубликованных Г.Ф.Корзухиной. Таких гривен всего три: одна содержится в кладе, найденом у села Копиевка Винницкого округа Киевской обл., другая - в кладе из дер. Борщевка Дубенского у. Волынской губ. и третья - в кладе из дер. Б.Хайча Овручского у. Волынской губ.[3] Первые два клада датируются II пол. X века, третий - XI веком.

2/ А.С.Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси X-XIII вв. М. 1936, стр. 80-81; Н.Ф.Калинин, А.Х.Халиков. Итоги археологических работ за 1945-1952 гг. Труды Казанского филиала АН СССР, серия исторических наук. Казань, 1954, стр. 95; А.Ф.Лихачев. Драгоценный клад, найденный в Казанской губернии в 1882 году. Труды УП АС, т.II, М, 1891, стр. 169-197; ОАК за 1895 г. СПб, 1897, стр. 60; А.А.Спицын. Из коллекций Императорского Эрмитажа. ЗОРСА, т.УШ, вып.1 СПб., 1906, стр. 265-266; Т.А.Хлебникова. Еще одна находка болгарских ювелирных изделий. СА, 1963, № 1, стр. 307-308; О.С.Хованская. Нагрудные украшения из булгарского города Джукетау. СА, 1958, № 1; коллекция ГИМ, инв. №№ 58456, 37634, 37238; коллекции ГМТР, инв. №№ 5502, 5504, 5513, 14576; коллекция ГЭ, оп. № 659.

3/ Г.Ф.Корзухина. Русские клады IX-XIII вв. М, 1954, стр. 84, 85, 91.

Древнерусские плетеные гривны рассматривались некоторыми исследователями как прототип болгарских плетеных украшений. Указанная точка зрения основывалась на более ранней датировке русских гривен по сравнению с болгарскими. Однако, ряд фактов позволяет по иному подойти к решению поставленного вопроса. Прежде всего, следует отметить, что в тот период, к которому относятся наиболее ранние плетеные гривны древнерусских кладов, т.е. во II пол. X века, данный тип украшений в целом был распространен на Руси, как известно, очень слабо. Не случайно, из 17 кладов, датированных Г.Ф.Корзухиной указанным временем, гривны содержались только в трех. Немаловажное значение в данном вопросе имеет и то обстоятельство, что многие из найденных на Руси гривен этого периода являлись предметом импорта[4].

По характеру исполнения рассматриваемые гривны древнерусских кладов выпадают из общего комплекса славянских украшений. Они не были характерны ни для раннего периода Русского государства, ни для более позднего времени его существования. А между тем, в Волжской Болгарии они составляют массовый материал.

Все сказанное выше позволяет выдвинуть предположение, что найденные на Руси плетеные гривны относятся к числу привозных изделий, поступавших на Русь из Волжской Болгарии уже со II пол. X века в результате установившихся тесных торговых и культурных связей между обоими государствами.

Болгарские плетеные гривны и браслеты составляли, по-видимому, стилистически единый комплекс украшений. Об этом свидетельствует некоторая закономерность во взаимовстречаемости их в кладах домонгольского времени.

4/ М.В.Фехнер. Шейные гривны. ТГИМ, вып. 43, стр.55-74.

Так, например, гривнам обязательно сопутствуют плетеные браслеты и именно в кладах с гривнами число браслетов особенно велико[5]. Попутно можно отметить, что наряду с указанным комплексом в Волжской Болгарии до монгольского нашествия получил распространение и еще один, в основе которого лежали нагрудные цепочки с подвесками и трехбусинные височные кольца. Шейные гривны ни разу не были встречены вместе с нагрудными цепочками. Но известен случай, когда гривну использовали в комплексе с височными кольцами, подвесив при этом к ней желудевидные бусины, аналогичные бусинам нагрудных цепочек, с тем, чтобы она соответствовала общему стилю этого комплекса[6].

Помимо украшений, в состав Балыкульского клада входят слитки серебра. Они представляют собой небольшие пластины толщиной около 0,5 см, согнутые в желобок или трубочку. Вес и размеры пластин различны и не подчиняются какой-либо закономерности в изменении их линейных и весовых величин. Некоторые слитки оказались обрубленными. Общий вес их 640 гр.

Ареал слитков серебра этого типа носит узко локальный характер, ограничиваясь в основном территорией Волжской Болгарии. Здесь известны как единичные находки слитков, так и клады, полностью состоящие из них. Кроме того, они содержатся в некоторых болгарских вещевых кладах XI - нач. XIII вв. К числу таких кладов относятся Спасский 1869 г., Шуранский 1889 г., Именьковский, Билярский 1879 г., Билярский 1882 г., Верхне-Кондратский

5/ В Балыкульском кладе - 10 браслетов, в Именьковском кладе - 8 /ГМТР, инв. № 14576/, в Собакайском кладе - 5 /А.А.Спицын. Ук. соч., стр. 265-266/.

6/ Именьковский клад.

и Четырлинский[7]. Подобные слитки имеются и за пределами Болгарского государства, в частности, в древнерусских кладах, которые датируются II пол. X века[8]. По времени они совпадают с древнерусскими кладами, содержащими гривны. Более того, в Борщевском кладе слитки и гривны были встречены вместе.

Массовое распространение слитков серебра в Волжской Болгарии позволяет считать их, как и плетеные гривны, предметом местного производства. О времени появления их судить трудно, но бесспорным является то, что во II пол. X века они уже существовали.

В заключение следует отметить, что типы украшений и слитков, входящих в состав Балыкульского клада, бытовали в Волжской Болгарии на протяжении довольно значительного отрезка времени, со II пол. X до нач. XIII вв., поэтому определить точное время зарытия клада пока не представляется возможным.

7/ А.С.Гущин. Ук. соч., стр. 80-81; А.Ф.Лихачев. Ук. соч., стр. №169-197; ГМТР, инв. № 14576; ОАК за 1895 г., СПб., 1897, стр. 80; ОАК за 1908 г. СПб., 1912, стр. 185-186.

8/ Г.Ф.Корзухина. Ук. соч., стр. 88 № 17, стр. 95-97 № 5, 44, 48.

Д.Л.ТАЛИС

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ КЕРАМИКА ТЕПЕ-КЕРМЕНА

Тепе-Кермен принадлежит к городищам Юго-Западного Крыма, расположенным на второй гряде Крымских гор. Об этих городищах, известных ранее под названием "пещерные города", существует довольно большая литература [1]. Однако на научную основу изучение этих памятников поставил впервые Н.И.Репников лишь в 1928 году своими раскопками Эски-Кермена, которые продолжались и в последующее время. Интерес к проблематике, связанной с рассматриваемыми городищами, обусловлен прежде всего тем, что без их исследования история раннесредневековой Таврики ос-

1/ Полный обзор работ, вышедших до 1932 года, содержится в статье В.И.Равдоникаса "Пещерные города Крыма и готская проблема". ИГАИМК, т.XII, вып.1-УШ, 1932, стр. 5-38.Работы, опубликованные позднее, освещаются в статьях М.А.Тихановой "Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма", МИА, XX1У, М-Л, 1953, стр. 319-333 и Д.Л.Талиса "Некоторые проблемы истории раннесредневековой Таврики и литература последних лет", ВВ, X1X, 1951, стр. 240-259. Эти городища рассматриваются в следующих работах, вышедших после 1961 года. А.Л.Якобсон. Средневековый Крым. М,1964; О.И.Домбровский. Фрески средневекового Крыма. Киев, 1966; Сборник "Археологические исследования средневекового Крыма" /статьи Э.И.Соломоник и О.И.Домбровского, Е.В.Веймарна/; Д.Л.Талис. О классификации и датировке некоторых средневековых городищ Крыма. Сб. "Экспедиции Государственного Исторического музея", М, 1969.

тается в существенных своих чертах непонятной. Между тем эта область играла важную роль в средневековой, как, впрочем,и в античной,истории Юга нашей страны.

По своим топографическим особенностям Тепе-Кермен входит в одну группу с городищами Эски-Керменом и Мангупом: он расположен на вершине /"столе"/ изолированной столовой горы. Памятники Горного Крыма, принадлежащие к одной топографической группе, обладают и другими общими чертами, в частности, возникают они, примерно, одновременно [2].

До 1969 г. городище Тепе-Кермен не подвергалось археологическому исследованию.

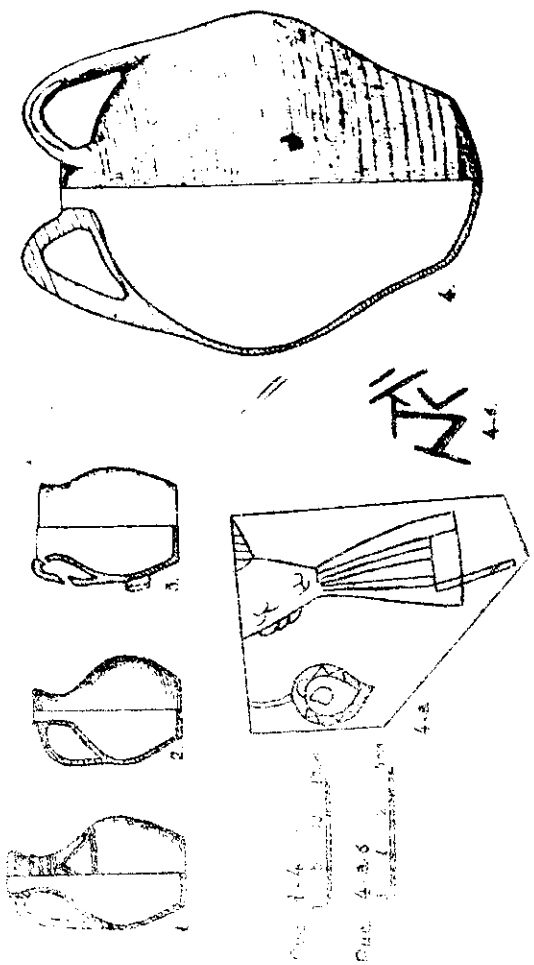
Р результате работ, начатых здесь экспедицией Государственного Исторического музея в 1969 г., выявлен парадный вход и въезд на городище, расчищена часовня и часть монументального комплекса, к которому она принадлежала, раскопан хозяйственный дворик. Получено довольно много керамики, по преимуществу позднесредневековой, некоторым типам которой и посвящена настоящая работа. Речь идет, в основном, о той посуде, которая представлена целыми формами. Наличие сравнительно большого количества фрагментов, восстанавливающихся в целые сосуды, обусловлено тем, что сооружения последнего периода жизни погибли в сильном пожаре [3].

Вся найденная керамика /кроме строительной - черепицы и кирпичей, - которая не рассматривается/ делится на неполивную и поливную. Неполивная керамика представлена кухонной - кувшинами и горшками, и тарной - амфорами и пифосами.

Два восстановленных кувшина имеют существенные различия в форме; общей чертой является лишь шаровидность тулова. Первый кувшин /Те - 69/78, рис. 1,1/ имеет

2/ Д.Л.Талис. Ук.соч., стр.131-140

3/ Реставрация всех сосудов принадлежит С.П. Маркеловой, за что приношу ей глубокую благодарность.



ИЗ. 1. КУХОННАЯ И ТАРНАЯ КЕРАМИКА ТЕПЕ-КЕРМЕНА

серовато-коричневый черепок неравномерного обжига; высокое, расширяющееся раструбом горло с массивным утолщенным венчиком. Примерно на половине высоты горло перехвачено налепным валиком, орнаментированным круглыми "медальонами". Помимо валика верх кувшина украшен врезным узором: две зоны опоясывающих сосуд мелковолнистых линий, между которыми - гребенчатый зигзаг. Ручка прикреплена концом к валику и середине тулова кувшина. Здесь прослеживаются разнородные воздействия. Шаровидность тулова, как и налепной валик являются признаками, достаточно распространенными в керамике Херсонеса XI-XIУвв. Там же встречаются отдельные элементы врезного узора, аналогичные рассматриваемым: мелковолнистая линия, зигзаг, "медальоны" на налепном валике 4/. Однако для херсонесской посуды не характерны ни очертания венчика, ни, что еще важнее, взаимное относительное расположение элементов орнамента, подобное встреченному на нашем кувшине. В равной мере и манера перехвата горла налепным валиком присуща в Херсонесе только крупным тарным сосудам типа пифосам и отчасти амфорам, но не кухонной керамике. Весь орнамент тепе-керменского кувшина ближе всего к орнаментам "кочевнических" сосудов из Саркела 5/, хотя полного сходства тоже нет: в частности, последним чужды врезные прямые линии и налепные валики.

Второй кувшин /Те - 69/77, рис. 1,2/ с раздутым шаровидным туловом, высоким цилиндрическим горлом и ручкой примыкающей к уплощенному манжетовидному рифленому венчику. Сосуд имеет залощенные стенки. Шаровидный абрис

4/ А.Л.Якобсон. Средневековый Херсонес. МИА, 17, М-Л, 1950, стр. 110-112, рис. 67, 7, 10, 11; 71, 72, 73, 74.

5/ Там же, стр. 109, рис. 64, 65.

6/ С.А.Плетнева. Керамика Саркела-Белой Вежи. МИА, 35, М-Л, 1953, рис. 11

2
65
80
95
8
109
120
132
38
47
55

кувшина приближается к позднесредневековым херсонесским сосудам, однако лощение и форма ручки не свойственны синхронной херсонесской керамике. Лощеная наружная поверхность сосуда является, впрочем, особенностью, чуждой вообще всем позднесредневековым сосудам из раскопок крымских городищ, хотя в период раннего средневековья лощеные сосуды в Таврике были распространены. Этот признак указывает на наличие архаизирующих тенденций в изготовлении некоторых типов посуды на Тепе-Керменском городище в позднесредневековый период. Быть может, в этом следует усмотреть и наличие некоторых влияний аланской керамики, в которой лощение сохраняется долго, вплоть до позднего средневековья [7]. Форма ручки является важным указанием на отличие нашего кувшина от херсонесских потому, что ручки последних, прикрепленные ниже края венчика, обязательно поднимались над ним. Это правило, почти не знающее исключений [8]. В этом случае требования моды были почему-то особенно жестки.

Факт этот тем более интересен, что и в аланской керамике такая манера прикрепления ручки к венчику осуществлялась столь же неукоснительно, и притом начиная с раннего средневековья вплоть до XII века [9]. Возможно, что в Херсонесе такой способ крепления ручки был заимствован именно от алан, которые жили, по сообщению источников, недалеко от Херсонеса [10].

7/ См., например, В.А.Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, М, 1962, рис. 17, 24.

8/ А.Л.Якобсон. Средневековый Херсонес, стр. 110, рис. 67, 6,7,8,9.

9/ В.А.Кузнецов. Ук.соч., рис.3 4; 27,11,32; 1,2:

10/ Ю.А.Кулаковский. Епископа Феодора "Аланское Послание". ЗООИД, XX1, 1898, стр.17.

Третьим восстановленным сосудом является побывавший в пожаре и сильно пережженный лепной горшок /Те-69/79, рис. 1,3/ с прямым, слегка отогнутым венчиком. Интересная деталь его - наличие в ручке сквозных отверстий, расположенных на одной прямой. Это, несомненно, отверстия для подвешивания сосуда. Другая, еще более интересная особенность заключается в существовании горизонтальной ручки, правда, не сохранившейся, расположенной под обычной, вертикальной. Расположение ручек на сосуде как бы в несколько ярусов встречается в аланской керамике Северного Кавказа, начиная с раннего средневековья [11].

Наиболее существенны для характеристики тепе-керменских сосудов те аналогии, которые можно было бы найти на одновинных городищах Горного Крыма, прежде всего на Эски-Кермене и Мангупе. Однако, керамика этих городищ почти не вошла в научный оборот, немногие восстановленные сосуды - в основном тарные, так что судить о распространенных формах и орнаментах пока нельзя, хотя на фрагментах керамики из раскопок этих городищ есть отдельные элементы узоров, аналогичные тепе-керменским, налепные валики, "медальоны", врезные мелковолнистые линии [12]. Для каких-либо сопоставлений этого материала недостаточно. Сравнение кувшинов Тепе-Кермена и Баклы, давшей разнообразные формы позднесредневековой керамики, показывает, что общим у них является только шаровидность очертаний. Баклинским кувшинам чужды налепные валики и, применительно к позднему средневековью, лощение поверхности. В их орнаментике гораздо явственнее прослеживается влияние кочевнического мира, объясняющееся, по-

11/ В.А.Кузнецов. Укз. соч., рис. 33, 2,3.

12/ М.А.Тиханова. Базилика, стр. 346, рис.10, б,в; А.Л.Якобсон. Дворец, стр. 402, рис. 15, д,е. Обе статьи в сб.МИА, 34, 1953.

видимому, большей близостью Баклы к степи. Лепной горшок Тепе-Кермена /рис.1,3/ находит точную аналогию в керамике Баклы, где также встречены ручки со сквозными отверстиями для подвешивания. Возможно, горшки служили рукомойниками.

Тарные сосуды представлены амфорами, - круглодонными и плоскодонными, - и пифосами. Восстановленная амфора /Те-69/73, рис. 1,4/ изготовлена из оранжевой, тонко отмученной глины с редкими золотистыми включениями, имеет округлое дно, грушевидный корпус и невысокое цилиндрическое горло с валикообразным венчиком. Массивные, округлые в сечении ручки поднимаются над горлом и, круто изгибаясь, опускаются на плечи. Последние украшены рифлением, не всегда равномерным.. Интересная особенность амфоры - граффити на плечах /рис. 1,4-а, 4-б/. Амфора принадлежит к типу, широко распространенному в период позднего средневековья в Северном Причерноморье, Подонье, Приднепровье [13]. Второй тип амфоры, встреченной при раскопках, правда, в сильно фрагментированном виде, - плоскодонная, с относительно высоким горлом и двумя плоскими ручками с вертикальным рядом неглубоких вдавлений. Эти амфоры происходят от высокогорлых кувшинов с плоскими ручками и не встречаются вне Крыма и Приазовья [14], т.е. вне района широкого распространения высокогорлых кувшинов. Никаких местных особенностей оба типа амфор из Тепе-Кермена не имеют, они совершенно идентичны с амфорами из Эски-Кер-

13/ А.Л.Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. Сборник "Советская археология", XУ, 1951, стр. 341-342.

14/ А.Л.Якобсон. Ук. соч., стр. 343, рис. 341, 40; С.А.Плетнева. Средневековая керамика Таманского городища. В книге "Керамика и стекло древней Тмутаракани", М, 1963, стр. 56, рис. 74, 3,5.

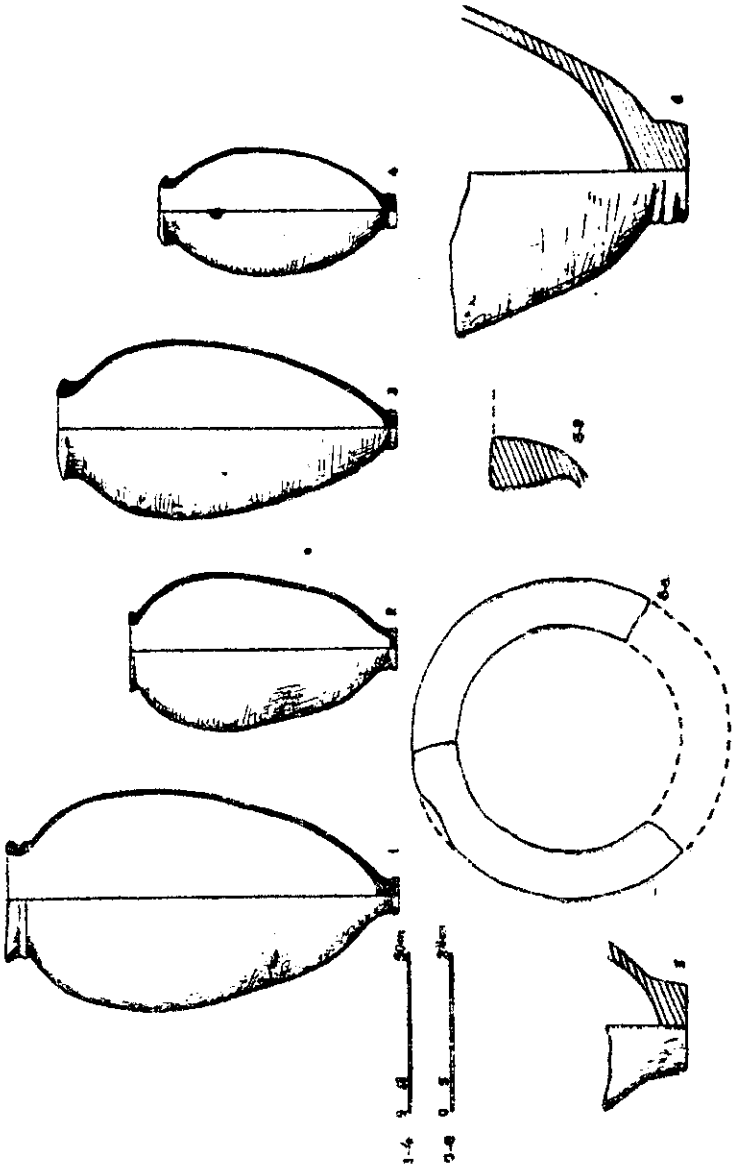


РИС. 2. ПИФОСЫ ТЕПЕ-КЕРМЕНА

мена, Баклы, Херсонеса и были здесь привозными, скорее всего, из Херсонеса.

На городище Тепе-Кермен было найдено *in situ* четыре целых и два разбитых пифоса /рис. 2/, изготовленных из хорошо обожженной глины, коричневого цвета в изломе. Размеры их колеблются от 75 до 125 см. Форма удлиненная, яйцевидная, на цилиндрической ножке. Бытовали здесь, судя по встреченным фрагментам, пифосы и более крупных размеров: два из них с горизонтальным верхним срезом и небольшим выносом над стенками, в сечении они приближаются к треугольнику /рис. 2, 1,2/; венчики двух других пифосов с округлым верхним краем и косым срезом боковой части /рис. 2,3,4/; наконец венчик еще одного пифоса обозначается резким утолщением стенки сосуда /рис. 2, 5-6/.

Все найденные пифосы принадлежали одному хозяйственному комплексу. Некоторые из них были вставлены в специально высеченные в скале конические гнезда, другие же опущены в большую вырубку в скале. Все сохранившиеся пифосы были прикрыты дисковидными каменными крышками, указывающими на использование пифосов вплоть до прекращения жизни на городище. В них хранилась жидкость, скорее всего, вода.

Пифосы, аналогичные тепе-керменским, были широко распространены на нашем Юге, начиная с IX-X вв., а их яйцевидная форма восходит еще к позднеримским образцам [15]. Прочность пифосов и условия их употребления - установка в гнездах или вырубках - обеспечивали использование этих сосудов в течение столетий, следовательно, форма пифосов

15/ А.Л.Якобсон. Средневековые пифосы Северного Причерноморья. СА, 1966, 2, стр. 189-202.

может указывать лишь на примерную дату изготовления, а не бытования сосуда. Форма венчика в виде небольшого нависающего карниза имеет ближайшие аналогии в пифосах IX-X вв. [16], венчик же с округлым верхним краем и косым срезом боковой части гораздо ближе к пифосам стоявшим в кладовой 70-х гг. XУ вв. при дворце князя Исаака на Мангупе [17]. Для правильной датировки здесь много важнее стратиграфия хозяйственного двора. Последняя указывает на то, что , хотя пифосы в вырубке и пифосы в гнездах в течение какого-то времени сосуществовали, первые изготовлены раньше. И поскольку пифосы в гнездах были погребены в засыпи, скорее всего, XIII в., пифосы в вырубке предпочтительнее датировать временем между X и XIII вв.

Поливная керамика представлена только 4-мя целыми сосудами и несколькими фрагментами. Глина красная.

Блюдо на невысоком кольцевом поддоне, со слегка расходящимся и скругленным снизу бортом /Те-69/75, рис.3,5/ покрыто светлой желтовато-зеленой поливой, по ангобу, с орнаментом врезной линией, представляющим собой расположенный в центре днища круг, вокруг которого два концентрических пояска. Ближе к краю днища, т.е. к борту, расположены радиально еще три окружности, внутри каждой из которых концентрические пояски. Между окружностями прочерчены одинарные линии. Венчик украшен семечковидными врезными насечками. Хорошо датируемая аналогия - блюдо из Константинополя, найденное в слое с монетами Мануила 1 и Алексея III /1143-1180 гг. и 1195-1203 гг./ [18]. В Херсонесе наиболее близкие стилистически аналогии встречены среди красноглиняной поливной керамики группы 1, по А.Л.Якоб-

16/ Там же , рис. 7.

17/ А.Л.Якобсон. Дворец. МИА, 34, стр. 408, рис.25,д

18/ R. Stevenson. The pottery. В издании: The great Pdlace of the Byzantine Emperors . London, 1947, pl. 25, 18.

2
65
80
75
8
09
120
132
138
147
155

сону, которую он считает византийским экспортом и датирует XII в., и группы 2, которая, по мнению этого же исследователя, является местным подражанием византийской керамике группы 1 и датируется так же, как и последняя [19].

Блюдо на кольцевом поддоне с прямыми расходящимися стенками и широким отогнутым венчиком /Те-69/72, рис. 3,6/. Покрыто желтовато-зеленой поливой по обожженному коричневому черепку, с росписью белым ангобом: в центре - окружность с точками внутри, ближе к краю шесть таких же окружностей. Край украшен фестонами, часть которых выполнена росписью ангобом, а часть - врезной линией, также подцвеченной ангобом. Многочисленные и точные аналогии этому блюду встречаются на территории Византии, Сирии, Армении и,что особенно важно, в Херсонесе, где А.Л.Якобсон датирует их XIУ и, отчасти, ХУ вв. [20] Этим же временем датируется Т.И.Макаровой такого рода посуда из Тмутаракани [21].

Почти целыми найдены два неорнаментированных поливных сосуда: одноручный кувшинчик с цилиндрическим днищем, раздутым туловом и высоким узким цилиндрическим горлом /Те-69/74, рис. 3,7/ и бутыль с прямым венчиком, в котором имеются три сквозных отверстия для подвешивания /Те-69/76, рис. 3,8/. Кувшинчик имеет аналогии среди херсонесской красноглиняной поливной керамики XII-XIУ вв. и персидской посуды XII-XIII в. [22]. Точные аналогии бутыли в поливной керамике мне неизвестны.

19/ А.Л.Якобсон. Средневековый Херсонес, рис.173, табл. I,5; II,6,8.

20/ А.Л.Якобсон. Ук. соч., стр.193, табл. XXIУ, 93,94.

21/ Т.И.Макарова. Поливная керамика Таманского городища. В об. "Керамика и стекло древней Тмутаракани". М,1963, стр.92, рис.6,3.

22/ А.Л.Якобсон. Средневековый Херсонес,стр.114-115,рис. 78,1; 80, 16.

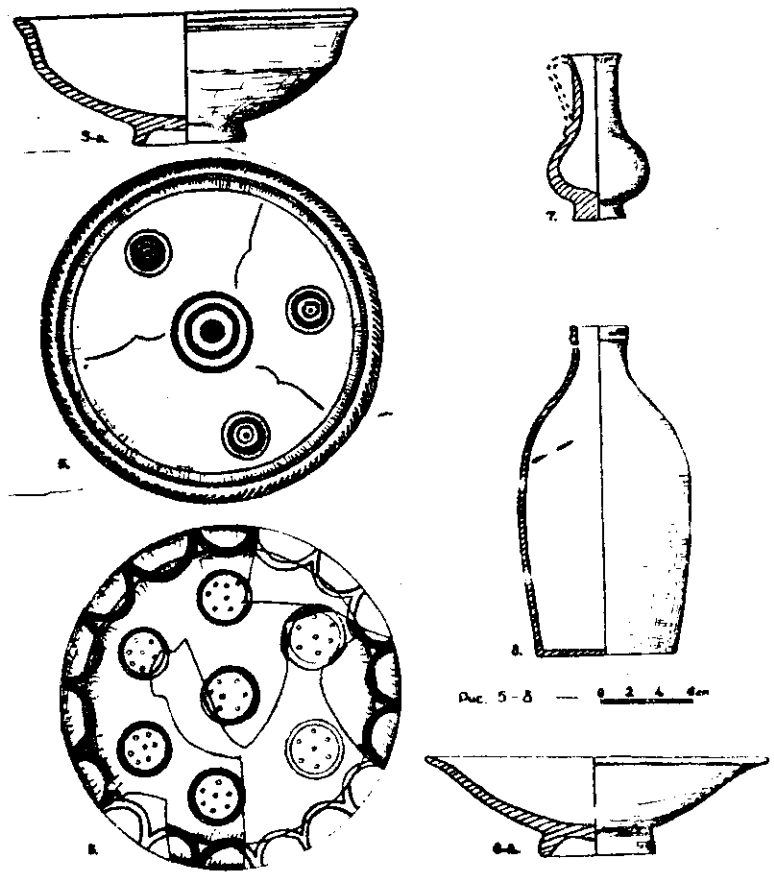


Рис. 5-8 — 0 2 4 6см

РИС. 3. ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ТЕПЕ-КЕРМЕНА

2
45
60
75
8
09
·1?0
132
138
147
155

Вся описанная выше керамика, поливная и неполивная, за исключением четырех целых пифосов, стоявших в вырубке, была найдена в одном коричневато-сером слое с обильными включениями угля и золы, принадлежала последнему периоду существования городища и являлась, несомненно, одновременной. Наиболее целесообразно определить время существования всех рассмотренных категорий вещей, исходя из форм и орнаментики поливной керамики, которая является пока одним из лучших хронологических индикаторов. Сделать это, однако, трудно, ибо расхождение между датировками по аналогиям двух описанных поливных блюд - XII в. и XIУ-XУ вв. - слишком велико. Ясно, что одна из датировок ошибочна, но решать этот вопрос надо, разумеется, не на ограниченном еще в настоящее время материале Тепе-Кермена. В пользу более ранней даты, т.е. XII-XIII вв. говорит и находка красноглиняной амфоры с высоко поднятыми ручками /рис. 2,4/. Этим временем и следует, очевидно, датировать на основании имеющегося пока небольшого материала, прекращение жизни на городище.

СОДЕРЖАНИЕ

Л.В. Грехова. Кремневый комплекс стоянки Тимоновка 11 и однотипные памятники Деснинского бассейна 3-22

С.В. Студзицкая. Отражение этнических процессов в мелкой пластике древнейшего населения Севера Европейской части СССР 23-45

Э.А. Федорова-Давыдова. Приуральская группа памятников ямной культуры 46-60

Т.Б. Попова. К вопросу о связях племен поздняковской и абашевской культур..... 61-75

Н.П. Сорокина. Новые находки стеклянных сосудов У в. до н.э. на Таманском полуострове 76-88

Н.В. Пятышева. Материал склепа № 1012 и его значение для истории Херсонеса эллинистического времени 89-109

И.И. Гущина. К вопросу об экономических связях населения Бельбекской долины Крыма в первые века нашей эры 110-120

М.П. Абрамова. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры .. 121-132

Т.Б. Барцева. Предварительные результаты спектрального изучения зеркал-подвесок Центрального Кавказа 133-138

А.П. Смирнов. Гуннский элемент в культуре Волжских Булгар 139-147

Н.В. Трубникова. Фигурка медведя из Иваньковского могильника 148-155

А.В. Успенская. Остатки ювелирного производства на городище Подмокново 156-161
Н.В. Тухтина. Этническая принадлежность погребенных в курганах Юго-Восточного Приладожья 162-181
Н.Г. Недошивина. Хронологические различия в погребальном обряде вятичей 182-196
В.А. Мальм. Шиферные пряслица и их использование 197-206
М.В. Фехнер. Шелковые ткани как источник для изучения экономических связей Древней Руси 207-227
Н.Т. Климова. Технология шелковых тканей из коллекции Государственного Исторического музея ..... 228-24[illegible]
Г.Ф. Полякова. Балыкульский клад болгарских украшений домонгольского времени 244-249
Д.Л. Талис. Позднесредневековая керамика Тепе-Кермена 250-262

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Редактор издательства П.Ф. ВЛАДИМИРОВ

Подписано к печати 17/1У-71 г.
Формат бум. 60х90 1/16. Физ.п.л. 16,652
Учетно-издат.л. 9,50

Изд. инд. И3-441. А06582
Тираж 600 экз. Цена 95 коп.

Типография ГАУ при СМ СССР